

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

БОГАТЫРЕВ Александр Валерьевич

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИГУР ИНТЕРТЕКСТА
В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
10.02.01 – русский язык

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор **Москвин**
Василий Павлович

Волгоград

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	15
1.1. Критерии текстуальности: аналитический обзор применительно к юридическому дискурсу	16
1.2. Особенности интертекста в юридическом дискурсе	46
1.3. Современный юридический дискурс: системообразующие признаки	57
ВЫВОДЫ	75
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРТЕКСТА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	79
2.1. Феномен интертекстуальности в системе экспрессивно-стилистических средств языка	81
2.2. Цитата как основа логической аргументации в юридическом дискурсе.....	88
2.3. Аппликация: опыт функционального анализа фигуры	105
2.4. Аллюзия: игра интертекстуальных и контекстуальных смыслов	112
2.5. Парафраз и интертекст-пересказ: варианты формальных и смысловых заимствований	124
ВЫВОДЫ	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	147
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА	162

ВВЕДЕНИЕ

Задачи современной лингвистики выводят ее на общеизвестные для ученого мира связи с психологией, логикой, историей, философией и другими науками. Нередко взаимодействие между научными дисциплинами, одной из которых выступает лингвистика, бывает настолько плотное, что на его основе формируются отдельные, самостоятельные отрасли языковедческого знания. Примером может послужить формирование таких дисциплин, как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика.

Между тем на рубеже XX – XXI вв. необходимость в изучении различных видов речевой коммуникации растет, что обусловлено «социальными, культурными, экономическими, политическими и правовыми процессами» [Скоробогатов, 2013, с. 235], которые мы можем наблюдать в нашей стране на протяжении последних 25 лет, развитием новой системы взаимоотношений между государством, организациями и гражданами, т. е. «политическими переменами, которые делают более востребованным искусство публичного доказательства» [Хазагеров, Лобанов, 2004, с. 30]. При этом в лингвистических учебниках и справочниках не уделяется должного внимания «юридическому аспекту языка и связям языкознания с юриспруденцией» [Голев, 1999, с. 4]. В настоящее время идет формирование «другого» вида риторики – юридической [Львов, 2003, с. 56], которая приходит на смену традиционной судебной. Судебная риторика становится составной частью юридической, ведь «судебные речи не ограничиваются только прениями сторон. Сам судебный процесс – это лишь видимая часть айсберга, т. е. следствия, которое иногда длится годами» [Там же, с. 57]. В ведение юридической риторики, таким образом, включаются, помимо судебных речей, также речь-консультация адвоката, допрос как специфическая форма диалога и др. [Там же]. Развитие демократических институтов государства способствует тому, что в рамках современной лингвистики растет интерес к проблемам риторики, юридическая практика все более глубоко проникает в социальную сферу, а сама сфера права требует значительного расширения «межпредметного и метапредметного поля исследова-

ний», проникновения в него «теоретических проблем и методологических подходов, разработанных в других гуманитарных науках» [Скоробогатов, 2013, с. 234]. Тесная взаимосвязь юриспруденции и лингвистики, языка и права все чаще заставляет говорить о том, что данный феномен относится «к сфере общих интересов как лингвистов, так и правоведов» [Шевырдяева, 2009, с. 1]. Эти интересы обусловлены множеством факторов, о которых упоминают современные ученые [Голев, 1999, 2000, 2004; Золотова, 1982; Лебедева, 2000; Малеина, 1998; Туранин, 2009; Ушаков, 1991; Храмцова, 2009 и др.]:

1. Язык регулирует сферу юриспруденции, выступая в роли ее объекта, что мы видим в спорах о защите чести и достоинства, о статусе национального языка, в делах об авторском праве и т. д.

2. Язык выступает средством законотворческой деятельности.

3. Язык выступает средством толкования и интерпретации законов. Этот и предыдущий пункты говорят о том, что возникновение и функционирование системы права без учета особенностей языка невозможно в принципе.

4. Представители закона, исполнители закона, граждане, государство и проч. выступают в качестве элементов моделей юридической коммуникации.

5. Языковые законы в ряде случаев могут влиять на юридическую действительность (например, в случае замены букв «е» и «ё» в фамилиях граждан и названиях организаций, при возможных последствиях такой замены в процессах установления личности, взыскания долга, получения кредита); в случае использования юристом запрещенных этосом приемов, уловок и проч.

Немаловажной является работа по изучению всех составляющих функционирования языка в юриспруденции, взаимосвязи языка и права, в частности, исследование в рамках юридического дискурса такого явления, как интертекстуальность. Примечательно, что ни в отношении понятия дискурса, ни в отношении понятия интертекстуальности нельзя увидеть единой точки зрения со стороны научного сообщества.

Несмотря на значительное число исследований по данной тематике, не остается однозначным даже само понятие «интертекст», которое трактуется, как

минимум, в рамках двух научных парадигм: широкой, так называемой радикальной концепции (Ю. Кристева, М.М. Бахтин, Ж. Деррида, Ж. Женетт и др.), и в рамках узкого понимания явления, когда понятие интертекста сводится к сознательному использованию ассоциативных связей между текстом-реципиентом и текстом-донором (И.В. Арнольд, В.Е. Чернявская, У. Эко, М. Пфистер и др.). Если же рассматривать средства интертекстуальности, фигуры интертекста, их взаимоотношения с другими фигурами, то несовпадение взглядов различных исследователей будет еще значительнее; порой наблюдается и отсутствие исследований в том или ином направлении.

Научное сообщество едино в том, что «интертекстуальность – понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной неопределенности и расплывчивости его содержания» [Culler, 2002, с. 109]. В. П. Москвин объясняет такую «расплывчивость и неопределенность» двумя причинами. Первая из них состоит в том, что интертекст нередко воспринимается как явление элементарное, не членимое далее. Однако при внимательном изучении можно прийти к выводу, что категория интертекста представлена рядом подтипов. Вторая причина заключается в том, что приемы использования чужой речи (фигуры интертекста) до сегодняшнего дня не получили исчерпывающих дефиниций. К примеру, использование выражения «цитирование без ссылки» можно понять как аппликацию, аллюзию или травестирирование [Москвин, 2011, с. 5]. Без уточнения вопросов, обозначенных выше, нельзя говорить и о функциональном аспекте интертекстуальности – в частности, в рамках того или иного институционального дискурса.

Научное понятие интертекстуальности относится к результату развития современного языкознания, однако феномен интертекста можно наблюдать в образцах текстов многовековой давности. Несмотря на то, что «текст в тексте» мы можем наблюдать и в классической, и античной литературе, термин «интертекстуальность» был введен французской исследовательницей литературы и языка Юлией Кристевой только в апреле 1967 года – в статье «Разрушение поэтики» (журнал «Critique»), посвященной осмыслению и развитию идей М. М. Бахтина [Кристева, 1994, с. 44–62].

Таким образом, **актуальность** избранной темы исследования определяется рядом факторов: востребованностью риторического знания в юридической практике в связи с демократизацией государства и общества; важностью изучения всех составляющих феномена интертекста для конкретизации его понимания в науке о языке, в том числе для определения специфики дискурсивной реализации интертекста в юридической практике; необходимостью углубленного анализа механизмов функционирования фигур интертекста как эффективного средства реализации коммуникативной стратегии адресанта.

Объектом исследования служит интертекстуальность как текстовая категория и как ассоциативная связь текста с другими текстами. В нашей работе мы опираемся преимущественно на узкое понимание интертекстуальности, анализируя феномен интертекста через его конкретные языковые репрезентации, каковыми являются, прежде всего, фигуры речи: различные виды цитирования, аппликации, аллюзии и др. С этой точки зрения определяется и **предмет исследования** – как специфика функционирования фигур интертекста в рамках юридического дискурса.

Фигуры интертекста имеют значимый потенциал для решения коммуникативных задач, стоящих перед оратором, однако в науке о языке до сих пор не исследованы функциональные возможности фигур указанного типа в рамках юридического дискурса; рассмотрение таких возможностей и составляет главную **цель** данной диссертационной работы.

Гипотеза исследования состоит в том, что интертекстуальная составляющая является характерной особенностью юридического дискурса и имеет в его текстах весомую функциональную нагрузку: опираясь на различные виды текстуальных источников, фигуры интертекста направлены на убеждение адресата, участвуя в формировании логики текста и психологической аргументации в тесной взаимосвязи с экспрессивно-стилистическими средствами языка.

Целью работы и предложенной гипотезой определяется решение следующих **задач**:

1) рассмотреть подходы к пониманию интертекстуальности в современной науке о языке, а также уточнить содержание ключевых понятий интертекстуальной сферы («текст» и «интертекстуальность») в соотнесении с особенностями юридического дискурса;

2) определить системообразующие признаки современного юридического дискурса, релевантные для изучения природы функционирования в нем фигур интертекста;

3) построить аргументативную модель коммуникации в юридическом дискурсе, определить место феномена интертекстуальности в предложенной модели;

4) выявить основные фигуры интертекста, используемые ораторами в рамках современного юридического дискурса; произвести функциональный анализ данных фигур в текстах данного дискурса;

5) охарактеризовать микросистему фигур интертекста как средство логической и психологической аргументации.

С точки зрения юрислингвистики знание права не ограничивается анализом законодательных и правоприменительных документов в аспекте лингвистических категорий (текст, интертекст), дискурса (социальный контекст, социальная эффективность и общественная обусловленность правовых норм); все большее значение начинает приобретать интерпретация юридического текста, акцент ставится на «выявлении позиции интерпретатора» [Мирошниченко, 2011, с. 86]. Поэтому юрист должен обладать высоким уровнем речевой компетенции, уметь «использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач» [Ивакина, 2007, с. 21].

В связи с этим, наряду с законодательными текстами, основными **источниками исследования** послужили тексты интертекстуально интенциональных жанров юридического дискурса как тексты, предрасположенные к активному использованию выдержек из других текстов, сохраняющие высокий уровень личностного начала оратора и тем самым представляющие наибольший интерес с точки зрения риторики, языкознания и филологии в целом: судебные речи, ходатайства,

жалобы, комментарии к феноменам юридической сферы (законодательным актам, судебным процессам), юридические интервью современных российских юристов высшей категории, чья речевая компетентность не вызывает сомнений: Г. Резника, Г. Падвы, М. Барщевского, П. Астахова, С. Арии, Ю. Костанова и др. Логика существования юридического поля в современном правовом государстве создает «объективные условия монополии профессионалов на производство той особой категории товаров, какой являются юридические услуги» [Бурдые, 2005, с. 99–102]. Соответственно, юристу по роду своей деятельности приходится «не только оперировать законом, но и разъяснять, объяснять, доказывать, убеждать и переубеждать» [Введенская, Павлова, 2002, с. 9]. Чем выше уровень межличностного общения специалиста, тем эффективнее он решает свои профессиональные задачи, поэтому речи авторитетных ораторов являются одним из возможных вариантов «образцового» материала. Важным параметром оценки представляется и современность избранных текстовых образцов, способствующая отражению актуальной картины интертекстуальности в юридическом дискурсе.

Материал исследования – авторская картотека, включающая более 500 примеров реализации феномена интертекстуальности, извлеченных из текстов названных и охарактеризованных выше источников.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили работы:

– по теории интертекстуальности и дискурса (И.В. Арнольд, Р. Барт, Ж. Женнет, В.И. Карасик, Г.К. Косиков, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, В.П. Москвин, Н. Пьеге-Гро, М. Риффатер, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская и др.);

– по концепции открытого диалогического текста (М.М. Бахтин, Т. Н. Колокольцева, Т.В. Плеханова, Н.Д. Тамарченко и др.);

– по юридической риторике (Л.С. Бурдин, А.Д. Васильев, А.А. Волков, Н.Д. Голев, Н.Н. Ивакина, А.М. Кузнецов, Н.В. Солнцева и др.);

– по исследованию экспрессивно-стилистических средств русского языка (В.И. Аннушкин, Л.В. Балашова, Л.А. Введенская, А.А. Волков, Е.Н. Зарецкая,

Н.А. Карабань, Н.И. Клушина, С.Б. Козинец, В.П. Москвин, Л.Г. Павлова, О.В. Петров, Ю.М. Скребнев, Г.Г. Хазагеров и др.).

В работе использован *описательный метод*, состоящий в наблюдении и сопоставлении фактов и явлений с целью установления существенных сходств и различий между ними. Из числа частнонаучных методов использовались *семантико-стилистический анализ*, направленный на «разыскание тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов» [Кожина, 1993, С. 18]; *интертекстуальный анализ*, позволивший наиболее полно осветить идеологический, семиотический и коммуникативный аспекты рассматриваемых явлений; методы *контекстуального* (наряду с индивидуальными признаками явления учитывающего характер контекста, с которым оно связано) и *сравнительного* (состоящего в сопоставлении ряда явлений по определенным критериям) *анализа*, *компонентного анализа* (как процедуры выявления семантических множителей в значении номинативной единицы), *функционального анализа* (предполагающего установление функциональных возможностей и определение значимости номинативно-выразительных средств).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрено значение феномена интертекстуальности в жанровом многообразии текстов юридического дискурса; уточнены критерии разграничения фигур интертекста; выявлены основные **функции** фигур интертекста в текстах юридического дискурса; уточнены и обоснованы отличительные особенности понятий *интертекст* и *текст* в рамках юридического дискурса; определены основные источники интертекстуальности в юридических текстах; предложена аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе с учетом значения в нем феномена интертекста.

Теоретическая значимость исследования predeterminedena современным этапом развития искусства судебного красноречия в России, характеризующимся проникновением юридической практики в систему социальных институтов, и заключается в том, что данная работа вносит вклад в развитие общей теории дискурса, общей риторики, а также юрислингвистики, стилистики и культуры речи.

Диссертационное исследование опирается на теоретически значимые и актуальные в современной лингвистике аспекты стилистики, риторики, семантики, прагматики и функционирования языковых единиц. Привлекаемый к описанию материал анализируется в русле основных положений коммуникативной лингвистики, стилистики, риторики и семиотики. Исследование вносит определенный вклад в разработку лингвистических методик описания судебного дискурса, выявления и анализа языковых средств, в частности фигур интертекста, функционирующих в юридическом узусе.

Практическая значимость работы заключается в возможности прикладного использования результатов исследования: сведения о выявленных особенностях и закономерностях функционирования фигур интертекста могут быть использованы в рамках лекционных и практических занятий по культуре речи и развитию ораторского мастерства при подготовке специалистов как юридической сферы, так и гуманитариев в целом, в спецкурсах и на спецсеминарах на юридическом факультете в вузе и колледже для повышения уровня профессиональной подготовки будущих юристов, журналистов и филологов. Результаты исследования могут применяться и для преподавания таких дисциплин, как «Русский язык и культура речи», а также для разработки спецкурсов по риторике для юристов. Информация, содержащаяся в исследовании, представляется практически значимой для лингвистов, юристов и психологов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Признаки текста, определяемые современной наукой о языке (письменная форма, завершенность, протяженность, связность, информативность, наличие интертекстуальных связей, согласованность формы / стиля и содержания, наличие прагматической установки и др.), присущи некому абстрактному, так называемому «идеальному тексту», но в рамках конкретных дискурсов могут варьироваться в зависимости от различных стилистически релевантных параметров текста. Значимыми для реализации коммуникативной стратегии адресанта особенностями текста в юридическом дискурсе выступают: возможность как письменной, так и устной форм выражения (в связи с чем целесообразно ввести следующие уточня-

ющие понятия, релевантные для данного типа дискурса: а) «письменный текст, воспроизведенный устно», б) «письменный текст, требующий устного воспроизведения», в) «записанный текст»); связность (т. е. обязательность наличия средств когезии и когерентности); наличие интертекстуальных связей как функционально значимый критерий юридической текстуальности; наличие эристически интенционального (1) и / или регулятивно интенционального речевого замысла (2), что ведет за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, способных наиболее эффективно разрешить определенный правовой конфликт, а в случае (1) – разрешить данный вид конфликта в пользу адресанта. Факультативными критериями в связи с указанной спецификой речевого замысла в юридическом дискурсе являются информативность, завершенность, а также согласованность формы и содержания.

2. Интертекстуальность в юридическом дискурсе неразрывно связана с логической и психологической аргументацией; фигуры интертекста являются средством формирования и / или усиления аргументов оратора, а также опровержения тезисов оппонента. Таким образом, интертекст в юридическом дискурсе выступает как один из инструментов убеждения и доказательства.

3. Наличие фигур интертекста – характерная особенность юридического дискурса. В рамках аргументативной коммуникативной модели данного дискурса возможно выделение двух видов интертекстуальности: а) собственно **юридическая (деловая)** интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и предполагает обязательное указание на текстуальный источник; б) **выразительная** интертекстуальность, отвечающая, главным образом, за формирование психологической аргументации, а также за выразительность и эмоциональность юридического текста, и не обязательно предполагающая эксплицитного указания на источник. Текстовая опора логической аргументации – это, прежде всего, своды законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса. Текстовая опора психологической аргументации – это апелляция к опыту, традиции, авторитету, чувству жалости, формируемая, в частности, на основе текстов неюридической принадлежности (таких, как Библия, произведения художествен-

ной литературы, кинофильмы и т. д.), что является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе. Использование психологической аргументации с привлечением фигур интертекста имеет менее значимый эффект с точки зрения убедительной силы, чем логическая аргументация.

4. В рамках юридического дискурса содержание понятия «интертекст» обладает определённым набором особенностей, каковыми являются: наличие ссылки на текстуальный источник (что релевантно для деловой интертекстуальности), наличие эристических и регулятивных функций интертекста (что предполагает необходимость применения функционального анализа); прецедентная компетентность адресата, в случае отсутствия которой интертекст теряет часть своей перлокутивной силы; возможность формирования интертекстуальности на основе взаимодействия не только двух и более текстов (вертикальный интертекст), но и фрагментов одного и того же текста (горизонтальный интертекст); заимствование из текста-донора не только фрагмента текста (формы выражения), но и его смысла (содержания). В оппозицию к последнему типу можно поставить интертекстуальные отношения, при которых передается только стиль текста-донора, что служит основой формирования таких явлений, как стилизация и, в частности, пародия; последние не находят отражения в современных юридических текстах.

5. Фигуры интертекста вступают в структурно-функциональную связь с экспрессивно-стилистическими средствами языка (такими, как тропы и фигуры речи), что в рамках юридического дискурса позволяет говорить о конвергенции интертекстуальных единиц и экспрессивно-стилистических средств языка. Данное явление существенно усиливает перлокутивный эффект выразительной интертекстуальности, направленной на усиление аргументативной стратегии оратора, а значит, и на более эффективное достижение поставленной коммуникативной цели.

6. Фигуры интертекста в рамках юридического дискурса не являются монофункциональными; они не только способны выполнять различные коммуникативные функции, но могут также служить реализации ряда коммуникативных

функций одновременно; соответственно, можно говорить об уникальном феномене контекстуальной полифункциональности фигур.

7. По аналогии с фигурально и, в частности, интертекстуально интенциональными жанрами (такими, как центон и хрия) можно констатировать существование фигурально, в частности, интертекстуально интенциональных дискурсов, каковым, по нашим наблюдениям, является юридический дискурс.

Оценка достоверности результатов исследования позволяет говорить о том, что в нём применены адекватные методы и приемы исследования, объем анализируемого материала достаточно репрезентативен, так как включает в себя более 500 примеров реализации феномена интертекстуальности, извлечённых из более 50 источников; полученные результаты исследования опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей в Архангельске, Волгограде, Москве и Санкт-Петербурге.

Апробация и внедрение результатов исследования. Содержание исследования отражено в 13 публикациях, три из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации. Основные положения, результаты и выводы диссертации докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, на аспирантском семинаре Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2008 – 2015 гг.), на различных научных конференциях, в том числе на Международной конференции «Ломоносов» (Москва, МГУ, апрель 2008 г.); на Международной научной конференции «IX Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, Институт русского языка им. А.С. Пушкина, май 2008 г.); на XIII Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, ноябрь 2008 г.); на Международной научной конференции «Гуманитарные науки в России XXI века: тенденции и перспективы» (Архангельск, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ноябрь 2008 г.); на Международной научной конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, май 2009 г.); на Международной научно-практической конференции «Межкультурная деловая коммуника-

ция: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса» (Волгоград, октябрь 2009); на Международной научно-практической конференции «Язык и общество: проблемы, поиски, решения» (Санкт-Петербург, апрель 2010 г.); на Международной научно-практической конференции «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (Волгоград, декабрь 2010 г.); на XIII Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2015 г.); на V Международной научно-практической интернет-конференции «Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы» (Волгоград, 2015 г.) и др.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, списка словарей и справочников, а также списка использованных источников языкового материала.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Явление «текста в тексте» представляет особенный интерес для филологической науки от изучения его художественной, эстетической составляющей до функциональных возможностей в построении убедительной, аргументированной речи. Но процесс изучения интертекстуальности в определенном дискурсе осложняется рядом вопросов, на которые ученые дают либо противоречивые ответы, либо до сих пор не давали ответов. Так, нет единого мнения о том, что можно считать феноменом интертекстуальности, а что будет относиться к явлениям, только лишь похожим на «текст в тексте» (например, стоит ли отличать текстовую аллюзию от исторической; можно ли считать фигурой интертекста «интертекст-пересказ» и т. д.). Более того, возникает вопрос, возможно ли изучение «текста в тексте», не определив для себя, что мы принимаем за «текст». Поскольку и феномен интертекстуальности, и феномен текста трактуются различными учеными по-разному. Еще больше вопросов возникнет, если рассматривать интертекстуальность не в теории, а на практике, при «погружении в жизнь», т. е. в рамках тематического дискурса. При этом есть основания полагать, что в различных видах дискурса текст и интертекст могут иметь неодинаковые критерии своего определения, неодинаковые свойства и связанные с собой категории. Только ответив на эти вопросы, можно более детально рассматривать каждую из фигур интертекста, встречающуюся в рамках юридического дискурса, анализировать ее функциональные возможности и решаемые коммуникативные задачи. Учитывая данный факт, мы должны определиться с названными выше понятиями и особенностями их функционирования в границах тех аспектов, которые определяются задачами нашей работы.

1.1 Критерии текстуальности: аналитический обзор применительно к юридическому дискурсу

Ответ на вопрос, что мы можем называть текстом, до сих пор неоднозначен в филологической науке. Понимание текста варьируется достаточно широко: от однословного выражения и даже символа [Beaugrande, Dressler, 1981, с. 142] до книги с заголовком и комментариями [Ducrot, Todorov, 1979, с. 294]. При этом вопрос отнесения речевого отрезка к тексту не ограничивается только его протяженностью или наличием (отсутствием) заголовка. В соответствии с различными точками зрения на теорию текста существуют критерии, по которым исследователи относят речевой отрезок к тексту: письменная форма, завершенность, информативность, наличие прагматической установки, интертекстуальных связей, лексико-грамматическая связность и др. [Валгина, 2003; Гальперин, 1981; Николаева, 1978 и др.]. Однако наше видение заключается в том, что все эти признаки текста присущи так называемому идеальному тексту, но на практике они могут варьироваться в зависимости от социолингвистической обусловленности функционирования текста, именно поэтому на сегодня «не существует общепризнанной дефиниции текста» и не находится общего понимания «относительно определения текстовых категорий» [Бочарникова, 2010, с. 90]. Соответственно, в рамках конкретного институционального дискурса мы можем говорить о нехарактерных признаках и особенностях текстов, когда набор так или иначе реализуемых критериев текстуальности может быть неодинаковым. В контексте сказанного попробуем рассмотреть особенности текста через призму юридического дискурса.

Критерий первый: письменная форма (W.K. Wimsatt, M. Beardsley, J.A. Cuddon, С. Preston, И. Р. Гальперин). Традиционным является понимание, согласно которому текст должен иметь письменную форму, являясь «словами на странице» [Wimsatt, Beardsley, 1954, с. 18]. Вариантом такого подхода следует считать распространенное мнение о том, что текст есть «основная часть книги» [Cuddon, Preston, 1998, с. 903], а следовательно, в оппозиции к тексту – письменному феномену – стоит дискурс – устный феномен [Brown, Yule, 1983, с. 26]. Указанные

выше точки зрения перестают быть единственно верными, если предположить *ad absurdum*: выходит, текстов не было до появления письменности? Положительно ответить на этот вопрос не дают произведения устного народного творчества, часть которых появилась задолго до появления письменности. Да и в современном обществе, если человек не обучен чтению, то нельзя утверждать, что он не знаком с текстами, не знает текстов. Так, текст стихотворения или песенного произведения можно воспроизводить устно по памяти, не обладая навыком чтения, ведь любое устное высказывание «есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [Бенвенист, 1974, с. 312]. В связи с этим считается, что текст по форме представления может быть как устным, так и письменным [Валгина, 2003, с. 69]. Именно данное мнение наиболее укладывается в понимание текста в рамках юридического дискурса. Письменный текст здесь появляется, когда реалии юридической сферы «институционально объективируются в виде текстов-документов (протоколы следственных действий, обвинительный акт, нотариальные действия – доверенности, завещания, извещение о наследстве и т. д.)» [Палашевская, 2012, с. 146].

К устным текстам юридического дискурса можно отнести образцы более «живых» жанров: судебные речи, прения сторон, допрос свидетеля или подсудимого и проч. Принимая во внимание, что любой текст изначально формируется в сознании автора, письменная и устная формы текстов тесно переплетаются в рамках юридического дискурса, выступая в первичной или вторичной роли. Так, названный выше протокол допроса, имеющий письменную форму, есть не что иное, как результат записывания устного текста. Отметим здесь, что дискурс, в том числе и юридический, одновременно понимается:

1) как «динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст»;

2) как итог данной деятельности, «ее результат (т. е. текст)» [Гулова, 2012, с. 80].

С другой стороны, судебная речь нередко становится воспроизведением заранее подготовленного адвокатом или прокурором письменного текста. Вспом-

ним слова заслуженного юриста Российской Федерации Генриха Падвы: «Первые лет двадцать в моей адвокатской практике я так и делал – писал свои речи от и до. Все в них обдумывал, тщательно выверял. Вплоть до знаков препинания: долго взвешивал, что поставить в конце – точку, многоточие, восклицательный или вопросительный знак» [Выжутович, <http://www.rg.ru/2011/11/18/padva.html>]. И только после этого юрист воспроизводил письменный текст устно в зале суда. Таким образом, в рамках дискурсивного анализа юридических текстов имеет смысл обращаться не только к определениям «устный» и «письменный», но и уточняющим понятиям – «воспроизведенный текст», «текст, требующий устного воспроизведения», «записанный текст», так как последний, как минимум, может наследовать «значимые элементы вокальности от своего устного прародителя» [Pasternak, 1995, с. 2]. Примерами могут служить судебная речь (зачастую это устное воспроизведение записанного текста), решение суда (письменный текст, в силу регламента требующий устного воспроизведения в зале суда) или протокол допроса, который есть не что иное, как запротоколированный (записанный) устный текст. Таким образом, в юридическом дискурсе фигуры интертекста получают возможность реализации не только в письменной, но и в устной форме: дословно воспроизводимой (цитата, аппликация) или связанной с относительно свободным воспроизведением текста-источника (аллюзия, парафраз, интертекст-пересказ). Фигуры интертекста в юридическом дискурсе могут опираться не только на письменные тексты-доноры, но и на воспроизведенные устно текстуальные источники.

Критерий второй: завершенность. Принято считать, что классический завершенный текст в риторике – это текст, имеющий трехчастную структуру: вступление, основная часть, концовка. Большая часть современных исследователей придерживается аналогичной структуры текста применительно к судебному (если брать шире – юридическому) дискурсу. Например, Н. Н. Ивакина утверждает, что судебная речь имеет три обязательных части: вступление, главную часть, заключение [Ивакина, 2007, с. 110–122]. Вместе с тем представитель римского ораторского искусства Марк Туллий Цицерон, который уделял серьезное внима-

ние именно композиции судебных текстов, придерживался шести обязательных частей в них: вступление (замыкает внимание аудитории на ораторе); план выступления (доводит до аудитории основные позиции и тезис); рассказ о преступлении; доказательства (главная часть выступления, по мнению Цицерона); повторение решающих доводов (для их закрепления в памяти аудитории); подведение итогов [там же: 56].

Как мы видим, завершённый в композиционном отношении текст Цицерона может быть переведен в трехчастное понимание: достаточно условно отнести первые две его части к вступлению; следующие три – к главной части, а подведение итогов приравнять к заключению. Но далеко не каждая современная судебная речь будет считаться завершённым текстом с позиции Цицерона (достаточно юристу не включить в структуру речи повторение решающих доводов).

Можно прийти к выводу, что завершённость в смысле, принятом выше, – категория относительная, однако в том или ином формате является критерием текстуальности в рамках юридического дискурса, так как каждый текстовый жанр юридической сферы имеет выработанную традицией композиционную структуру. Например, в силу того, что текст юридической жалобы представляется в письменной форме, в его структуре появляются дополнительные элементы:

- заголовок («Жалоба адвоката Н. Смирнова...»);
- обозначение адресата и производства («прокурору Нижне-Сергинского района Свердловской области... по делу...»);
- основная часть: основание жалобы («Следователь СО Н-Сергинского ОВД Мешавкин Ю.П. отклонил мое ходатайство...»), аргументы и опровержение тезисов оппонента («Несостоятелен тезис, что...», «По показаниям свидетелей...», «В первоначальной схеме ДТП...» и т. д.);
- заключение, выдвигаемое требование («Прошу: уголовное дело против Шарухи П. Г. прекратить по п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления») [Смирнов, 1999, с. 354–355].

С большей интенсивностью тезис об относительности рассматриваемого критерия текстуальности подтверждается, если наблюдать с позиции завершён-

сти все многообразие текстов юридического дискурса. Так, законодательные тексты представляют собой строгую систему (деление на пункты, части, статьи, разделы и т. д.) и «отличаются высокой логичностью, характерной также для научного стиля изложения» [Шевырдяева, 2009а, с. 56]. Тексты судебной сферы менее унифицированы вследствие композиционных и содержательных особенностей жанров (жалобы, протоколы, решения и проч.). Наиболее «свободными» от критерия завершенности являются персонализированные юридические тексты, на которые в большей степени влияет личность оратора (судебные речи, юридические интервью, комментарии). В этом случае соблюдение рассматриваемого критерия текстуальности определяется не столько традиционной композицией жанра, сколько авторским представлением о том, что считать завершенным текстом с позиции замысла. Незавершенные в смысловом отношении тексты юридического дискурса являются феноменом-исключением из общего свода юридических текстов, имеют нарочитый характер и формируются посредством следующих вариантов:

1. Отсутствие тезиса (вывода) при наличии поддерживающих его фактов и аргументов – эпитроп, т. е. «фигура указания таких фактов и деталей, которые склоняют адресата к определенному выводу» [Sherry, 1961, с. 55]. Так, например, адвокат в защитительной речи может отступить от традиционного для данного жанра юридического дискурса озвучивания предполагаемой меры наказания для обвиняемого, но *таким* образом расставить в финале своей речи психологические и логические аргументы, что вывод о необходимости оправдательного приговора напрашивается сам собой: *Но вот что приходит мне на ум. Мы любим своих детей, потому что они наше продолжение, наше бессмертие, умирая, мы продолжаем жить в них. Супруги Раскины убиты, но они продолжают жить в своем сыне. Казнить его - значит пресечь все, что еще осталось от них на свете. И потому я думаю, что если бы они могли вымолвить здесь хоть слово, это было бы слово мольбы о сохранении жизни подсудимому Раскину. Потому что это единственный сын их. Прислушайтесь к этой безмолвной мольбе* [Ария, <http://www.advpalata.vrn.ru/orator3.html>]. Примечательно, что в указанном выше

примере мы не увидим никакой юридической логики, оратор делает опору в своей речи исключительно на психологический аргумент к жалости, подкрепляя его соответствующей эмоциональной лексикой (*наше бессмертие; пресечь, что осталось от них на свете; слово мольбы; сохранение жизни; безмолвная мольба*).

В случае если адресат склоняется оратором к какому-то выводу или тезису через строчки из внешних текстов, мы можем говорить уже о том, что нарочитая незавершенность текста формируется посредством феномена интертекстуальности. Рассмотрим финальную часть одного из интервью с заслуженным юристом Российской Федерации Генри Резником. На протяжении всего текста адвокат размышлял о слабых сторонах российского правосудия, в частности, в рамках дела М. Б. Ходорковского, интересы которого когда-то сам и защищал:

— *Профессия у нас такая, сволочная, но интересная. Жива еще русская интеллигенция. Мы ходим друг к другу, друг друга поздравляем. Мы весело живем. Грустно, Лена, что всему есть начало и конец, и пропускная способность адвоката Резника на 76-м году жизни, конечно, не та, что была 20 лет назад... Вы знаете хит всех времен и народов по делу Ходорковского?*

— *Нет.*

— *Ну что вы, Лена? Давайте я вам напою, хотите?*

— *Давайте.*

— *Ну это известная вещь такая. Я немного не в голосе сегодня... Вы знаете, мотив такой — «В городском саду играет духовой оркестр»? [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>].*

Оригинал этой «известной вещи такой», написанной поэтом А. Фатьяновой, звучит следующим образом:

Вот рассвет весенний гасит

Звездочки в пруду,

Но ничто не изменилось

В городском саду.

На скамейке, где сидишь ты,

Нет свободных мест...
В городском саду играет
Духовой оркестр.

Интервью, таким образом, формально прерывается на строчке из песни, вследствие чего текст может показаться незавершенным. Однако в сознании компетентного адресата, т. е., знающего текст-источник, активизируется целое поэтическое произведение. В контексте юридического интервью «скамейка, где сидишь ты» получается явную ассоциацию с выражением «скамья подсудимых»; фраза «ничего не изменилось в городском саду» может интерпретироваться в новом контексте как тезис об извечных проблемах российского правосудия, которые не находят решения (*ничего не изменилось* – ничего не меняется). А фраза «нет свободных мест» рисует картину множественности фактов судебной несправедливости, когда скамья подсудимых не может вместить всех, кто пострадал из-за обозначенных в интервью проблем. Нарочитая незавершенность через интертекст, таким образом, выполняет эвфемистическую функцию, позволяя, не произнося вслух, донести свои мысли до адресата. В свою очередь, стоит отметить роль помещения текста-донора в новый контекст, который представляет собой «мощный механизм формирования нужной оценки у нейтральной номинации» [Клушина, 2000, с. 95]

Цель данной тактики – привлечь внимание аудитории, подвести её к самостоятельному выводу: *В завершение привожу парадокс, сформулированный Комиссаром Совета Европы по правам человека Томасом Хаммарбергом: государство убивает человека, чтобы доказать, что убивать нельзя. Задумаемся* [Резник, http://echo.msk.ru/blog/reznic_h/875048-echo].

2. Наличие в заключительном фрагменте текста информации, которая подразумевает развитие проблематики текста в будущем и / или незавершенность определенного правового конфликта.

Так, в судебных речах адвокат или прокурор может указать на слабые стороны судебного разбирательства, которые требуют дополнительного внимания.

Это мы видим на примере заключительной части защитительной речи Генриха Падвы: *В этой связи и переходя к обстоятельствам убийства Губина, необходимо тщательно проанализировать показания свидетеля Гаврика в сопоставлении их с показаниями свидетеля Ставера. Это необходимо сделать, в первую очередь, потому, что именно на их показаниях обвинение основывает свои утверждения о доказанности вины всех подсудимых в судебном заседании* [Падва, <http://regnum.ru/news/accidents/128262.html>].

Уже в другом жанре юридического дискурса – в интервью с заслуженным юристом Российской Федерации Михаилом Барщевским – мы можем наблюдать завязку проблематики последующего интервью, которое появится в неопределенном будущем:

***Барщевский:** Нет, открыто сделано другое. Значит, признаем, что у нас не демократия, а меритократия, то есть власть элит, да? И будем формировать как Общественную палату – Госдуму как Общественную палату: треть формирует президент, вторую треть формирует первая треть, ну и так далее.*

***Ведущая:** А что? Хорошее предложение.*

***Барщевский:** По-моему, разумное.*

***Ведущая:** Мне тоже нравится. Подробнее об этом если вы хотите спросить у Михаила Барщевского, спросите в следующем эфире. Спасибо большое* [Барщевский, Воробьева, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/806968-echo/#element-text>].

В аналогичных случаях незавершенный текст можно представить как часть другого, более масштабного текста, который последует в неопределенном будущем.

Критерий третий: Обязательность наличия средств когезии и когерентности. Данный критерий выражен в том, что текст воспринимается часто в форме не одного, а нескольких предложений, абзацев, последовательно связанных между собой. Связность относится к основному признаку текста, который проявляется во взаимодействии между элементами текста, что определяет «целостность речевого сообщения и обусловленном авторским замыслом и особенностями язы-

ковой системы, стоящей за текстом» [Болотнова, 2009, с. 177]. Между тем категория связности рассматривается и как организующая «связь текстовых единиц» (предложений, абзацев и проч.), и как выражающая «отграничения» таковых [Котурова, 2003, с. 377].

Различаются две основные подкатегории связности (П. Я. Гальперин, Л. М. Макаров, Н. А. Николина и др.), которые трактуются как когезия и когерентность (Н. С. Валгина именует их локальной и глобальной связностью [Валгина, 2003, с. 43]). Когезия (локальная связность) определяется, как «связность линейных последовательностей «высказываний, межфразовых единств» [Валгина, 2003, с. 43], определяющая «непрерывность семантического континуума в тексте» [Николина, 2003, с. 48]. Когезия выражается в лексико-грамматической связности, «формальной взаимосвязи частей» [Москвин, 2012, с. 45], когда интерпретация «одной единицы дискурса требует отсылки к другой его единице» [Halliday, 1976, с. 11]. Когерентность (когеренция, глобальная связность) охватывает не только структурную, но и идейно-смысловую связь частей текста, что обеспечивает «внутреннюю цельность текста» [Валгина, 2003, с. 43]. Если когерентность объединяет факты, явления и т. д. в «одно замкнутое в смысловом отношении целое» [Котурова, 2003: 376-377], то когезия является «языковым проявлением» когерентности» [Morgan, Sellner, 1980, с. 25].

Средства когезии соотносят с языковыми уровнями, принимая во внимание, что когезия представляет собой формы связи «грамматические, семантические, лексические <...> между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстно-вариативного членения текста к другому» [Гальперин, 1981, с. 125].

Е. Н. Бобрикова, опираясь на существующие классификации (в том числе Е. Ю. Земской, В. А. Лукина, Т. В. Милевской, Е. А. Селивановой, М. Холлидея) выделяет основные средства когезии, среди которых наиболее важными представляются нам: лексические, синтаксические, формальные и графические. В большинстве своем когезия рассматривается с точки зрения своей главной функции: выстраивать формальную связь в тексте между его частями. Если предста-

вить текст в виде пути от начала до конца повествования, то природа этой связи может быть сравнима с системой формально выраженных «маячков-указателей», которые помогают адресату воспринимать части текста связанными между собой, а сам текст одним целым:

1. Лексические средства. Среди них мы чаще всего встречаем лексические повторы: *Мещанин всегда плывет по течению, туда, куда его несет поток, - лишь бы без лишней волнений и тревог. Мещанин никогда ничего не видит и не хочет видеть...* [Костанов, 2007, с. 104]; синонимы, в том числе контекстуальные: <...> *на месте происшествия было произведено всего несколько выстрелов при обстоятельствах, описанных в показаниях допрошенных по делу <...> противоречия в показаниях очевидцев о внешности преступника...* [Костанов, 2007, с. 205]. Синонимическую замену фраз и выражений: *Следует остановиться на каком-то ущемлении процессуальных прав Другова, которое выразилось будто бы в том, что дело было рассмотрено без его участия. Этот довод также должен быть признан несостоятельным* [Ватман, 2006, с. 234]. Дело было рассмотрено без его участия => этот довод. Местоименные замещения: <...> *моральный вред будет взыскиваться с больницы, с которой сегодня взыскивается. Он не с врача взыскивается, а с больницы* [Барщевский, Журавлева, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text>].

2. Синтаксические средства – «координированное приспособление к формальной и семантической структуре иницирующего предложения как синтагматически сильной единицы» [Милевская, 2003, с. 36]. К этой категории средств можно отнести союзы и союзные слова: В результате моему *подзащитному предъявлены весьма тяжкие обвинения, однако ни одно из них нельзя признать обоснованным* [Карманов, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5457&start=0>].
Наличие однородных членов предложений и связи между ними: *Штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только в случа-*

ях, специально предусмотренных соответствующими статьями [УК РФ, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/] и проч.

3. Формальные и графические средства [Воборжил, 1998, с. 97], применимые к письменным (записанным) текстам юридического дискурса. К таким средствам можно отнести рубрикацию текста (членение на абзацы, составные части, статьи, параграфы, главы, указание страниц) расположение его на странице (отражение адреса, реквизитов, даты, подписи в той части текста, которая регламентирована инструкциями по документообороту). Отнесение формальных и графических средств к числу средств когезии может показаться спорным, потому что их нельзя сопоставить с теми или иными единицами языка. Между тем именно номера страниц, глав нередко являются наиболее отчетливыми «маячками-указателями», которые ориентируют адресата и позволяют ему воспринимать целостный текст от начала до конца.

Формальные и графические средства мы наблюдаем в юридических текстах, главная цель которых – передача информации в форме перечней или списков: опись документов тома уголовного дела, протоколы изъятия, протоколы досмотра. Рассмотрим структуру протокола изъятия вещей и документов, который предлагается в качестве образца в Приказе Росприроднадзора от 29.06.2011 № 471 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и по результатам контрольно-надзорной деятельности»:

1. Реквизиты (название ведомства, адрес, контакты).
2. Заголовок («*Протокол об изъятии вещей и документов по делу об административном правонарушении*»; дата, место составления).

3. Основная часть текста. Шаблон задается уже «вбитыми» в протокол ключевыми фразами, которые формируют порядок подачи информации в тексте. Те данные, которые мы указали в скобках, заполняются составителем текста собственноручно: *Мною, государственным инспектором (ФИО, должность, номер и дата выдачи служебного удостоверения), осуществляющим производство по делу об административном правонарушении, возбужденному на основании (ос-*

нование для возбуждения дела об административном правонарушении) в отношении (ФИО) при участии (ФИО свидетелей и потерпевших) в присутствии понятых (нумерованный список понятых с указанием ФИО, паспортных данных, телефона и адреса), руководствуясь ст. 27.10 КоАП РФ, составлен протокол изъятия вещей и документов, принадлежащих (ФИО, адрес).

Основание для изъятия вещей и документов (краткое описание обстоятельств дела, обоснование необходимости изъятия вещей и документов).

Сведения об изъятых вещах и документах (вид, количество, идентификационные признаки изъятых вещей, в том числе тип, марка, модель, калибр, серия, номер, иные идентификационные признаки, количество, вид и реквизиты изъятых документов, упаковка, обнаруженных на месте совершения правонарушения либо при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей).

Сведения о применении фото-, киносъемки, видеозаписи, иных способов фиксации вещественных доказательств.

4. Подписи должностного лица, присутствующих лиц, понятых, лица, у которого изъяты вещи или документы.

5. Дата.

Связь элементов в данном тексте проявляется неоднократно: наименование ведомства в реквизитах текста чаще всего имеет однокоренные слова с наименованием должности составителя текста; дата в заголовке текста будет аналогична дате в заключении (особенным образом отметим, что в случае отсутствия даты в одной из этих частей документ теряет юридическую силу); закрепление упоминаемых в основной части текста лиц осуществляется их подписями в заключительной части. Основополагающий в информационном отношении отрезок текста – перечень изъятых документов и вещей – отличается от связного текста в привычном понимании, но имеет графическую связность благодаря нумерации, а следовательно, цифровой композиции. При этом, с позиции синтаксиса, пункты перечня в юридическом документе можно сравнить с однородными членами предложения, поскольку:

– наименование документов и вещей приводится в одном и том же падеже (именительном), выполняют одну и ту же синтаксическую функцию (подлежащее или дополнение);

- пункты в перечне располагаются контактно, друг за другом; допустима перестановка их местами, что не искажает объективности конечной информации;

- каждый пункт распространяется от общего отрезка текста, например: *Сведения об изъятых вещах и документах: 1...; 2....*

Данный подход представляет собой фигуру ясной речи – эпанод, суть которой состоит в «расчленении текста на ряд смысловых фрагментов» [Москвин, 2007, с. 892] или «сложной мысли на ряд более простых» [Там же]. Разновидностью эпанода, характерной для юридических текстов, подобных представленному выше, является энумерация, состоящая в «перечислении частей сложного целого в виде пунктов и подпунктов с использованием цифровой нумерации» [Там же, с. 891]. Использование энумерации в юридическом дискурсе продиктовано наличием в правовых текстах большого количества однородных перечислений, фактов, обстоятельств, совокупность которых воспринимать без опоры на цифровую нумерацию и разделение на составные части затруднительно.

Стоит отметить, что на протяжении всего текста встречаются лексические повторы («протокол», «правонарушение», «дело», «понятые», «изъятие» и др.). В юридическом дискурсе большое значение имеет создание условий для однозначной интерпретации текста адресатом. В отличие от бытовой сферы, в сфере юриспруденции принципиально важна разница между «подследственным» и «подсудимым»; между «пистолетом» и «предметом, похожим на пистолет»; между «грабежом», «разбоем» и «кражей». Вышесказанное приводит нас к мысли, что в рамках юридического дискурса следует говорить о понятии **вынужденной тавтологии**, то есть повтора, который ведет к однообразию речи в целях избежать неоднозначного толкования повторяющихся единиц.

Не смотря на то, что когезия нередко воспринимается только как средство формального выражения связности, в юридическом дискурсе эта категория не монофункциональна, а в ряде случаев несет дополнительную выразительную

нагрузку. Лучшее представление о роли когезии в юридическом дискурсе мы получим чуть ниже, рассматривая ее во взаимосвязи с когерентностью, экспрессивно-стилистическими средствами языка и аргументацией.

Когерентность отражает «целостность юридического дискурса» и обеспечивает наличие этой целостности «посредством соединения текстовых элементов» [Коновалова, 2008, с. 83]. В рамках юридического дискурса, на наш взгляд, когерентность выражается, в трех основных аспектах:

– **идейно-смысловое единство** – формирование текста в соответствии с его замыслом, целью и основными идеями. Отметим, что функциональный тип речи юриста – не информирующий, не эпидейктический, а аргументативный, поэтому в текстах юридического дискурса активизируются, в первую очередь, логические, логико-смысловые связи, в частности, отношения демонстрации – «характера логической связи между тезисом и аргументами» [Москвин, 2007, АРГ.рит., стр], а также набор средств, «при помощи которых говорящий демонстрирует связь между тезисом и аргументами» [Хазагеров, Лобанов, 2004, с. 52]. Созвучно с этим понятие инференционной когерентности, которое приводится в классификации видов когерентности М. В. Коноваловой [Коновалова, 2008, С. 83–86] и состоит в аналогии формирования правового заключения, «процедуры логического вывода» для различных юридических ситуаций. Логика, связь тезиса и аргументов в его поддержку в процессе убеждения аудитории обеспечивает глобальную связность текста.

– **тематическое единство** – наличие в тексте значимых в информационном отношении лексических единиц, относящихся к юридической сфере употребления и идентично интерпретируемых участниками коммуникативного взаимодействия юридического дискурса;

– **стилистическое единство** – выбор выразительных средств языка в том или ином юридическом контексте в соответствии с правилом тематической уместности.

Аспекты когерентности и средства когезии неразрывно связаны между собой, а также с системой аргументов и экспрессивно-стилистических средств языка в

юридических текстах, что подтверждается множеством примеров. Для получения более полной картины рассмотрим некоторые из них.

Как адвокат, как бывший прокурор, как юрист вообще, я считаю, что дела такого рода чрезвычайно важны для укрепления законности и правосудия в России [Костанов, 2007, с. 118]. Повтор и синтаксическая структура (*как..., как...*), относимые к средствам когезии представляют собой гипозевксис – вид «лексико-синтаксического повтора, возникающий в результате нарочитого неиспользования зевгмы <...>, используется как фигура акцентирования» [Москвин, 2007, с. 200]. Этот факт является подтверждением того, что когезия имеет не одну, а несколько функций в юридическом дискурсе. Тематическое единство обеспечивается наличием информационно значимой лексики в составе гипозевксиса (*адвокат, прокурор, юрист, дело, законность, правосудие*), что синтезирует на одном отрезке текста и глобальную, и локальную связность.

В следующем примере мы приведем отрывки из текста П. А. Астахова в поддержку многодетной матери, подозреваемой в государственной измене. Фрагменты приводятся в порядке их следования, орфография и пунктуация автора сохранены.

Государственная измена в форме шпионажа против собственной страны, безусловно, преступление тяжкое и в любой стране карается сурово и неотвратно. Даже если оно совершено по глупости, невежеству, безумию, из вредности или чрезмерной болтливости. Но, как известно, дети за родителей не в ответе, даже если один из них будет признан виновным в тяжком государственном преступлении.

Статья 275 Уголовного кодекса действительно подразумевает ответственность за сбор и передачу любой информации (даже не секретного свойства) иностранному государству, если такая информация может быть использована с целью нанесения вреда обороноспособности и безопасности Родины. Не берусь делать выводы о виновности или невиновности жительницы г. Вязьмы, поскольку, не видя документов предварительного расследования, это было бы как

минимум непрофессионально. Но оставаться в стороне от ее дела нельзя. Профессиональный и человеческий долг требует от нас сделать все возможное, чтобы даже в такой сложной ситуации сохранить семью, защитить детей и вернуть им маму.

Надо напомнить, что в моей практике работы в должности Уполномоченного уже встречались такие ситуации. Это дело Юлии Кругловой, матери 5 маленьких детей из Самары, которую осудили на 6 лет колонии и посадили по обвинению в хищении крупных денежных средств. После моего участия в кассации Самарского областного суда и отмены решения мне пришлось за руку выводить беременную (на 8-м месяце) Юлию на свободу из Самарской женской колонии.

Как не вспомнить историю с попытками запугать общественного активиста Евгению Чирикову изъятием двоих малолетних детей?! Независимо от моего отношения к политической деятельности Жени такие попытки органов опеки и различных комиссий и организаций были однозначно пресечены именно Уполномоченным, благодаря своевременному вмешательству.

Мы активно помогали Анастасии Дорониной, матери двух малышек из г. Гусь-Хрустальный Владимирской области выйти досрочно из колонии, где она уже отбывала наказание в виде 4 лет лишения свободы. И общими усилиями вытащили ее из-за колючей проволоки [Астахов, http://echo.msk.ru/blog/pavel_astaxov/1485062-echo].

Когезия в своей основной функции – обеспечивать локальную связность текста – представлена рядом стандартных средств (местоименные замены: *преступление – оно*; фразовые замены: *родители – один из них*; и проч.), которые можно наблюдать и за пределами юридического дискурса. Между тем некоторая лексика (союзы, союзные слова) связывает не просто части текста, но и аргументы в пользу правовой позиции оратора, в том числе и психологические, в частности, аргумент к традиции: *Даже если оно совершено по глупости, невежеству, безумию,*

из вредности или чрезмерной болтливости. Но, как известно, дети за родителей не в ответе, даже если один из них будет признан виновным в тяжком государственном преступлении.

В ряде случаев автор опирается на компаративную демонстрацию, т. е. демонстрацию по аналогии. Как мы выяснили раньше, логическая связь между аргументами и тезисом (демонстрация) обеспечивает глобальную связность, или когерентность. Основной тезис текста: «мы обязаны сохранить семью и вернуть мать к детям» – поддерживается рядом связанных между собой примеров, когда суд делал уступку в аналогичных ситуациях: (*Надо напомнить, что...; Как ни вспомнить...*).

Тематическое единство опирается на лексику текста, относящуюся не просто к сфере уголовного права, а к той категории дел, которые затрагиваются в тексте. То есть, если юрист говорит о государственной измене, то и набор тематической лексики создает соответствующее ассоциативное поле на протяжении всего текста (*измена, шпионаж, государственное преступление, обороноспособность, безопасность страны*).

При всем этом стилистическое единство выражается, в первую очередь, в обилии гуманистической лексики и психологической аргументации. Заметим, оратор очень осторожен в своих высказываниях. Будучи официальным лицом, он не делает никаких заявлений о виновности или невиновности подозреваемой (*не берусь делать выводы – это было бы непрофессионально*). Вполне вероятно, что делать этого оратору не позволяют явные обстоятельства вины, поэтому он выбирает другую тактику: выступает носителем общечеловеческих, гуманистических ценностей. Акцент во всем тексте делается на человеческой стороне дела, мы видим явные попытки склонить аудиторию на свою сторону:

– Через аргументы к жалости: *мне пришлось за руку выводить беременную (на 8-м месяце) Юлию на свободу из Самарской женской колонии* (проведение явной аналогии с основным конфликтом текста, психологическая аргументация к жалости, вплоть до указания срока беременности подсудимой и невозможности самостоятельно выйти из зала суда), *попытками запугать общественного акти-*

виста Евгению Чирикову изъятием двоих малолетних детей (очередной аргумент к жалости, затрагивающий проблему отлучения детей от матери).

– Через фигуру контраста. Изначально оратор разделяет законную, рациональную сторону дела и человеческую, эмоциональную сторону конфликта: есть *профессиональный и человеческий долг*. Контраст становится лейтмотивом для каждой части текста, связывая их между собой стилистически: *мама, маленькие дети, выводить за руку, малыши, восьмой месяц беременности / колония, запугать, наказание, колючая проволока*. Обратим внимание на употребляемые словоформы, выбор которых также продиктован замыслом текста: *мама* (в юридическом языке более употребительно нейтральное «мать», «родитель»), *малыши* (а не «дети», «несовершеннолетние»); *колючая проволока* (а не исправительная колония) на детали, которые не имеют отношения к правовой оценке деяния – например, указание срока беременности подозреваемой. Современные ученые отмечают частотность использования контраста в самых разных текстах, например, в коммерческой рекламе, где в рамках одного ролика «на одном полюсе – «свежесть», «чистота», «здоровье», а на другом – «перхоть», «морщины», «болезнь» [Хазагеров, 2002, с. 45]

В большинстве случаев именно выбор средств убеждения определяет всю структуру текста и характер связности текста. Обратимся к следующему примеру.

Алексею Навальному грозит обвинение по делу о Кировлесе и арест. Об этом в пятницу написал сайт журнала «The New Times» со ссылкой на источники в правоохранительных органах.

Действительно, Навальному предъявляется обвинение в совершении преступления, в котором предусмотрена мера наказания в виде лишения свободы. Но тут два вопроса.

Первый: будет ли это преступление отнесено к сфере экономической деятельности? Потому что вовсе необязательно все преступления, которые квалифицируются по статьям «Мошенничество» или «Причинение ущерба без признаков хищения», являются экономическими преступлениями.

Второй вопрос. Если это будет отнесено к категории экономических преступлений, то в таком случае может ли быть применена мера пресечения содержание под стражей?

Общие основания заключения под стражу в отношении экономических преступлений не действуют. Но применяются исключения, предусмотренные нормой о задержании подозреваемых в совершении преступления. То есть если человек покушался на побег, если не установлена его личность, если он не имеет постоянного места проживания в данном городе. Все это к Навальному отношения не имеет.

В любом случае, как мне кажется, Навальному делают биографию. Если вспомнить то выражение, которое употребила Анна Андреевна Ахматова в отношении «нобелевца» Бродского [Резник, http://echo.msk.ru/blog/reznik_h/913340-echo].

Когерентность определяется выбором оратора: как я буду строить свою позицию, в каком порядке буду выстраивать текст и аргументы, чтобы убедить коммуникативного оппонента? Средства когезии и когерентности взаимопроникают друг в друга и подчинены цели текста – убеждению аудитории. Мы видим следующие средства когезии: лексику, обеспечивающую рубрикацию (*первый, второй*); вводные слова, наречия, союзы и союзные слова, обеспечивающие построение аргументов, подачу тезисов (*действительно, если..., то; но; то есть; в любом случае*); синтаксические конструкции, обеспечивающие эффективное восприятие доводов оратора (риторический вопрос, лексико-синтаксический параллелизм, гипозевксис). Средства когерентности: построение демонстрации (тезис – упоминание о двух вопросах – переход к ним, обоснование); обеспечение тематической связности за счет профессиональной лексики.

Тексты юридического дискурса, несмотря на свою традиционную серьезность, могут формироваться на основе нетрадиционной для сферы права стилистики. Даже нехарактерная стилистика также может выступать в качестве инструмента глобальной связности. Обратимся к еще одной серии фрагментов текста.

Законотворческий восторг думцев не утихает: не успеваешь насладиться одним хитом, как уже пропет другой. Еще экстравагантнее...

Так что перед нами не просто хлестаковская «легкость необыкновенная» в обращении с законом, но и соединенная, мягко говоря, с неуважением к недавнему главе государства, нынешнему председателю.

Впрочем, что это я. Старею. Не сразу вспомнил. Если очень захочется, то очень даже можно. В СССР существовала прелестная статья – «Антисоветская агитация и пропаганда», каравшая за распространение сведений, порочащих советский государственный и общественный строй. По ней пачками отправляли в тюрьмы и психушки диссидентов. Враги уже обозначены: оппозиционеры, «иностранные агенты», хулители церкви. Неужто доживем до аналога уголовной антисоветчины? Честно говоря, не думаю. Но настроение наших думцев не позволяет такой возврат полностью исключать [Резник, <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=907731>].

Когерентность среди прочего обеспечивается общим эмоциональным тоном, который не типичен для юридического языка, но при этом такое нарушение тематической уместности придает особенный колорит тексту, располагает аудиторию к оратору и через иронию настраивает ее против идей оппонента. В очередной раз необходимо отметить значительную роль, которую играют в создании настроения текста экспрессивно-стилистические средства языка, а также интертекстуальность: метафоры (*законотворческий восторг, не успеваешь насладиться одним хитом, уже пропет другой, плевков в его сторону, пачками отправляли в тюрьмы*); интертекст: (*хлестаковская «легкость необыкновенная»; вперед в светлое прошлое*); эпитеты, ирония, оксюморон (*прелестная статья – в значении «статья УК РФ»*).

Таким образом, заключим, что категория связности является обязательной для текстов юридического дискурса, но имеет в них характеристики, отличительные от традиционного понимания. Когезия (локальная связность) в рамках юри-

дического дискурса, кроме своей основной функции – выстраивать формальную связь между частями текста, как правило, несет в себе дополнительную нагрузку:

– в целях ясности текста (фигура энумерации, рубрикация, графические и формальные средства выделения структуры);

– в целях выразительности текста (лексико-синтаксический параллелизм, в частности, гипозевксис, эпанод, риторические восклицания и вопросы);

– в целях оформления аргументации (риторические вопросы, гипозевксис, союзы и союзные слова, вводные слова).

Когерентность юридического текста выражается в аспектах идейно-смыслового единства, тематического единства и стилистического единства. Первое определяется тем, что в своем большинстве юридические тексты направлены на убеждение аудитории, приведение аргументации, поэтому демонстрация (логическая связь между тезисом и аргументами) является одним из главных аспектов глобальной связности в тексте, формирует его логику и композицию. Второе определяется наличием определенной профессиональной лексики, которая ограничивается темой текста. Стилистическое единство проявляется в наборе стилистических средств (ирония, метафора, психологическая аргументация, фигуры контраста и проч.), которые уместны в данном тексте и обеспечивают его тональность. Контраст, между тем, «заостряет мысль, помогает организовать текст или его часть, благодаря чему фигуры контраста <...> используются как текстообразующие средства» [Хазагеров, 2002, с. 156]

Вместе с тем фигуры интертекста могут обеспечивать связность текста в следующих трёх случаях: а) при конвергенции фигур интертекста с другими экспрессивно-стилистическими средствами языка (метафоры, эпитеты, фигуры контраста и др.), что относится к стилистическому аспекту когерентности, который подразумевает выбор экспрессивно-стилистических средств языка в том или ином контексте в соответствии с правилом тематической уместности: нередко именно выбор средств убеждения определяет всю структуру и характер связности юридического текста; б) при использовании тактики аналепсиса, т. е. интертекстуального взаимодействия фрагментов одного и того же текста в результате обращения

адресанта к описанным ранее фактам, событиям и явлениям; в) при опоре адресанта на компаративную демонстрацию, т. е. демонстрацию по аналогии, которая обеспечивает связь между аргументами и тезисом; при этом подразумевается, что роль аргумента может выполнить фигура интертекста, апеллирующая к тексту законодательства: *Исправляя ошибку в квалификации по аналогичному с настоящим делу Бутырева, Верховный Суд указал, что подобные действия надлежит квалифицировать не по статье 102, а по части 2 статьи 193 УК РСФСР (См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 4. С. 7)* [Ария, 2010, с. 165].

Критерий четвертый: Информативность. Под данным термином понимается «степень смысло-содержательной новизны» текста для адресанта, которая заключается «в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [Бабайлова, 1987, с. 60]. В качестве критерия текстуальности информативность подразумевает наличие новой для адресата информации. Однако информативность для юридического текста является критерием факультативным. Более того, «не новая» информация в юридической практике встречается достаточно часто и может формировать новый текст:

– **В силу регламента.** Приговор суда кассационной инстанции может дублировать решение нижестоящей инстанции, а значит, информация формально не является новой для адресатов-участников процесса. Нередки случаи, когда зачитывание судьей решения, включающего уже не раз прозвучавшую позицию сторон, выдержки законов, результаты допросов и проч. занимает несколько часов. Такой текст можно назвать интертекстуально насыщенным и практически неинформативным (с позиции наличия новой информации для адресата), но от этого он, конечно же, не перестает быть текстом.

– **В целях формирования аргументации.** Так, жалоба адвоката может практически полностью состоять из цитат, извлеченных из иных юридических текстов (нормативно-правовых актов, судебных документов по делу), которые служат доводами адресанта и известны адресату, но это не лишает ее статуса самостоятельного текста (в этом плане такой текст можно уподобить центону).

Критерий пятый: Наличие интертекстуальных связей. В продолжение сказанного выше о факультативном характере критерия информативности текста отметим, что интертекстуальность в юридическом дискурсе зачастую не привносит новой информации в текст, но помогает приобрести старой, уже известной информации новый смысл, дать новое содержание отрывкам текста-донора благодаря новому контексту, авторскому комментарию или сопоставлению одного элемента интертекста с другим (например, цитату из речи прокурора с цитатой из статьи закона). Таким образом, интертекстуальность становится одним из характерных признаков юридического текста. В рамках юридического дискурса мы можем говорить явлении, когда «текст обрастает <...> бесконечным числом вторичных текстов, которые в соединении с первичными, или исходными, текстами создают динамическое по своей сущности гнездо родственных текстов» [Чувакин, 1999, с. 8].

Критерий шестой: согласованность формы (стиля) и содержания. Данный критерий является характерным для юридических текстов, «речь должна соответствовать ситуации, в которой она произносится, а также ожиданиям аудитории» [Хазагеров, Лобанов, 2004, с. 210], но есть прецеденты, когда «гармония» стиля и содержания (критерий тематической уместности) нарушается. Чаще всего такие примеры мы видим в судебной публичной речи, где с целью привлечению внимания аудитории, эмоционального выражения собственной позиции, а также придачи тексту экспрессии мы видим не характерную для юридической сферы лексику: *Из аккуратной упаковки несетя к читателю погромный вопль — «За что Христа распяли?!»* [Резник, http://proknadzor.ru/analit/show_a.php]. *И автор называет их имена: Урицкий, Каменев, Рыков, Зиновьев, Каганович, Мехлис, Ягода, Берия...". Рыков — хасид?! Берия — хасид?! Это уже полный бред. Все сомнения в том, что «Русская жизнь» тиражировала клевету, улетучиваются* [Там же].

Встречаются и более серьезные нарушения рассматриваемого критерия, хотя это является, скорее, исключением, нежели правилом. Так, адвокат Павел Астахов в рамках громкого процесса по делу бывшего сотрудника военно-

технической разведки ВМС США Эдмонда Поупа, подсудимого по подозрению в шпионаже на территории РФ, свою защитительную судебную речь произнес в стихотворной форме, немало удивив этим судей:

*Ведь правда здесь одна, она пред нами:
Он невиновен - оправдать его
Задача общая, не только наша с вами,
А общества российского всего*

[Астахов, http://www.newsru.com/arch/russia/01dec2000/interview_print.html].

Сам адвокат назвал такой ход криком души, полагая, что именно в стихах сможет затронуть чувства судей: «Я сидел, ночью думал, как лучше построить свою речь, как достучаться до совести, до души людей, которые взялись вершить судьбу человека при той недоказанности его вины. Поэтому ничего больше я не придумал, строчки сами выходили из-под пера» [Там же]. Насколько прием оказался действенным, судить сложно: подсудимому назначили 20 лет тюремного заключения. Но важен сам прецедент нарушения традиционного соотношения формы и содержания в тексте судебной речи в ходе реально существующего уголовного процесса. Таким образом, критерий согласованности содержания и стиля является для некоторых текстов юридического дискурса факультативным.

Критерий седьмой: Обязательное наличие эристически и / или регулятивно интенционального речевого замысла, что ведет за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, способных наиболее эффективно разрешить определенный правовой конфликт, а в первом случае – разрешить данный вид конфликта в пользу адресанта. Данный критерий является обязательным для каждого текста в рамках юридического дискурса. М. М. Бахтин отмечает, что в любом высказывании: «от реплики до больших, сложных произведений науки или литературы» мы можем ощутить и распознать речевой замысел, который определяет предмет, объем и жанровую форму высказывания [Бахтин, 2000, с. 263]. Интенция свойственна любому типу и этапу

коммуникативной деятельности, а «тексты, как письменные, так и устные, обладают значением и смыслом уже потому, что этого хочет говорящий» [Шилихина, 2008, с. 152]. Следует отметить, что замысел является и одним из средств глобальной связности текста, о чем мы упоминали ранее в нашей работе.

Замысел получает свое воплощение в процессе формирования текста, когда мы «не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» [Бахтин, 1986, с. 280], нередко «тема, предмет, тезис и цель речи формулируются в самом начале разработки, но должны уточняться по мере работы» [Хазагеров, Лобанов, 2004, с. 34], поэтому первоначальный замысел текста может не быть аналогичным (во всех деталях) состоявшемуся результату.

Наиболее предсказуемы в плане соответствия замысла и результата тексты, которые подчинены задаче передать мысль (правовую информацию). В данном случае эта мысль будет являться продуктом речетворческой деятельности адресанта, с которым (продуктом) участникам юридической коммуникации предстоит работать. К таким текстам можно отнести нормативные документы, своды законов, которые выступают в качестве универсальных инструментов юриста, своеобразные тексты-авторитеты; а также протоколы, заключения, показания и проч., выступающие в качестве материала в рамках определенного делопроизводства. Характер подготовки и реализации замысла данной категории текстов можно назвать **механическим** – формирование текста происходит по заданному шаблону в соответствии со сложившейся формой, объемом, композицией. Такой вид речевого замысла можно определить как **регулятивно интенциональный**.

Однако куда больший риторический интерес представляет замысел текстов, направленных на убеждение аудитории, склонение ее к своей коммуникативной позиции. Характер реализации замысла данной категории текстов можно назвать **индивидуальным**, или **творческим** – оратор продумывает, какой будет речь (объем, тональность), какими средствами аргументации и экспрессивно-стилистическими средствами языка будет поддерживаться основной тезис; какие факты и аргументы будут обязательными в тексте, а каких, наоборот следует избежать и т. д. Такой вид речевого замысла можно определить как **эристически**

интенциональный. Если опираться на идеи стилистики кодирования – направления стилистики, изучающей речевое произведение в аспекте реализации в нем замысла автора, – способность текста «воздействовать на сознание, чувства, волю читателя» возможно **благодаря правильно организованной структуре текста и коду** – набору «значимых единиц и правил их соединения» [Баженова, 2011: 420].

В рамках данного понимания **речевой замысел в юридическом дискурсе** – процесс формирования текста и реализации в нем такой системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, которые наиболее эффективно разрешают правовой конфликт в пользу адресанта.

Структура речевого замысла, если опираться на схему текстообразования Александра Евгеньевича Кибрика [Кибрик 1992, с. 289], предполагает, как минимум, две составные части: пропозициональную (отражение фрагмента действительности) и интенциональную, подчиненную цели адресанта и специфике коммуникативной ситуации. Эристически интенциональный речевой замысел в юридическом также можно представить структурно в виде двух основных составляющих.

1. **Пропозициональная часть речевого замысла:** коммуникативный материал, отражающий действительность (факты, свидетельства, правовые нормы).

2. **Интенциональная часть речевого замысла:** использование в тексте коммуникативного материала в соответствии с коммуникативной целью адресанта. В этой части речевого замысла мы можем выделить два подтипа, которые характерны для юридических текстов.

А. Фильтрация – процесс вычленения из текста коммуникативного материала, который может отрицательно повлиять на достижение коммуникативной цели; либо процесс трансформации, заключающийся в субъективном, более выгодном адресанту представлении коммуникативного материала в глазах аудитории. Возможные **средства фильтрации:** эвфемистические замены как инструмент «создания положительного образа или нейтрализации негативного впечатления для утверждения нужных идей» [Клушина, 2000], фигуры неточной речи, фигуры неясной речи, логические и психологические уловки, направленные на субъек-

ективное представление действительности; нарочитое замалчивание в тексте отдельных правовых нюансов и фактов.

Б. Акцентирование – привлечение внимания аудитории к коммуникативному материалу, который оптимально способствует достижению коммуникативной цели, выделение его из общего потока информации через усиление его выразительности, точности и ясности. Возможные **средства акцентирования**: фигуры выразительной речи, фигуры ясной речи, фигуры точной речи.

В связи с определением замысла текста в юридическом дискурсе и его структуры возникает вопрос, насколько далеко с позиции юридической этики и правил ведения честного спора может зайти юрист на этапе формирования речевого замысла.

Сравним два отрывка юридических текстов: *Огромное значение для определения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, имеет его поведение во время следствия и суда, его отношение к содеянному. Изворачивается человек, лжсет, пытается уйти от наказания – одно, раскаивается, правдиво обо всем рассказывает – совсем другое. Это всегда учитывается, факт* [Дервиз, 2007, с. 350]. *Приговор к праву имеет весьма отдаленное отношение или не имеет никакого отношения, потому что такую хрень, которая написана в приговоре «Pussy Riot», когда обвинительными доказательствами становится поведение в процессе: что они там ухмыляются или прочее, ну это, извините меня... Убираем эту категорию дел — это позор правосудия* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. Два авторитетнейших юриста и умелых оратора одни и те же факты (значение характера поведения обвиняемого в суде для вынесения приговора) трактуют по-разному, в зависимости от речевого замысла формируемого ими текста. Если в первом случае юрист акцентирует на примерном поведении и раскаянии подсудимого, утверждая, что это традиционно учитывается судом, то второй юрист утверждает, что приговор, основанный на «ухмылках» подсудимых в ходе заседания – это «позор правосудия». При этом, ни первый, ни второй оратор не приводят логических аргументов в пользу своей позиции, а пользуются психологической аргументацией (аргумент к традиции, ар-

гумент к вере). В этом мы видим софизм ложного основания – приведение заведомо ложных доводов [Москвин, 2007, с. 720]. В рамках юридического дискурса в направлении информации от юриста к представителю неюридической сферы подобный прием особенно «опасен», так как «для тех, кто не знает о ложности основания, доказательство кажется безупречным» [Асмус, 1954, с. 63]. Отметим, что этот манипулятивный прием логической аргументации настолько частотен в системе используемых доказательств в судебном дискурсе, что можно найти его описание даже в специальной литературе: «предвосхищение основания <...> в качестве аргументов используются недоказанные, как правило, произвольно взятые положения (ссылки на слухи, на высказанные кем-то предположения), якобы обосновывающие основной тезис. В действительности же доброкачественность таких доводов лишь предвосхищается (т. е. нуждается в собственном обосновании), но не устанавливается с несомненностью» [Васяев, 2010, с. 30]. Отмечается, что в судебном разбирательстве такие доводы неприемлемы наряду с «показаниями потерпевшего, свидетеля», основанными «на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

В этом мы наблюдаем значимость толкования правового явления для достижения цели оратора, когда интерпретация дает возможность «праву прямо влиять на дискурс» [Рекош, 2011, с. 211]. Возможность трактовать юридическое явление по-своему, опираясь на культурологические, национальные, законодательные противоречия через языковую действительность «могут приводить к существенным искажениям в правосознании и сильно вредить правоприменению» [Кочесоков, 1999, с. 7]. Язык в таком случае выступает как юридическое средство, которое оправдывается риторической целью, но противоречиво с позиции объективности права. Случаи, когда представитель правовой сферы пытается «манипулировать сознанием, вводить массы в заблуждение, вбивать в головы бредовые идеи, ложные постулаты» некоторыми учеными трактуются, как «умысел речи», или «злой замысел» [Стешов, 2013, с. 102].

Тем самым, можно прийти к выводу, что в рамках юридического дискурса замысел текста, в частности, эристически интенциональный, может выходить за рамки честного спора. Доказать, что уловка или нечестный прием адресанта не является логической ошибкой или средством эмоционального воздействия, а использован нарочито, крайне сложно. Аналогично нельзя обвинить адресанта в умолчании каких-либо невыгодных для его коммуникативной позиции фактов, свидетельств или доводов.

Таким образом, мы можем выделить основные тезисы, которые характеризуют замысел текста в рамках юридического дискурса. Каждый текст юридического дискурса подчинен замыслу адресанта. Характер подготовки и реализации замысла зависит от жанра юридического текста. Так, формирование нормативно-правовых текстов можно назвать **механическим**, а регулятивно интенциональный речевой замысел реализуется по относительно строгому шаблону в соответствии со сложившейся формой, объемом, композицией. Реализация замысла подчинена передаче информации, которая будет способна служить в качестве юридического инструмента. Более сложным представляется эристически интенциональный речевой замысел, когда текст направлен на убеждение аудитории, склонение ее к своей коммуникативной позиции. Характер реализации данного вида речевого замысла можно назвать **индивидуальным**, или **творческим**. Случаи, когда оратор использует в тексте некорректные приемы спора и психологические уловки, дают основания полагать, что в приоритете эристически интенционального замысла юридического текста – убеждение аудитории. Этическая сторона коммуникативного процесса становится вторичной. Структура речевого замысла в юридическом дискурсе представлена двумя основными частями: пропозициональной и интенциональной.

В свете проанализированной информации мы можем прийти к выводу, что критерии текстуальности в рамках юридического дискурса отличаются от критериев так называемого идеального текста. Текст в институциональном юридическом дискурсе имеет **не только письменную, но и устную** форму выражения, а также представлен рядом подтипов («воспроизведенный», «требующий устного

воспроизведения», «записанный»). **Завершенность** юридического текста – понятие относительное как с точки зрения композиции текста (в зависимости, от наличия / отсутствия элементов композиционной структуры текста), так и с авторской точки зрения на то, что можно считать завершенным текстом. Незавершенные в смысловом отношении тексты юридического дискурса являются феноменом-исключением из общего свода юридических текстов, имеют нарочитый характер и формируются за счет отсутствия тезиса (вывода) при наличии поддерживающих его фактов и аргументов (эпитроп) или за счет наличия в заключительном фрагменте текста информации, которая подразумевает развитие проблематики текста в будущем и / или незавершенность определенного правового конфликта.

Критерий связности является обязательным для текстов юридического дискурса, при этом мы можем отметить черты связности, характерные именно для юридического дискурса. Так, когезия (локальная связность) в юридическом тексте, несет в себе дополнительную нагрузку в целях ясности текста (фигура энумерации, рубрикация, графические и формальные средства выделения структуры); выразительности текста (лексико-синтаксический параллелизм, в частности, гипозевксис, эпанод, риторические восклицания и вопросы); сопровождения аргументации (риторические вопросы, гипозевксис, союзы и союзные слова, вводные слова). Когерентность юридического текста выражается в аспектах идейно-смыслового единства (связь между тезисом и аргументом – демонстрация, общая идея, подчиняющие себе логику и композицию текста), тематического единства (наличие профессиональной лексики в рамках заданной проблематики) и стилистического единства (проявляется в наборе тропов, риторических фигур, психологической аргументации).

Информативность, под которой понимается наличие новой информации, зачастую может отсутствовать в юридических текстах, или же присутствовать в незначительной мере. Однако даже уже известная участникам коммуникативного процесса информация приобретает благодаря контексту, комментарию или сопоставлению с другой информацией новый смысл, новую трактовку. По сути это является реализацией интертекстуальных связей, а следующий критерий текстуаль-

ности – **наличие интертекста** – становится характерным для юридического дискурса в силу частотности использования юристами межтекстовых связей. Что касается **согласованности формы и содержания**, стилистического соответствия, то известны примеры, когда данные критерии в текстах юридического дискурса нарушаются в целях повышения эмоциональности текста, привлечения внимания аудитории. Имея целый ряд особенностей, текст в рамках юридического дискурса обязательно соблюдает один из основополагающих критериев текстуальности – **наличие эристически интенционального и / или регулятивно интенционального речевого замысла**, ведущего за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, которые наиболее эффективно разрешат определенный правовой конфликт в пользу адресанта.

1.2 Особенности интертекста в юридическом дискурсе

Исследования интертекста, которые проведены учеными на сегодняшний день, позволяют говорить о том, что цели, границы и особенности этого феномена разнообразны и могут трактоваться от ограниченно узкого до слишком широкого, «радикального» понимания. В первом случае мы не получаем полной картины проявлений и функций приемов интертекста, во втором есть опасность прийти к «интертекстуальному синдрому», который ставит под сомнение целесообразность изучения «текста в тексте» из-за «очень широкого и всеобъемлющего понимания интертекстуальности» [Чернявская, 2013, с. 178]. В настоящее время мы не имеем той концепции интертекста, которая давала бы исчерпывающие ответы на вопросы критиков данной теории. Точек зрения множество; согласимся, что «было бы произволом сводить их к какой-нибудь одной теории текста или одной эстетической теории» [Пьеге-Гро, 2008, с. 82]. Как отмечает Натали Пьеге-Гро, чтобы понятие интертекста могло быть эффективным инструментом для аналитики и научной работы, его нельзя ни слишком расширять – «в этом случае любой след гетерогенности придется считать признаком интертекстуальности» [там же]; ни

сокращать до тех образов взаимодействия текста в тексте, которые имеют ссылку на внешний источник. На наш взгляд, своеобразным компромиссом может выступать изучение интертекстуального феномена с учетом функциональной составляющей в рамках конкретного институционального дискурса. Это позволит остановиться на вполне определенных свойствах интертекста, релевантных для изучения феномена интертекстуальности в рамках юридического дискурса.

Основным критерием считается **наличие ссылки на текстуальный источник**. Как уже было упомянуто выше, выделяется два основных подхода к изучению интертекста: широкий («радикальный») и узкий. Представитель первого подхода, автор термина «интертекстуальность» Юлия Кристева, настаивает на том, что интертекст – это бесконечный процесс, текстовая динамика [Kristeva, 1969, с. 84]. Спустя 5 лет Юлия Кристева остается в той же парадигме понимания интертекстуальности, предлагая следующее определение: «интертекстуальность — это транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» [Пьеге-Гро, 2008, с. 52]. В рамках данного понимания каждый текст состоит из полотна других текстов, бесконечно взаимодействуя с ними. Большое влияние на формирование концепции интертекста Ю. Кристевой оказали труды П. Бахтина, а именно его теория «диалогизма» [Бахтин, 1963, 1990]. По мнению Бахтина, высказывание в литературе, или вне ее, укоренено в социальном контексте, «накладывающем на него глубокий отпечаток, и обращено к социальному горизонту» [Пьеге-Гро, 2008, с. 66].

Приблизительно ту же концепцию, что и у Ю. Кристевой, мы видим у Р. Барта, который считает любой текст интертекстом: в каждом из текстов в той или иной опознаваемой форме есть другие тексты предшествующей и актуальной культуры. Таким образом, любой текст можно представить в виде ткани из цитат других текстов [Барт, 1994, с. 413]. Соответственно, интертекст есть в любом тексте, но источник (предшествующий текст) определить зачастую невозможно. А значит, при рассмотрении интертекстуальности в рамках функционирования в юридическом дискурсе опора на радикальную концепцию не будет продуктивной по следующим причинам:

– Принимая суждение о «бесконечном взаимодействии текстов» за верное, мы лишаемся возможности определить текст-донор, т. е. источник интертекстуальности в том или ином речевом образце. Это лишает интертекст перспектив научно-прикладного изучения, не позволяет адекватно проанализировать природу формирования интертекста в юридическом дискурсе, сводя феномен «текста в тексте» к формальной теории, а не практическому анализу, подкрепленному конкретными примерами и фактами из юридических текстов. Таким образом, одним из критериев интертекстуальности применительно к юридическому дискурсу будет являться не абстрактный (знаковая система, свод всех ранее созданных текстов и т. д.) источник, а текстуальный источник.

– В рамках радикального подхода, когда мы не можем определить конкретизированный текст-донор, предполагается, что использование интертекста происходит бессознательно [Там же]. Принимая суждение о «бессознательном использовании интертекста», мы исключаем изучение функционального аспекта фигур интертекста, что противоречит следующему из предлагаемых нами критериев: **«Наличие у фигур интертекста определенной функциональной нагрузки»**. Как мы указывали ранее, рассматривая особенности текста в юридическом дискурсе, любое высказывание, как и любая фигура речи, имеет свою цель (речевой замысел). Это означает, что в рамках юридического дискурса фигуры интертекста способствуют решению коммуникативных задач, стоящих перед оратором. Наиболее прозрачный и частотный пример – прием цитирования юристом законодательства, что является ничем иным, как выполнением фигурами интертекста аргументативной функции: *Одно из основополагающих конституционных прав гражданина, закрепленное в части первой статьи 49 Конституции РФ гласит, что вина гражданина в совершении преступления может быть установлена лишь приговором суда. Аналогичное положение содержит пункт 28 части 1 статьи 5 УПК, согласно которому решение о виновности подсудимого и назначение ему наказания (либо освобождение от такового) принимается только в приговоре. Несмотря на эти требования закона, суд, вынужденный в итоге все же принять решение о прекращении дела по этому эпизоду, вынес*

определение, в котором вопреки указанному закону признал Ходорковского виновным в совершении преступления [Падва, <https://snob.ru/fp/entry/10908>].

С точки зрения юридической лингвистики о функциональном аспекте интертекста можно говорить с большой уверенностью, когда автор «намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств» [Чернявская, 2013, с. 187]. Интертекстуальные проявления в этом случае маркированы, выделяются из основного слоя текста, а задачи, которые при помощи интертекста пытается решить оратор, достаточно легко определяются. Однако не всегда фигуры интертекстуальности имеют маркировку (кавычки, прямое упоминание автора источника или названия источника). Рассмотрим формы интертекста, о которых говорит в своих трудах С. Загер [Sager, 1997: 109-123], и попробуем проанализировать возможность выявления коммуникативных задач в каждой из этих форм.

1. **Абстрактная** форма интертекстуальности. Потенциально возможная интертекстуальность, которая может называться «радикальной». Как мы уже упомянули выше, углубление в радикальную форму интертекста не является перспективной для изучения интертекста в рамках юридического дискурса и характеризуется бессознательным использованием феномена интертекстуальности, исключая возможности изучения его функциональной составляющей.

2. **Актуально-когнитивная** форма интертекстуальности. Данная форма интертекста предполагает, что взаимосвязь между текстом-донором и текстом-реципиентом поддается выявлению в процессе расшифровки и декодирования: *Но проблема в отсутствии выбора. Если вам будут давать все время даже черную икру... <...> То дай просто хлеба. Если вам будут давать все время хлеб, то «Дай варенье». Значит, не может быть на столе одно блюдо. Не может быть. Какое бы оно ни было вкусное. Это может быть фуа-гра, там, под апельсиновым, я не знаю, каким там соусом. Не может быть одно блюдо – приедается. Тем более, 10 лет* [Барщевский, Воробьева, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/705284-echo/#element-text>].

Сопоставление отрывка этого юридического текста со словами Верещагина из кинофильма «Белое солнце пустыни» позволяет говорить о феномене интертекста: *Опять ты мне эту икру поставила! Не могу я её каждый день, проклятую, есть. Хоть бы хлеба достала* [Кожевников, 2004, с. 225]. Отсутствие выбора в юридической практике оратор характеризует отрицательно, сравнивая его с постоянным обедом из черной икры (сравнение реализуется за счет дисперсной текстовой аллюзии). Использование текстовой аллюзии в конкретном случае выполняет, как минимум, две функции:

– Способствует изобразительности и ясности речи. Мысль воспринимается аудиторией лучше за счет того, что в воображении возникает эпизод всеми известного фильма «Белое солнце пустыни».

– Служит убедительности речи за счет психологического аргумента к традиции и авторитету. Традиция: «отсутствие выбора» = плохо; авторитет = положительный герой фильма, Верещагин. Автор юридического текста приводит адресанта к мысли о том, что если герой фильма не терпел отсутствие выбора, то и в юридической практике отсутствие выбора является недопустимым.

3. Текстуально выраженная форма интертекстуальности. Речь идет о той интертекстуальности, которая имеет в ткани текста различного рода текстовые сигналы (маркеры, ссылки на текст-донор), прямо указывающие на его интертекстуальную составляющую: *С самого начала, между прочим, с 1917 года, когда Ленин, отец-основатель, сказал, что «закон — мера политическая». И суд должен проводить политику, определенную властью* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. В данном примере мы видим маркеры (лексические: «Ленин сказал»; графические: «...» – наличие кавычек в письменном тексте), которые прямо указывают на наличие интертекста. Добавим, что во избежание нарушения закона единого основания, **текстуально выраженную** форму интертекстуальности мы считаем необходимым именовать **эксплицитной** (по аналогии с термином узкой концепции понимания интертекста), так как актуально-когнитивная форма интертекстуальности также выражается посредством меркёров. Однако коммуникативные задачи эксплицитной формы ин-

тертекста определяются с большой степенью достоверности, благодаря текстовым маркерам и (или) прямой отсылке к первоисточнику.

Как мы видим, выявление коммуникативной задачи, решаемой за счет фигур интертекста в текстах юридического дискурса, возможно только в случаях, когда мы имеем возможность соотнести конкретный текст-донор с текстом-реципиентом, а именно в случаях текстуально выраженных форм и/или актуально-когнитивных форм интертекста. Определение коммуникативной задачи через призму радикальной концепции понимания интертекста, а равно, как выявлению абстрактных форм интертекстуальности, невозможно в связи с бессознательным использованием феномена интертекстуальности.

Перейдем к анализу видов интертекстуальности в соответствии с замыслом адресанта [Москвин, 2011, с. 16]. С точки зрения замысла адресанта можно выявить три вида интертекстуальности:

1. **Риторическая** – направленная на достижение риторических задач оратора: придание речи таких качеств, как убедительность, ясность, изобразительность и проч.

2. **Спонтанная** – интертекстуальность, возникающая между переводом и оригиналом; старой и новой редакцией текста; исходных и адаптированным к конкретной аудитории текстом и т.д.

3. **Криптофорная** – когда адресант намеренно «стремится скрыть либо разрушить связь с пре-текстом» [Genette, 1997, с. 2] Опираясь на этот вид интертекста, мы можем предположить, что плагиат тоже является одним из типов интертекстуальности.

Для изучения коммуникативных задач интертекстуальности в рамках юридического дискурса мы вынуждены рассматривать вышеизложенные интенциональные виды интертекста с некоторыми поправками, которые диктуются юридическим дискурсом.

1. Риторический вид интертекстуальности становится приоритетным для изучения в юридическом дискурсе, так как соответствует основным направлениям

допустимых коммуникативных задач с точки зрения юридической этики (убеждение, опровержение, формирование ясной, эстетичной речи и т. д.).

2. Спонтанная интертекстуальность в юридическом дискурсе возникает как следствие адаптации текста-донора к конечному тексту, выполняя функции оптимизации и структурирования последнего. В нашей работе мы подразумеваем реализацию данного вида интертекста в употреблении фигуры **интертекста-пересказа** – адаптации текста-донора к конечному тексту, заключающейся в изменении объема, а также частичной модификацией грамматики, лексики и синтаксиса текста-донора, с возможностью комментария адресанта.

3. Говорить о криптофорном виде интертекстуальности, в частности, о плагиате, который трактуется как «умышленное присвоение авторства чужого произведения науки или искусства» [Мандель, 2014, с. 575], в рамках юридического дискурса иррационально. Как мы видим из лингвистического определения плагиата, данный вид интертекста имеет место в науке, искусстве, но не находит отражения в среде юридических текстов. Если рассматривать плагиат с точки зрения юриспруденции, то здесь ключевое значение имеет его функциональность, «если это деяние причинило крупный ущерб автору или правообладателю» (ст. 146 УК РФ), случаев чего мы также не наблюдаем в юридическом дискурсе. Вместе с тем считается, что к плагиату нельзя отнести такие тексты, «самой сущностью которых предполагается пользование чужими данными» [Мандель, 2014, с. 576], а именно по такому принципу строится множество юридических текстов.

Следующее свойство интертекста – **«Учёт прецедентной компетентности адресата»**. С точки зрения Майкла Риффатера, «интертекстуальность есть восприятие читателем отношений между данным произведением и другими — предшествующими или последующими — произведениями. Эти произведения и образуют интертекст первого произведения» [Риффатер, 1980, цит. по Пьеге-Гро, 2008, с. 57]. Главная роль в процессе интертекстуального взаимодействия текстов, таким образом, отдается адресату, который воспринимает «текст в тексте». Между тем М. Риффатер противопоставляет интертекст «факультативный» (который адресат, возможно, распознает) и интертекст «необходимый». Необходимую «ин-

тертекстуальность» читатель «не может не замечать в силу того, что интертекст оставляет в тексте неустранимый след, некую формальную константу, играющую для читателей роль императива и управляющую расшифровкой данного сообщения в его литературном аспекте» [Там же]. В рамках юридического дискурса интертекст, как мы уже отметили, решает определенную коммуникативную задачу, не связанную с плагиатом. В контексте сказанного критерий «наличие прецедентной компетентности адресата» является обязательным для анализа интертекстуального феномена в текстуально выраженной или актуально-когнитивной формах. В противном случае функциональный смысл интертекста либо сводится к минимуму, либо теряется вовсе.

Важной с позиции прецедентной компетентности является категория времени. По мнению Риффатера, интертекстуальная связь с текстом-донором меняется со временем, эволюционирует. С течением времени память и восприятие читателя, его кругозор не остаются одинаковыми. Такая зависимость интертекста от времени принципиальна для анализа «текста в тексте» в рамках юридического дискурса, где текстом-донором часто выступают:

– Нормативно-правовые акты. Данный свод текстов может утрачивать свою силу в связи с изменением реалий времени, поправками в законодательство. Вместе с этим не одинакова будет эффективность и уместность приемов интертекста, опирающихся на эти тексты;

– Материалы конкретного судебного разбирательства (в текстовых проявлениях – это протоколы допроса, изъятия, рапорты, характеристики с места работы и др.), которые актуальны во временных рамках от начала судебного разбирательства до вынесения судом своего решения.

Соотнесение интертекста и времени с возможностью адресатом расшифровать интертекст проводит границу «между образованными читателями, способными распознать интертекст, и читателями «рядовыми», которые, возможно, даже не замечают той упругости, которую создает само наличие межтекстового следа» [Пьеге-Гр, 2008, с. 58]. Изначальная интенция автора, мотивы, по которым он ис-

пользует интертекст, таким образом, могут трактоваться не одинаково в течение времени; соответственно, различным будет воздействие интертекста на читателя:

- совпадающее с авторским замыслом;
- некорректно воспринимаемое;
- отсутствующее вовсе.

В рамках юридического текста прецедентная компетентность адресата для функциональной составляющей интертекста становится более важной, нежели степень выраженности интертекстуальной составляющей в тексте. Говорить о «полноценном» интертексте в юридическом дискурсе, если интертекст не идентифицируется аудиторией, не имеет смысла.

Критерий «Соотношение двух и более текстов». Под интертекстуальностью, как правило, понимается отношение соприсутствия между двумя или несколькими текстами; непосредственное присутствие одного текста в другом – от цитирования до плагиата [Genette, 1997, с. 2]. Однако данный критерий интертекстуальности в рамках юридического дискурса становится факультативным. Основная причина – возможность формирования интертекстуальных связей в юридическом дискурсе не только между двумя разными текстами, но и между двумя отрывками одного и того же текста. Этот подход ближе всего соотносится с пониманием горизонтального и вертикального текста-донора, которые различаются в теории интертекстуальности.

1. Горизонтальный текст-донор («левая часть» текста). Если визуально представить текст в виде горизонтальной линии с вектором слева направо, интертекстуальность может формироваться в конкретной точке текста, опираясь на «левую часть» данного текста – на уже использованные в тексте фразы, описанные ранее события и т.д. Такие отсылки на предтекст называются «автореминисценциями, или аналепсисом» [Москвин, 2011, с. 13]. Ассоциативные отношения, когда интертекст строится на предтексте, американский теолог Джордж Линдбек называет интратекстуальными [Lindbeck, 1984, с. 118]. В нашей работе мы предлагаем использовать для именованного данного феномена термин «горизонтальный интертекст». Такое построение от «левой части» текста к актуальному его момен-

ту нередко встречается в юридическом дискурсе, выполняя конкретные функции. При этом интертекстуальная связь может начинаться даже не с фразы или отрывка текста, а с одного слова: *Сообщил дежурному – и дело закрутилось <...> поскольку такие дела «крутятся», как правило, вокруг ближайшей и простейшей версии, первым (и единственным) подозреваемым стал Пилипенко* [Костанов, 2007, с. 56]. Отрицательно-оценочную метафору левой части текста (*дело закрутилось*) оратор актуализирует в дальнейшем повествовании, «разворачивает» ее в психологическом аргументе к традиции (*такие дела крутятся, как правило, вокруг простейшей версии*) и подводит аудиторию к тому, что версия стороны оппонента неосновательная (*закрутилось вокруг простейшей версии* → *подозреваемым стал Пилипенко, человек невиновный, с точки зрения адвоката*).

2. Вертикальный текст-донор – опора интертекстуальной связи на другой текст, «внешний по отношению к воспринимаемому» [Москвин, 2011, с. 13]. Текст, который служит «ассоциативной опорой для восприятия либо всего интертекстуально обогащенного текста, либо отдельного его фрагмента, назовем опорным» [Там же]. Интертекст, строящийся по данному принципу мы называем в своей работе или «интертекстом» (по умолчанию, ввиду математического большинства таких примеров в юридических текстах) или «вертикальным интертекстом».

В данном подходе можно провести аналогию с идеями Юлии Кристевой, которая определяет статус интертекстуального явления либо горизонтально (слово в тексте принадлежит его сюжету и адресату), либо вертикально (слово в тексте ориентировано на совокупность литературных текстов прошлого или настоящего) [Kristeva, 1969, с. 84]. Однако в случае с вертикальным интертекстом мы учитываем критерий «наличие конкретизированного текста-источника», а не ориентируемся на совокупность текстов прошлого или настоящего.

Следующий критерий, который объясняет феномен интертекста в юридическом дискурсе – **«Заимствование текста и смысла, а не стиля»**. В своей работе и в рамках функционирования юридического дискурса мы рассматриваем интертекстуальность, как заимствование текста и/или смысла (в частности, если гово-

речь об интертексте-пересказе). Однако нельзя не упомянуть, что в теории интертекста возможны и более широкие интертекстуальные отношения. В трудах Жерара Женетта все, что выходит за рамки конкретного текста, связь его с другими текстами, называется транстекстуальностью, которая выражается пятью типами отношений [Genette, 1997]. Остановимся на двух из них:

- интертекстуальность. Под ней понимается отношение соприсутствия между двумя или несколькими текстами; непосредственное присутствие одного текста в другом – от цитирования до плагиата.

- гипертекстуальность – любое отношение, связывающее текст «А» с текстом «В», но не на условиях прямой включенности текста в текст, а на условиях «прививки».

Если говорить об этих двух типах «отношений транстекстуальности» по Ж. Женетту, то мы видим разграничение двух видов интертекстуальных отношений, о которых говорят и современные ученые. Так, В.П. Москвин по характеру межтекстовых ассоциаций выделяет «два вида отношений между исходным и интертекстуально обогащенным текстом» [Москвин, 2011, с. 17–18]:

1. «Донор → реципиент». Текст-реципиент и текст-донор связаны парциальными ассоциациями («часть ~ целое»).

2. «Производящий текст (стиль) → производный текст (стиль)». Производный текст (стиль) имитирует основные признаки производящего.

Этот подход позволяет отнести к феномену интертекста не только фигуры использования «текста в тексте» (цитата, аппликация, аллюзия и т. д.), или адаптивного переложения текста-донора в актуальный текст (как в примере с интертекстом-пересказом), но и такие явления как пародия или стилизация. Расширение понимания интертекста до уровня производящего стиля теряет смысл в рамках юридического дискурса, так как результаты подобных отношений в форме пародии или стилизации не характерны для современных юридически текстов.

Таким образом, интертекстуальность имеет ряд особенных критериев, которые необходимы для разграничения релевантного и иррелевантного аспектов исследования феномена интертекста в рамках юридического дискурса.

Интертекст в юридическом дискурсе имеет конкретизированный текстуальный источник, что исключает широкое, радикальное понимание интертекстуальности в юридических текстах. Наличие конкретизированного текста-донора и учет особенностей юридического текста позволяют говорить о том, что интертекстуальные проявления используются автором сознательно, с установкой на решение коммуникативных задач. Коммуникативные задачи можно выделить аналитическим путем вне зависимости от степени маркированности интертекста в актуальном тексте. Интертекстуальность в юридическом дискурсе с точки зрения замысла адресанта может быть риторической, преследующей эристические и эстетические задачи, или спонтанной. Спонтанная интертекстуальность в юридическом дискурсе возникает как следствие адаптации текста-донора к конечному тексту, выполняя функции оптимизации и структурирования последнего.

Интертекстуальность в юридическом дискурсе целесообразно рассматривать не только с позиции замысла говорящего, но и с позиции прецедентной компетентности адресата. В противном случае нельзя говорить о полноценно функциональном аспекте феномена интертекстуальности.

Интертекст в юридическом дискурсе может характеризоваться как отношение соприсутствия в двух или более текстах (вертикальный интертекст), так и за счет взаимодействия двух и более фрагментов одного и того же текста (горизонтальный интертекст). При этом, говоря об интертекстуальности в юридическом дискурсе, мы подразумеваем отношения между текстами по типу: «Донор → реципиент». Это исключает из юридического дискурса такие явления интертекста, как пародия и стилизация.

1.3 Современный юридический дискурс: системообразующие признаки

Текст является основополагающей категорией системы коммуникативного процесса, но не единственной. Текст раскрывается и осмысливается через обязательную связь с «экстралингвистическим вокругтекстовым фоном» [Чернявская, 2013, с. 134]. Сущность текста и формирующегося из него интертекста не будет

объясняться в полной мере, если рассматривать только их лингвистические параметры. Необходимо учитывать социокультурный, когнитивный, прагматический, коммуникативный параметры, что влечет за собой «особое использование языка», то есть «активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики, <...> что создает особый ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 38–39]. Учесть данные факторы возможно только в том случае, если изучать текст и интертекстуальность сквозь призму понимания конкретного дискурса; в нашем случае мы обращаемся к дискурсу юридическому.

Дискурс (франц. *discours* — речь) – это текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст в событии; речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Общепринятого определения дискурса как лингвистического феномена не существует (в той или иной степени данный феномен получает различное освещение у Н. Д. Арутюновой, Т.Н. Астафуровой, Т.Г. Винокур, В.И. Карасика, А. А. Кибрика, М.Л. Макарова и т. д.), что объясняется его многоаспектностью и многоплановостью, наличием комплекса элементов, образующих единое целое [Гулова, 2012: 80].

В.Е. Чернявская дает следующее определение дискурса: «Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле дискурс характеризует коммуникативный процесс приводящий к образованию определенной структуры – текста» [Чернявская, 2013, с. 135]. При таком подходе нельзя не различать понятий текста и дискурса; понятий текстуального анализа и анализа дискурсивного. Текст обращается к внутренним своим элементам, отношениям, пропозиции и иллокутивной структуре. Дискурс – к тем факторам, которые по отношению к тексту являются внешними. Важно отмечать для себя, что дискурс существует не в виде грамматики или лексики, но определяет в тексте особую грамматику, лексику, особенный выбор риторических инструментов, которые реализуют языковую действительность в «настоящем реальном вре-

мени, то есть по мере того, как речь поступает к адресату» [Кибрик, 1997, с. 276]. По аналогии с вышеназванными определениями юридический дискурс трактуется как текст юридической сферы «в динамике, в процессе толкования и разъяснения, основными слагаемыми которого являются терминология и принципы формирования текстов, функционирующих в области юриспруденции и относящихся к различным жанрам юридического дискурса» [Ступникова, 2010, с. 10].

Кроме часто используемого определения дискурса как «речи, погруженной в жизнь», под термином *дискурс* понимают совокупность текстов, которые объединяются общей тематикой и имеют общую концептуальную основу [Устинова 2011, с. 125], под юридическим дискурсом – «совокупность специализированных текстов, определяющими признаками которых являются закрытость и замкнутость текста, иерархическое изложение материала, соотнесенность тематики с определенной сферой социальной жизни, а также наличие ссылок на законодательные документы», что в рамках юридического дискурса формирует систему «вербальных, литеральных и невербальных выражений правовых представлений» [Коновалова, 2008, с. 83]. Применение термина *дискурс* одновременно и к процессу функционирования текста и к совокупности всех специализированных текстов, на наш взгляд, противоречиво. Во-первых, для обозначения абстрактной величины, сформированной совокупностью (системой) текстов и представляющей собой своеобразный «всеобщий текст» [Grivel, 1978, с. 30], существует термин *гипертекст*. Во-вторых, в соответствии с задачами нашей работы только понимание дискурса как «речи, погруженной в жизнь» позволит нам отвечать на вопросы, как элементы коммуникации (автор, адресат, сфера, интенция и установка автора, условия речи) влияют на текст, отражаются на внутритекстовой организации и определяют использование фигур интертекста. Таким образом, во избежание терминологического разнобоя, мы считаем целесообразным в своей работе исключить вариант подразумевания под *дискурсом* совокупности специализированных текстов.

Спорным остается вопрос взаимодействия дискурсов, а также статуса текстов, которые можно соотнести сразу с несколькими дискурсами. Так, судья в

России и за рубежом может проявлять себя «как представитель судебной власти не только в зале суда» [Дубровская, 2009, с 171], в эфирах радиостанций мы можем слышать интервью с представителями юридической системы, в магазинах наблюдается обилие книг на юридическую тематику, авторами которых являются наиболее авторитетные адвокаты и правозащитники современной России. Данный вопрос для текстов юридической сферы, на наш взгляд, должен учитываться с позиции двух измерений.

1. Юридический дискурс как вертикальная система, включающая в себя более частные системы (дискурсы). Практика включения конкретного дискурса в более широкий тип дискурса не является новой [Дронова, 2004; Дубровская, 2009; Куртин, 2002; Спиридовский, 2006; Duff, 2004 и др.]. Вследствие размытости границ понятий «дискурс», «институциональный дискурс» ученым дается возможность по-разному трактовать соотношение тематически «близкорасположенных» дискурсивных систем, однако, на наш взгляд, в данном вопросе логично следовать в направлении от явления действительности к его изучению в действительности языковой. Известно, что в сферу юриспруденции как науки входит несколько направлений [Горылев, 2013, с. 17]:

- изучение и анализ развития государства и права, предложения по их совершенствованию;
- проектирование правовых норм общественной жизни и <...> анализ практики их применения;
- осуществление правоохранительной деятельности, разрешение споров между гражданами / юридическими лицами / государством и т. д.

Мы видим, что каждому из названных направлений можно найти соответствие в лингвистической среде. Так, языковая действительность изучения и анализа государства и права формирует **правовой дискурс**, который «определяется историческим развитием конкретного государства, характеристиками принятой в нем правовой системы, комплексом знаний, накопленных в этой области» [Ступникова, 2010, с. 10]. Проектирование норм общественной жизни, т. е. нормотворческих текстов, соотносится с законодательным дискурсом, который прямо трак-

туется как «подтип юридического дискурса, в рамках которого создаются и утверждаются законодательными органами различные правовые акты, в том числе и законы» [Коновалова, 2008 (а), с. 8]. Наконец, осуществление правоохранительной деятельности и разрешение споров между гражданами, государством, юридическими лицами реализуется в процессе подготовки и проведения судебных заседаний, то есть, в рамках судебного дискурса, который является лишь видимой «частью айсберга» [Львов, 2003, с. 57] юрислингвистической науки.

Таким образом, с позиции рассмотренной таксономической вертикали мы можем назвать **юридический дискурс** более широкой системой, включающей в себя **дискурс права, законодательный и судебный дискурсы**, в полном соответствии с тем фактом, что юриспруденция включает в себя законотворческое, правоведческое и судебно-процессуальное направления. Следовательно, судебная речь будет относиться к судебному дискурсу; текст закона – входить в рамки законодательного дискурса; правовые документы – к правовому дискурсу, но, вместе с тем, все эти тексты относятся одновременно и к дискурсу юридическому, как к таксономически более обширной системе по сравнению с более частной.

2. Юридический дискурс в контексте горизонтальной системы дискурсов рассматривается в тех случаях, когда юридическое знание в текстуальной форме выражения выходит за рамки не только зала суда, но и юридической сферы вообще, рассеиваясь «во многих дискурсивных формациях» [Чернявская, 2002, с. 231] и взаимодействуя с дискурсами средств массовой информации, публицистики, социальных сетей и проч. Американские лингвисты Р. Сколлон и С. Сколлон в таких случаях предлагают вводить понятие «интердискурсивной коммуникации», которая возникает «при совместной артикуляции различных дискурсов в одном коммуникативном событии» [Scollon, 2001, с. 9].

В контексте сказанного, мы в своей работе определяем анализируемые нами тексты как относящиеся к юридическому дискурсу по ряду частных: принадлежность оратора к юридической профессии, уровень его компетенции; сфера функционирования текста, его проблематика, интенция оратора, наличие коммуникативных клише и проч. Таким образом, в рамках дискурсивного анализа каж-

дый текст должен рассматриваться в «индивидуальном порядке». Итак, обратимся к системообразующим признакам юридического дискурса.

Общая тематика юридического дискурса выражается в широких категориях «закон» и «право», которые ведут за собой круг частных тем: уголовное право, гражданское право, объективность, деяние, суд, наказание, истина, справедливость и т. д.

Ценностные признаки юридического дискурса, которые называются «важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры» [Карасик, 2006, <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>] ориентированы на беспрекословное подчинение существующим законам, «уважительное отношение к праву и признание верховенства закона, неприятие произвола и злоупотреблений, нарушающих права граждан» [Козырева: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozireva_4_08.pdf], что выражается «в официальных текстах государственной важности» [Устинова, 2011, с. 127] как факторах, формирующих «правомерное поведение человека» [Скоробогатов, 2012, с. 234]. Под этими текстами подразумеваются федеральные кодексы, а также федеральные и региональные постановления и нормативно-правовые документы. При этом сохраняется ориентация на категорию времени в юридическом дискурсе: данные источники остаются ценностным ориентиром только в случае, если они имеют юридическую силу на момент своей актуализации в тексте дискурса.

Наличие цели. Конечная цель любого юридического (в том числе и судебного) действия – разрешение общественно-правового конфликта. Как мы уже говорили выше, любой текст и любое интертекстуальное действие говорящего в рамках юридического дискурса направлено на решение частной задачи (или сразу нескольких задач). Например, текст медицинского заключения служит сбору доказательственной базы; протокол допроса нацелен на получение информации, формирующей максимально объективную картину произошедшего; судебная речь убеждает в правоте той или иной стороны; высказывание юриста в СМИ доносит позицию оратора, формирует общественное мнение, влияет на изменение законодательной базы; нормативно-правовой документ регламентирует порядок дея-

тельности юриста и проводит границу между правами и обязанностями и т.д. В широком смысле, выполняя ту или иную частную задачу, юридический текст направлен на разрешение общественно-правового конфликта. Эмпирически результат (вершина конфликта) может выражаться в изменении действительности, которое также объективируется в тексте: приговоре суда; принятии судом ходатайства или удовлетворении жалобы; устранении пробелов на разных уровнях законодательства и т. д. Наличие цели текстов юридического дискурса продиктовано его ментальными границами, которые определяют «уровень значимости и целесообразности идеи, высказывания относительно системы данного дискурса» [Чернявская, 2013, 158].

Модель коммуникации юридического дискурса. Коммуникация – сложный процесс, который включает в себя элементы и условия, реализующие ситуацию речевого общения. Видение процесса коммуникации и его составляющих у различных авторов не одинаково. Так, например, классическая модель по Аристотелю представляется как связь трех элементов: оратор + предмет общения + слушатель [Аристотель, 1978, с. 24]. Более полной представляется модель Гарольда Лассвела [Lasswell, 1948, с. 37], применяемая изначально к работе средств массовой информации. В рамках этой модели к уже названным элементам добавляются еще два: канал передачи сообщения и прагматический эффект, то есть результат от передачи информации. Еще одна модель, прикладная, разработана К. Шенноном и У. Уивером. К ней присоединяются элементы, имеющие изначально техническую трактовку, а именно «шум» и «код» [Shannon, 1964, с. 7]. Эта модель, предназначенная для описания процесса коммуникации посредством телефонной и радиосвязи, послужила основой для возникновения теории коммуникации. В дальнейшем коммуникационные модели только усложнялись дополнительными элементами, что порой снижало их эффективность и вызывало противоречия, ведь понятие «модель» подразумевает упрощенную схему явления или процесса, а не отражение всех их тонкостей и нюансов. Чтобы избежать этого и построить адекватную и непротиворечивую модель коммуникации В. П. Москвин предлагает различать среди ее элементов: ключевые и второстепенные; обязательные и фа-

культативные; принадлежащие сфере адресанта (цель сообщения) и адресата (эффект), а также общие; абстрактные (цель и эффект сообщения) и конкретные (относящиеся к речевой ситуации, сенсорно воспринимаемые) [Москвин, 2012 (а), с. 19–21].

Язык права формировался вместе с институтом права, предполагая также формирование процедур, ролей, моделей поведения участников судебных процессов [Губаева, 2003]. Поэтому в сфере юриспруденции также предлагаются различные модели коммуникации. Так, например, Н. Г. Храмцова представляет модель коммуникации (систему правовой коммуникации) в правовом дискурсе [Храмцова, 2009, с. 59]. Структура данной модели частично совпадает со структурами, которые мы рассмотрели выше, и формируется следующим образом: субъекты права + правовая информация + каналы передачи правовой информации. Все эти инвариантные элементы подразумевают под собой конкретные выражения. Например, в качестве правовой информации могут выступать как федеральные законы, так и локальные правовые акты. В качестве канала связи – как средства массовой информации или официальные сайты госструктур, так и устная коммуникация в зале суда – в зависимости от специфики коммуникативной ситуации.

В своей работе мы предлагаем две коммуникативные модели юридического дискурса, который является таксономически более широким феноменом, чем судебный, законодательный или правовой дискурсы. Первая из коммуникативных моделей – **векторная** – отражает движение информации в рамках юридического дискурса от адресанта к результату с учетом участников юридической коммуникации, каналов связи, возможных помех и декодирования. Вторая модель коммуникации в юридическом дискурсе – **аргументативная**, отражающая специфику использования информации в рамках юридического дискурса для достижения риторических целей.

А. Векторная коммуникативная модель юридического дискурса опирается на следующие элементы:

1. Участники коммуникации. Если переложить градуальный характер институциональности [Карасик, категории дискурса,

<http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>] применительно к юридическому дискурсу, то мы получим следующую картину обязательных участников дискурса. Ядро юридического дискурса составляет общение базовой пары участников коммуникации, являющихся **«агентами»** – представителями юридического дискурса (прокурор – адвокат, адвокат – судья; в некоторых случаях допустимы пары адвокат – адвокат и т. д.). Периферия юридического дискурса – контакт «агента», представителя юридического института с **«клиентом»**, человеком, прямо «не относящимся к этому институту» [там же]: **юрист** (адвокат, прокурор, законодатель, судья) – **не юрист** (журналист, подследственный, свидетель, заявитель и т. д.). Ключевое отличие агента от клиента заключается в наличии у агента коммуникативной компетенции – «способностью лица к эффективному общению в типовой конситуации» [Москвин, 2012 (а), с. 22]. Обязательное наличие на периферии юридического дискурса «агента» помогает ограничить область изучения юридического текста с позиции его автора. Считается, что на современном этапе развития правосудие в нашем государстве все больше «монополизировано профессиональными участниками судебного разбирательства» [Масловская, 2009, с. 246], что увеличивает разницу между профессиональным и «профанным» уровнями восприятия юридической действительности. Так, заявление «клиента» в органы внутренних дел (управляющую организацию ЖКХ, отдел кадров по месту работы и т.д.) о том, что его ограбили на улице (затопили соседи, не приняли на курсы повышения квалификации и т.д.) можно отнести к тексту юридической сферы; комментарий журналиста о новом законе тоже формально касается правовой сферы, но этого не достаточно, чтобы рассматривать такие тексты, как относящиеся к юридическому дискурсу. «Клиент» может не обладать базовыми знаниями сферы права, организации юридического текста и речевого поведения в рамках той или иной правовой ситуации, что может привести к нехарактерным для юридического дискурса элементам (фактологические правовые ошибки, нарушение юридических канонов речи, выход за тематические пределы дискурса и т. д.). Таким образом, коммуникация формата «агент + агент» (ядро дискурса), «агент + клиент» (периферия) будет рассматриваться нами как соответствующая для изучения в

рамках юридического дискурса. Остаются в рамках юридического дискурса и нормативно-правовые акты, тексты законов, которые являются результатом законотворческой работы квалифицированных «агентов».

Факультативными участниками коммуникации в юридическом дискурсе выступают слушатели и наблюдатели.

2. Декодирование. В рамках юридического дискурса данный элемент может получать реализацию, как минимум, в трех форматах: отсутствие декодирования, адаптация, интерпретация.

Отсутствие декодирования в институциональном юридическом дискурсе происходит в случае коммуникации по схеме направления информации «агент => агент». Принимая во внимание, что агент любого институционального дискурса находится в «рамках строго установленных предписаний и ожиданий» [Палашевская, 2010, с. 241], мы моделируем некоторую идеальную ситуацию, предполагая, что агенты юридического дискурса обладают высоким уровнем владения как общелитературного языка, так и специфического языка права, то есть, необходимость декодирования фактически отсутствует.

Адаптация в юридическом дискурсе реализуется в случае коммуникации по схеме «адресант-агент => адресат-клиент». Данная схема реализуется в процессе преобразования юридической информации в доступную для клиента (слушателя, наблюдателя). Юридический текст при этом содержит ту же ситуацию, что и текст-источник, но она преподносится иначе «в зависимости от выбранного вида адаптации текста и новых условий его функционирования» [Первухина, 2014, с. 98]. При этом от уровня коммуникативной компетенции агента, от его способности понять изначальную, не адаптированную юридическую информацию и построить на ее основе новый текст для клиента зависит объективность текста после декодирования.

Последний вариант декодирования в рамках юридического дискурса – **интерпретация**. Если оратор (клиент) не обладает коммуникативной компетенцией в рамках юридического дискурса, то мы говорим о том, что участник коммуникативной модели уже не адаптирует юридическую информацию, а интерпретирует

ее, «предлагая свое мнение, не подкрепленное знаниями этой предметной области» [Там же]. Данная проблема поднималась, в частности, в практике суда присяжных заседателей, когда решениям присяжных заседателей (по сути, клиентов юридического дискурса) давали следующую характеристику: «часто запутанны и внутренне противоречивы, особенно по сложным многоэтапным делам с обвинением нескольких лиц» [Длин, Шварц, 2002, с. 53].

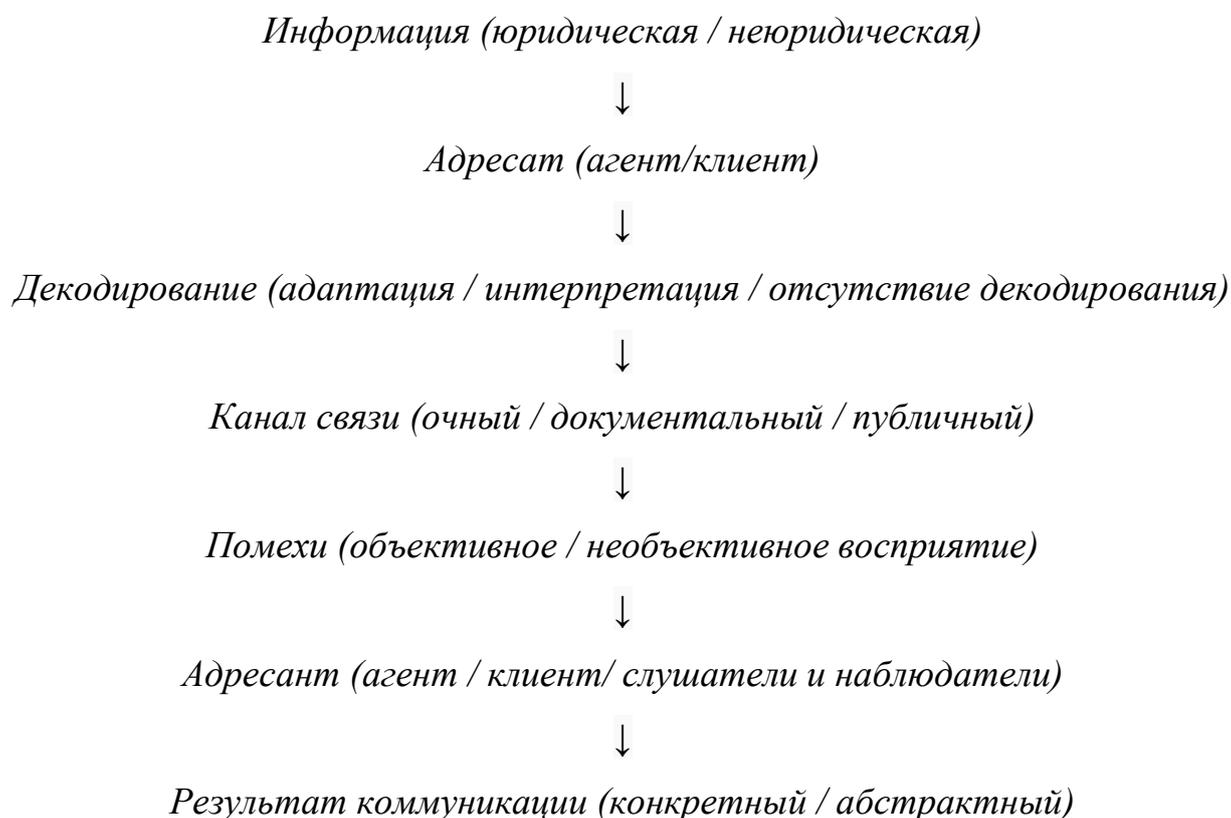
3. «Помехи». Как упомянуто выше, коммуникативные модели используются не только к риторике или теории дискурса, но и в описаниях процесса коммуникации посредством телефонной и радиосвязи. Нередко технические термины телефонной и радиосвязи (шум, помехи, код) на основании переноса по сходству находят применение и в риторических моделях коммуникации, в частности в модели юридического дискурса. Под помехами в рамках рассматриваемой нами модели мы понимаем следствие «разницы» между наличием коммуникативной компетентности участников дискурса и ее отсутствием / низким уровнем. Чем выше уровень коммуникативной компетентности участников юридической коммуникации, тем меньше вероятность возникновения коммуникативных помех, которые могут выражаться в непонимании, возникновении двусмысленности, ситуациях коммуникативных неудач. Аналогичный механизм мы видим в процессе раскодирования интертекстуального смысла, который (процесс) возможен, «если фоновые знания адресата пересекаются с фоновыми знаниями адресанта».

4. Канал связи: непосредственный (участники коммуникации имеют возможность непосредственного устного общения – например, в зале суда) / опосредованный (коммуникация реализуется через письменные тексты).

5. Результат коммуникации: конкретный (решение суда, удовлетворение жалобы, приобщение документа к делу, издание закона), абстрактный, т.е. тот, который затруднительно выявить в конкретной его форме (выход интервью с юристом в эфир, издание комментария в периодическом издании и проч.). Следует отметить, что свод результатов, к которым приводит коммуникация юридического дискурса, представляется достаточно широким. Так, в новейшей истории распространение через публичные каналы коммуникации данных о судебных ре-

шениях или задержаниях известных лиц нередко приводили к митингам или массовым беспорядкам.

Подводя итог сказанному, предлагаем следующую коммуникативную модель юридического дискурса:

Б. Аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе.

Специфика юридического дискурса связана с тем, что это аргументативный дискурс, иногда – остро аргументативный, т. е. эристический. Соответственно, необходимо выделить конкретную аргументативную модель коммуникации в юридическом дискурсе, которая представлена нами следующим образом:

«Оппонент 1 → Коммуникативный материал → Фильтрация → Аргументация → Опора аргументации → Оппонент 2».

На этапе построения текста юрист изначально знакомится с коммуникативным материалом – имеющимися в наличии фактами, свидетельствами, изучает

или освежает в памяти правовые нормы и традиции, затрагивающие тематику предстоящего коммуникативного поединка. После этого следует процесс отбора коммуникативного материала (фильтрация), который будет использован юристом в аргументации. Ненужный или невыгодный для коммуникативной позиции юриста материал отфильтровывается; полезный материал отбирается для дальнейшего использования и построения убеждения. Опора логической аргументации (регулярная опора) для рассматриваемого типа дискурса – это, прежде всего, своды законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса; опора психологической аргументации (иррегулярная опора) – это апелляция к опыту, традиции, авторитету, которая формируется, в частности, на основании текстов неюридической принадлежности – таких, как Библия, художественная речь, кинофильмы и т. д., и является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе.

Интертекстуальная насыщенность. Широкое использование интертекста в юридическом дискурсе продиктовано требованием коммуникативной убедительности и ясности, которая достигается при совпадении интенции оратора и интерпретации адресата применительно к определенному тексту [Карасик, <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>]. Именно обращение к прецедентным текстам устанавливает взаимопонимание участников дискурса. Напомним, что ключевым ценностным компонентом юридического дискурса является соблюдение законности и права в конкретном государстве. Закон и право, как известно, объективированы во множестве текстов, которые выступают в качестве прецедентных. Предлагаем разделить их на: **базовые** (Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс, Жилищный кодекс, КоАП, Семейный кодекс, и т. д.) и **ситуативные** (документы, актуальные в рамках судебного дела: постановления, жалобы, решения и т. д.).

Рассматривая интертекстуальность в юридическом дискурсе, мы получаем новый взгляд на явление «текста в тексте». Явление интертекста изучалось лингвистической наукой преимущественно в литературных произведениях, в художественных текстах. Однако ошибочно полагать, что интертекстуальность свой-

ственно только литературе. Более того, «было бы неправомерно утверждать, что к сфере интертекстуальности относятся лишь заимствования из произведений, признаваемых данной традицией» [Пьеге-Гро, 2008, с. 72]. Интертекстуальность в разных дискурсах будет функционировать (а именно функциональный аспект мы рассматриваем прежде всего) не одинаково. Например, в научной речи интертекст «объясняет тот факт, что всякое научное произведение лучевым образом – ретроспективно и проспективно – связано с другими исследованиями и выступает как своеобразный микротекст в общенаучном макротексте» [Чернявская, 2013, с. 203]. Мы можем провести аналогию функционированием интертекста и в рамках юридического дискурса. Юрист оперирует документами и материалами дела, показаниями свидетелей и прецедентами судебной практики – то есть «другими» текстами – в своей речи и аргументации. При этом ставить знак тождества между интертекстом в научном и юридическом дискурсе нецелесообразно. В научном тексте важны такие качества речи, как точность, неоднозначность; научный текст требует объективного отражения явлений действительности, в то время как цели юридического текста могут достигаться через искажение действительности, умалчивание или необъективную расстановку акцентов. В юридическом дискурсе нередко «общая стратегия сторон заключается в том, чтобы, признав и осудив один факт, подчеркнуть, выделить другой» [Михайловская, Одинцов, 1981, с. 15]. Говорить при этом о точности и объективности не приходится, что будет определять и выбор интертекстуальных фигур, формат их «погружения» в итоговый контекст.

Некоторые ученые рассматривают обвинительную или защитительную речь, оценку по делу как мозаику текстов-доноров, как ключевой текст, тематически связанный с предыдущими материалами дела; а также «опирающийся, базирующийся на них, включающий в себя их содержание» [Кыркунова, 2009, с. 23]. Если опираться на особенности понимания текста в юридическом дискурсе, то даже паспортные и биографические тексты могут служить опорными текстами. В свете вышесказанного интертекстуальность в юридическом дискурсе порой носит нарочито подчеркнутый характер, играя важную роль в аргументации и обосновании.

вании коммуникативной позиции юриста. Мы говорим о фигурах интертекста в современном юридическом дискурсе, потому что анализ речей судебных ораторов конца XIX – начала XX веков рисует нам несколько иную картину [Кыркунова, 2009, с. 26–27]. Интертекст в текстах юридического дискурса того периода представлен достаточно скупо, редко опирается на показания свидетелей, его выразительный потенциал больше базируется на литературных текстах. В очередной раз следует сделать акцент на разведении двух типов интертекстуальности в юридическом дискурсе:

1) собственно юридическую, или деловую интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и опирается на юридические тексты-источники;

2) выразительную интертекстуальность, отвечающую, главным образом, за формирование психологической аргументации, а также за выразительность и эмоциональность юридического текста, формируемые на основе текстов неюридической принадлежности (таких, как Библия, произведения художественной литературы, кинофильмы и т. д.).

Вследствие недостаточно развитой судебной системы собственно юридическая интертекстуальность не находила широкого применения в конце XIX – начале XX веков. Отсюда можно сделать вывод, что интертекстуальность в юридическом дискурсе – категория не статичная, а развивающаяся. Развитие юриспруденции и системы общественных отношений сами по себе влияют на развитие текстов юридического дискурса и использования приемов интертекста в них.

Сосуществование институционального и персонального начала. Институциональный дискурс представляется в специализированной клишированной разновидности общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [Карасик, <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>]. Существует точка зрения, согласно которой юридический дискурс необходимо относить к виду институционального дискурса, так как он связан с «определенной социальной сферой коммуникации, в частности, со сферой права» [Борисова, 2010, с. 7]. Однако назвать институцио-

нальным в чистом виде юридический дискурс мы не можем в силу того, что часть его текстов не может формироваться без выражения личностного начала автора, опираясь только на коммуникативные и этические законы института юриспруденции. К таким текстам, например, относятся судебные речи. Заслуженный юрист РСФСР Лев Семенович Ария в одном из своих комментариев говорит следующее: «Если ваша речь – всего лишь цитирование положений кодекса или других законов, нечего удивляться невнимательности судей. Они знают кодексы не хуже нас. Важно, чтобы адвокат нашел ту изюминку, ту скрытую сущность, которая выделит данное дело из ряда других аналогичных дел» [Крохмалюк, <http://www.bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=370&idnew=16035&start=0>]. Мнения о том, что дискурс в институционально чистом виде встречается крайне редко, придерживаются и современные ученые [Водак, 1997, 139]. Действительно, говоря о юридическом дискурсе, мы можем выделять коммуникативные доминанты, наблюдать сохранение статусно-ролевых характеристик участников дискурса, требования этики в речевом поведении на суде и т. д. Однако определение институциональности юридического дискурса довольно условно в каждом конкретном случае, а исключение личностного начала в институциональном общении «превращает участников такого общения в манекенов» [Карасик, <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>]. Даже главный ценностный ориентир юридического дискурса (законность) может быть подвергнут сомнению со стороны участника коммуникативного процесса: ведь законодательная система является открытой, а Закон может быть оспорен или раскритикован в разные моменты времени. В соответствии с критерием соотношения институционального и персонального мы можем условно разделить тексты юридического дискурса на следующие категории:

1. **Строго соблюдающие** коммуникативные каноны института юриспруденции. К ним относятся тексты законов и нормативных документов, а также тексты, имеющие минимум текстуальных характеристик (медицинские заключения, описи, списки и т. д.).

2. **Относительно персонализированные** – тексты в рамках конкретного судебного дела, сохраняющие форму, продиктованную институтом, но допускающие элементы персонализации (протокол допроса свидетеля, постановление суда, текст жалобы законного представителя и т. д.).

3. **Персонализированные** – тексты, сохраняющие высокий уровень личностного начала участников коммуникативного процесса, а именно: устные юридические тексты (судебная речь, реплики судьи) и смежные юридические тексты (находящиеся на границе юридического дискурса: интервью юриста, публичное обсуждение закона, разъяснение юриста и т. д.). Именно этот разряд текстов представляет наибольший интерес для лингвистического изучения феномена выразительной интертекстуальности.

В свете вышесказанного резюмируем те признаки современного юридического дискурса, которые видятся нами основными в свете задач нашего исследования. Именно эти признаки, так или иначе, определяют коммуникативное поведение участников и выбор тех или иных фигур интертекста.

Общая связующая тематика юридического дискурса (общие категории «закон» и «право») определяется ценностными признаками, которые выражены в беспрекословном подчинении **действующим** законам. Законы являются основными инструментами в разрешении правового конфликта участников дискурса в свою пользу. Конечная цель любого юридического (в том числе и судебного) действия – разрешение общественно-правового конфликта.

Участников юридического дискурса мы представляем в двух категориях. Это «агенты», ядро дискурса – непосредственные представители правовой сферы, юристы. И «клиенты», периферия дискурса – участники, которые не прямо относятся в институту юриспруденции. Такое представление позволяет отсеивать тексты, относящиеся формально к правовой сфере, но реализуемые без участия компетентных участников юридической коммуникации.

В своей работе мы предлагаем две коммуникативные модели юридического дискурса. **Векторная коммуникативная модель юридического дискурса** опирается на следующие элементы: участники коммуникации, декодирование, поме-

хи, канал связи, результат коммуникации. **Аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе** отражает специфику юридического дискурса как дискурса аргументативного (эристического). Данная модель включает в себя: двух оппонентов, коммуникативный материал, этап фильтрации, аргументацию, опору аргументации. Опора логической аргументации – это, прежде всего, своды законов. Опора психологической аргументации – это обращение к опыту, традиции, авторитету, что формируется, в частности, из текстов неюридической принадлежности (Библия, художественная речь, кинофильмы и т. д.). Аргументативная коммуникативная модель объясняет интертекстуальную природу юридического дискурса и значение использования прецедентных текстов в нем. Сама интертекстуальность в рамках юридического дискурса, представлена двумя главными типами: а) собственно юридическая (деловая) интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и опирается на юридические тексты-источники; б) выразительная интертекстуальность, с опорой на тексты неюридической принадлежности. Использование выразительной интертекстуальности будет характерно для персонализированных текстов юридического дискурса. Собственно юридическая (деловая) интертекстуальность может использоваться, как в персонализированных текстах юридического дискурса, так и в двух других категориях соотношения институционального и персонализированного начала – текстах, строго соблюдающих каноны института юриспруденции, а также текстах относительно персонализированных.

ВЫВОДЫ

Значимыми для реализации коммуникативной стратегии адресанта особенностями текста в юридическом дискурсе выступают:

1. Возможность как письменной, так и устной форм выражения. В рамках дискурсивного анализа юридических текстов представляется методологически оправданным обращаться к следующим уточняющим понятиям: а) «письменный текст, воспроизведенный устно», б) «письменный текст, требующий устного воспроизведения», в) «записанный текст». Примерами могут служить судебная речь (зачастую это устное воспроизведение записанного текста), решение суда (письменный текст, в силу регламента требующий устного воспроизведения в зале суда) или протокол допроса, который есть не что иное, как запротоколированный (записанный) устный текст. Таким образом, в юридическом дискурсе фигуры интертекста получают возможность реализации не только в письменной, но и в устной форме: дословно воспроизводимой (цитата, аппликация) или связанной с относительно свободным воспроизведением текста-источника (аллюзия, парфраз, интертекст-пересказ).

2. Обязательность наличия средств когезии и когерентности. Взаимодействие данного критерия с функционально значимым для юридического дискурса феноменом интертекста нельзя назвать постоянным. Вместе с тем фигуры интертекста могут обеспечивать связность текста в следующих трёх случаях: а) при конвергенции фигур интертекста с другими экспрессивно-стилистическими средствами языка (метафоры, эпитеты, фигуры контраста и др.), что относится к стилистическому аспекту когерентности, который подразумевает выбор экспрессивно-стилистических средств языка в том или ином контексте в соответствии с правилом тематической уместности; б) при использовании тактики аналепсиса, т. е. интертекстуального взаимодействия фрагментов одного и того же текста в результате обращения адресанта к описанным ранее фактам, событиям и явлениям; в) при опоре адресанта на компаративную демонстрацию, т. е. демонстрацию по аналогии, которая обеспечивает связь между аргументами и тезисом; при этом

подразумевается, что роль аргумента может выполнить фигура интертекста, апеллирующая к тексту законодательства.

3. Обязательное наличие эристически и / или регулятивно интенционального речевого замысла, что ведет за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, способных наиболее эффективно разрешить определенный правовой конфликт, а в первом случае – разрешить данный вид конфликта в пользу адресанта.

4. Факультативность ряда критериев, в частности:

А. Критерия информативности.

Б. Критерия завершенности.

В. Критерия согласованности формы и содержания.

5. Наличие интертекстуальных связей как ключевая тенденция текстов юридического дискурса. Данная особенность юридического текста представляет в рамках нашего исследования наибольший интерес.

Наиболее значимыми свойствами интертекста, релевантными для изучения феномена интертекстуальности в юридическом дискурсе выступают.

1. Наличие ссылки на текстуальный источник.

2. Наличие у фигур интертекста определенной функциональной нагрузки.

3. Учёт прецедентной компетентности адресата: в противном случае возникает опасность того, что адресат не сможет декодировать интертекстуально насыщенную информацию.

4. Соотношение двух и более текстов. Данный критерий интертекстуальности в рамках юридического дискурса становится факультативным. Основная причина – возможность формирования интертекстуальных связей в юридическом дискурсе не только между двумя разными текстами, но и между фрагментами одного текста.

С позиции рассмотренной в нашем исследовании таксономической вертикали мы можем считать **юридический дискурс** более широкой системой, включающей в себя **дискурс права, законодательный и судебный дискурсы**, в полном

соответствии с тем фактом, что **юриспруденция** включает в себя **законотворческое, правоведческое и судебно-процессуальное направления**. Следовательно, судебная речь будет относиться к судебному дискурсу; текст закона – входить в рамки законодательного дискурса; правовые документы определенного процессуального дела – к правовому дискурсу, но, вместе с тем, все эти тексты относятся одновременно и к дискурсу юридическому как таксономически более обширной системе по сравнению с более частной.

Аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе, может быть задана следующей схемой:

«Оппонент 1 → Коммуникативный материал → Фильтрация → Аргументация → Опора аргументации → Оппонент 2».

В случаях и логической, и психологической аргументации в юридическом дискурсе опору аргументации способны обеспечивать фигуры интертекста. Опора логической аргументации (регулярная опора) для данного типа дискурса – это, прежде всего, своды законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса; опора психологической аргументации (иррегулярная опора) – это апелляция к опыту, традиции, авторитету, которая формируется, в частности, на основании текстов неюридической принадлежности – таких, как Библия, художественная речь, кинофильмы и т. д., и является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе.

Интертекстуальная насыщенность становится, таким образом, еще одной существенной характеристикой юридического дискурса. В соответствии с представленной аргументативной моделью коммуникации предлагается различать два вида интертекстуальности в юридическом дискурсе:

1) собственно юридическую, или деловую интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и опирается на юридические тексты-источники;

2) выразительную интертекстуальность, отвечающую, главным образом, за формирование психологической аргументации, а также за выразительность и эмоциональность юридического текста, формируемые на основе текстов неюридической принадлежности.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРТЕКСТА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Как уже было отмечено выше, феномен интертекстуальности привлек пристальное внимание ученых только в последние десятилетия, при этом до сих пор единая общепринятая концепция интертекста не выработана. Различия во взглядах представителей научного сообщества ведет к разному не только в восприятии и понимании самого интертекста, но и в разграничении фигур интертекстуальности. Для решения данной проблемы мы предлагаем критерии, которые видятся нам ключевыми в вопросе разграничения фигур интертекста и отнесения интертекстуальных проявлений в тексте к конкретной фигуре.

1. Степень точности воспроизведения текстового источника: дословно / с изменением лексики / с изменением ритмико-синтаксической организации и т. д.

2. Наличие указания на текст-источник: наличие отсылки / отсутствие отсылки / указание о наличии источника без его конкретизации и т. д.

3. Природа источника: текстовая / нетекстовая.

4. Появление вторичного смысла в тексте-реципиенте: появление вторичного смысла / наличие только контекстуального смысла.

5. Расположение словесного репрезентанта фигуры в тексте: имитативное расположение (интертекстуальные элементы расположены в порядке, аналогичном порядку в тексте-доноре) / трансформативное расположение (интертекстуальные элементы «разбиваются» контекстуальными, «разбросаны» по фрагменту текста-реципиента).

В ходе исследования выявлено, что одни фигуры интертекста могут отличаться сразу по нескольким критериям (например, цитата и аллюзия), а другие – всего по одному из указанных критериев (например, цитата / аппликация).

Наиболее полно исследование функций фигур в текстах юридического дискурса, на наш взгляд, будет отражено в следующих аспектах:

1. В аспекте соотношения с текстом-донором (сопоставление фрагмента текста в первоисточнике и его формы в тексте-реципиенте). Данный подход позволит нам:

- а) Структурировать источники интертекстуальности в рамках юридического дискурса; объяснить обращение юриста к тем или иным текстам-донорам;
- б) Определить функциональные возможности интертекста через межтекстовое соотношение с текстом-донором.

2. В аспекте взаимодействия фигур интертекста в юридическом дискурсе с экспрессивно-стилистическими средствами языка и средствами убеждения, что позволит нам:

- а) выявить комбинации интертекста и экспрессивно-стилистических средств языка;
- б) выявить комбинации интертекста и средств убеждения;
- в) определить функции и значение этих комбинаций в текстах юридического дискурса.

Однако прежде чем переходить к анализу фигур интертекста и их функциональных возможностей, в том числе и через конвергенцию с экспрессивно-стилистическими средствами русского языка, необходимо определиться с теоретической базой последних.

2.1. Феномен интертекстуальности в системе экспрессивно-стилистических средств языка

Многие проблемы определения и типологии экспрессивно-стилистических средств современного русского языка до сих пор остаются спорными, например, вопрос о соотношении понятий «троп» и «фигура». В одном из возможных пониманий тропы (от греч. *tropos* 'поворот', перен. 'образ') могут быть определены как «слова и выражения, употребленные в переносном значении» [Хазагеров, 2004, с. 221]. У О.В. Петрова под термином «троп» понимается такое «превращение, при котором слова приобретают другое, не свойственное им значение, но так, что речь при этом не только не теряет ясности, но даже увеличивает ее» [Петров, 2004, с. 92]. Сразу отметим для себя, что подобные «несвойственные значения» приобретают для себя слова или фразы, помещенные из текста-донора в текст-реципиент, что сближает природу реализации интертекстуальной связи с восприятием тропических элементов в сознании адресата. В обоих случаях адресату, чтобы осмыслить текст в полной мере, приходится «выходить» за его формальные границы, обращаясь либо к метаязыку, либо к прецедентному тексту.

В узком понимании троп представляет собой «семантически двуплановое наименование, используемое в эстетической функции» [Москвин, 2007, с. 772]. Исходя из этого определения, троп обладает следующими характеристиками:

– представляет собой номинативную единицу, «результат использования метафорического и метонимического переносов» [Москвин, 2007, с. 774], а не процедуру. В противном случае к числу тропов следует относить гиперболу, литоту, мейозис и др. приемы, образованные при помощи процедуры переноса по количественному признаку;

- используется в декоративной функции, в противном случае к числу тропов следует отнести антифразис (тот еще *умник* – ироническая функция), все виды метафоры без учета функционального критерия (упертый *баран* – оценка) и т. д.;

– является семантически двуплановой единицей, в противном случае к числу тропов следует отнести эпитеты, сравнительные обороты и перифразы, которые не всегда обладают двуплановостью значения.

Без учета какой-либо из указанных выше характеристик тропов следует говорить уже о широком понимании тропов, состав которых будет трактоваться шире, чем метафора и метонимия в изобразительно-декоративной функции. Так, например, Г.Г. Хазагеров пишет, что усиление изобразительности достигается за счет самых разнообразных средств, в том числе и «специальных средств усиления изобразительности» [Хазагеров, 2004, с. 214–221], а состав тропов включает в себя следующие группы:

– тропы сходства (метафора и ее виды), в которых перенос значения осуществляется на основании сходства представлений;

– тропы смежности, в которых перенос значения осуществляется на базе пространственной или временной смежности (метонимия и ее виды);

– тропы контраста, когда в основе переноса лежат ассоциации по контрасту (антифразис и его виды);

– тропы тождества, когда основанием для переименования служит тождество представлений (перифраз и его виды). Между тем выделение тропов тождества и отнесение к ним перифразы не согласуется с такими вариантами модели перифразирования, которые выделяются современной лингвистикой, а именно «метонимическое, метафорическое, аллюзивное, эвфемистическое» и другие [Синина, 2012, с. 211]

Аналогичную по ряду параметров типологию тропов мы видим в классификации Ю.М. Скребнева [Скребнев, 1987, с. 60], где предлагается делить все тропы на:

– **тропы качества:**

а) переименование объекта речи, базирующееся на реальной объективной связи, существующей между называемым объектом, и тем объектом, название которого имеется в виду (пример: метонимия – *Суд их помнит* [Ивакина, 2007, с. 364]);

б) переименование, в основе которого лежит сходство, общность тех или иных признаков двух объектов, при отсутствии какой-либо реальной связи между самими объектами (пример: метафора – *юридический диагноз*);

в) переименование по контрасту, подразумевающее прямую противоположность двух объектов (пример: *как я раньше жил без твоих советов?*).

– **тропы количества** (к ним относят гиперболу, литоту и др.).

Между тем, как мы видим, широкое понимание тропов ведет к очередному разнобою. Так, гипербола и литота относятся: по классификации Г. Г. Хазагерова – к тропам сходства; а в ряде исследований трактуются как приемы нарочитого неправдоподобия [Москвин, 2007, с. 43]. В нашей работе мы предлагаем использование термина *троп* в узком понимании в связи с тем, что «применение этого термина у разных авторов отличается чрезвычайным разнообразием и иногда противоречиво» [Губер, 1947, с. 35].

Если определить фигуру как «акт использования или образования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи» [Москвин, 2007, с. 3], то довольно сложным представляется соотношение понятий «стилистическая фигура», «риторическая фигура», «прием языковой игры», «фигура речи». Данные понятия можно противопоставить только функционально: одна и та же фигура может быть использована, в зависимости от целей (функций) ее употребления, и как стилистическая, и как риторическая, и как прием языковой игры [Москвин, 2002, с. 77].

Одной из наиболее проблемных задач является разработка классификации тропов и фигур речи, которая бы логично распределяла внутри своей структуры все известные экспрессивно-стилистические средства. Как показывает исследование, проведенное В. П. Москвиным, «абсолютно все выразительные приемы и средства по своему назначению напрямую связаны либо с выполнением, либо с нарочитым несоблюдением требований к речи» [Москвин, 2007, с. 41–42]. Под требованиями к речи подразумевается соблюдение качеств речи, которые были определены еще в античных риториках: *правильность, однозначность, разнообразие, богатство, уместность* и проч.

Данный подход позволяет отметить определенные тенденции в соотношении фигур речи с качествами речи, но это соотношение нельзя назвать статичным, оно может нарушаться в зависимости от коммуникативной ситуации и от роли в ней фигуры речи. Для подтверждения своей позиции рассмотрим функционирование риторического вопроса в текстах судебных речей. Публичная речь предполагает ответы на вопросы слушателей. В судебной речи эта характеристика отсутствует в силу процессуальных норм, поэтому судебный оратор, ведя полемику с процессуальным противником, должен предвидеть, в чем с ним могут не согласиться, какие тезисы могут вызвать сомнение. Одним из требований к судебной речи является и ее доступность, ясность, структурированность. Риторические вопросы в зависимости от коммуникативной ситуации могут соотноситься с любым из этих качеств, что приводит к разным определениям риторического вопроса в научном сообществе. Обратимся к определению А. А. Волкова: «риторический вопрос – утвердительное высказывание в форме вопроса, которое не предполагает ответа» [Волков, 2001, с. 309–329]: *Наше дело должно было пройти сложный и трудный путь. Да и как могло быть иначе?* [Ивакина, 2007, с. 363]. В данном примере вопросительное предложение соответствует дефиниции *риторического вопроса*, т.е. содержит в себе утверждение и не требует ответа. Но не всегда вопрос как риторическая фигура несет в себе утвердительное высказывание и не требует ответа: *Все стало на свои места. А позиции сторон? Кое-что изменилось, но в главном они остались прежними. Спор продолжается* [Киселев, 2007, с. 363]. Данная фигура имеет название гипофора – «вопрос, обращаемый говорящим к самому себе, с тем чтобы самому же на него и ответить» [Хазагеров, 2009, с. 174]. В этом случае вопрос содействует структурированию речи, т.е. соотносится с таким ее качеством, как ясность, но не содержит в себе утверждение и не может не вести за собой ответа, иначе мысль оратора не будет понята аудиторией.

При широком понимании, риторический вопрос – «прием, состоящий в использовании вопросительной формы не в своем значении» [Хазагеров, Корнилова, 2001, с. 126]. Но вопросительная форма, кроме своего основного значения, может иметь не одну, а несколько функций, различных в соответствии с интенци-

ей оратора, спецификой текста, местом расположения вопросительного высказывания в речи. Так в форме вопроса «может передаваться новая информация, осуществляться постановка проблем» [Ивакина, 2007, с. 103]. Более того, если понимать фигуру речи как «*особое построение* высказывания, сделанное в соответствии с *замыслом* говорящего и ситуацией общения» [Аннушкин, 2006, с. 188], то можно прийти к выводу, что при разных замыслах (функциях) было бы не совсем точным говорить об использовании в каждом случае только фигуры *риторический вопрос*. Поэтому при рассмотрении вопросительных высказывания как риторических фигур необходимо обращаться к более подробным классификациям, емким по степени информационной дифференциации.

Мы можем встретить в судебной речи риторическую фигуру, которая состоит из нескольких, подряд идущих вопросительных высказываний, представляющих собой *градацию*, а последняя, как известно, относится к фигурам нарочито пространной речи: *В какое положение поставил себя следователь? Что ему делать? Прекратить дело?* [Киселев, 2007, с.363]; или даже вопросно-ответных ходов: *Фельетон приобщен следователем к делу. Зачем? Как доказательство? Фельетон им служить не может. Приобщен как мнение сведущего лица? И это невозможно, если следовать закону* [Киселев, 2007, с. 364]. Часто посредством вопросительных высказываний передается ирония, целью которой является сведение к абсурду аргументов противника, что дает нам в таких случаях соотносить риторический вопрос с фигурами нарочито двусмысленной речи: *Никакой проверкой следователь и не стал заниматься: разве можно оскорблять ее (истца) недоверием?!* [Киселев, 2007, с.368]. *Честным трудом зарабатывала на жизнь. Похвально. Почему же стала это скрывать?* [Киселев, 2007, с.369]. Отнести риторический вопрос к фигурам нарочито алогичной речи может участие его в доведении до абсурда: *Он сказал, что пошел не драться, а разыскивать по вагонам участников выпивки у Семашко. Довольно странное объяснение. Почему их надо было искать в случайном поезде, а не на квартирах и улицах Петродворца?* [Кан, 2007, с.358].

Что касается фигур интертекста, то в рамках рассматриваемой классификации они относятся к фигурам экспрессивной деривации, которая обеспечивает *богатство речи*. Восприятие фигур речи как способа экспрессивизации текста дает возможность рассматривать «фигуры интертекста как разновидность фигур выразительной речи» [Бобровская, 2013, с. 66]. Вместе с тем, фигуры интертекста, в частности в рамках юридического дискурса, не монофункциональны. Данный факт дает нам основание предположить, что фигуры интертекста могут, подобно примеру с риторическими вопросами, соотноситься с различными качествами речи. Так, например, цитата в большинстве случаев служит точности и логичности речи, фигура интертекста-пересказа – краткости речи, аппликация и аллюзия – уместности и богатству речи и т. д. Данный факт имеет значение при определении функциональной возможности фигур интертекста во взаимодействии с иными экспрессивно-стилистическими средствами языка и подтверждается рядом тезисов.

1. Переносный смысл и двуплановость большинства тропов перекликается с возможностью появления вторичного смысла фигуры интертекста, который рождается при реализации интертекстуальных отношений с текстом-донором. Это позволяет оратору использовать широкий спектр риторических комбинаций интертекста и тропов. Не удивительно, например, что в некоторых источниках *текстовая антономасия* называется не только самостоятельной фигурой интертекста, но и разновидностью аллюзии – ономастической аллюзией [Hulen, 2005, с. 53]; видом метонимии [Квятковский, 1966, <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-0442.htm>] или метафоры [Кудрявцева, 2010, с. 55]. Эти взгляды на одно языковое явление не взаимоисключают, а дополняют друг друга.

2. Такие фигуры речи, как различные виды повторов и синтаксический параллелизм, в ряде случаев структурно совпадают с феноменом горизонтального интертекста. По сути, принцип формирования риторического повтора аналогичен принципу формирования фигур горизонтального интертекста, когда один и тот же фрагмент дублируется из «левой» части текста в «правую», что совпадает с определением кольцевого повтора – «повтора компонента (или группы компонентов) в

начале и в конце речевой единицы» [Москвин, 2007, с. 321]: *Мы живем на тесной планете, которая все больше начинает походить на коммунальную квартиру. И на этой планете родилась среди людей нечеловеческая, звериная идеология фашизма. Она обесценивала человеческую жизнь, она учила: "не труд, не творчество, а убийство и насилие являются единственным полноценным способом устранения препятствий на пути к счастью". Фашизма нет. А его идеология? Ее ведь не уничтожишь силой оружия. Ее семена остались, и западные ветры разносят их. А мы живем на тесной планете* [Ария, 2010, с. 102]

3. Факультативный перевод элементов опорного текста в конечный текст при формировании фигуры интертекста-пересказа соответствует принципу построения *эллипсиса*, который представляет собой «незамещение определенных позиций речевой цепи» [Москвин, 2007, с. 883]: *Встречался в Санкт-Петербурге с директором такого детского дома. Восемнадцать лет в должности. Я спрашиваю: «Сколько у вас детей?» — «Восемьдесят один ребенок». — «Сколько взрослых работает?» — «По штату 212, по-моему». Я говорю: «Скажите, а сколько вы детей в прошлом году передали в семью?» Он говорит: «Ни одного». — «А почему?» — «А им здесь лучше, у меня». Я говорю: «А кто это решил?» — «Я это решил». Такой диалог* [Астахов, <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf>]. Неоднократно незамещенной в данном примере остается позиция авторских слов, в речи оратора остаются только реплики передаваемого диалога.

4. Фигура контраста может формироваться через соотнесение элементов из нескольких прецедентных текстов. В следующем примере мы видим, как различие в показаниях выявляются оратором через антитезы (противопоставление, стоит отметить, в данном примере имеет контекстуальный характер): *Отличаются в показаниях очевидцев и описания пистолета: Габиев и Бароев считают, что пистолет был похож на пистолет ТТ, при это Габиев пояснил, что пистолет был начищен и блестел; Кидалов, не назвав марку пистолета, заявил, что пистолет был длинный и блестящий; Крошкин и Силькин увидели черный писто-*

лет, причем Силькин еще и умудрился разглядеть, что накладки на пистолете были коричневые [Костанов, 2007, с. 203].

Данные наблюдения необходимо учитывать при определении функциональных возможностей фигур интертекста во взаимодействии с иными экспрессивно-стилистическими средствами языка.

2.2. Цитата как основа логической аргументации в юридическом дискурсе

Цитата в узком понимании может быть определена как фигура интертекста, представляющая собой «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Москвин, 2011, с. 78]. В оппозиции к этому подходу находится широкое понимание цитаты как дословного воспроизведения фрагмента текста-донора:

1. Вне зависимости от наличия ссылки на источник. В частности, Н.А. Фатеева выделяет цитату с атрибуцией и цитату без атрибуции [Фатеева, 2007, с. 122–128]. На наш взгляд, с таким широким подходом можно согласиться, однако использование термина *цитата* с атрибуцией/без атрибуции и восприятия слова «цитата» в повседневной речи (дословная выдержка из текста) может привести к неоднозначному восприятию. Назвать цитату дословным воспроизведением текста-донора **без ссылки на источник** нельзя и потому, что данный прием в этом случае будет рассчитан на знание и актуализацию текста-донора в памяти адресата, что, в частности, для юридического дискурса не всегда возможно. Таким образом, реализация интертекстуальных связей будет в этом случае иметь совершенно иную природу, нежели чем при узком понимании цитаты, на которое мы опираемся в нашей работе.

2. Вне зависимости от степени точности воспроизведения текста-донора. Так, например, Б.С. Шварцкопф характеризует цитату как «более или менее точное воспроизведение в данном контексте отрезка текста, принадлежащего другому лицу» [Шварцкопф, 1970, с. 663]. В этом случае «степень ассимиляции

цитаты в новом контексте может быть различной» [Кузьмина, 2007, с. 96]. Однако если не принимать во внимание критерий дословности воспроизведения текста-донора в цитате, мы не сможем разграничить такие явления, как цитата и пересказ, цитата и парафраз, цитата и ложное цитирование и проч.

В контексте вышесказанного в данной работе мы опираемся на узкое определение цитаты, в рамках которого соблюдаются условия: 1) атрибуции (указания автора текста-источника) и 2) дословного воспроизведения текста-донора. В противном случае цитата теряет ряд своих функциональных возможностей, а именно:

– В случае недословного воспроизведения не может обеспечить однозначность и необходимую меру точности в передаче коммуникативного материала. Напомним, что в рамках юридического дискурса эти качества речи имеют принципиальное значение, что в некоторых случаях даже приводит к явлению вынужденной тавтологии.

– Если обратиться к аргументативной коммуникативной модели юридического дискурса, то указание текста-источника цитаты имеет важное значение в построении опоры логической аргументации. Если юрист не упомянет тот или иной закон, на который опирается в своей аргументации, то такая аргументация теряет часть убедительной силы.

В рамках юридического дискурса источник (= текст-донор, пре-текст) цитаты может анализироваться по следующим критериям.

А. Юридический / неюридический источник цитаты.

Частотным в рамках юридического дискурса является формирование цитаты на основе текста-донора, принадлежащего правовой сфере. В роли источника цитаты в этом случае могут выступать:

1. Законы и нормативно-правовые акты. В рамках юридического дискурса информация, заимствованная из законов и нормативно-правовых актов, воспринимается как аксиома. Поэтому цитата, опирающаяся на данный свод текстов, становится эффективным **средством убеждения**, выполняя следующие рассмотренные ниже функции.

Информативная функция, которая заключается в передаче информации из правового источника в процессе повествования: *Дело в том, что по старому советскому закону суд был в Уголовно-процессуальном кодексе впряжен в одну колесницу. Одни и те же задачи по закону ставились перед оперативниками, следователями, прокурорами и судьями. Там написано было, что задачами советского уголовного розыска являются: раскрытие преступлений, изобличение виновных. И эти задачи ставились в том числе и перед судом* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>].

Разъяснительная функция, которая заключается в разъяснении своей позиции посредством цитаты из правового источника: *В материалах отсутствует постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Землянского. В то время как судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем постановлении отметила: «По смыслу ст. ст. 232,345 УПК РСФСР, проведение предварительного следствия по материалам, выделенным из дела в отдельное производство в отношении иного лица по новому обвинению без возбуждения уголовного дела, является существенным нарушением уголовно процессуального законодательства»* [Свирин, 2011, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20334&start=0>].

Аргументативная функция. И в логической, и в психологической аргументации типична ситуация, когда цитата, опирающаяся на законодательство, неотделима от аргумента к авторитету. *Аргумент к авторитету* предполагает ссылку на «мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками» [Ивин, 2002, с. 115]. Несомненна роль авторитета и, соответственно, апелляции к нему едва ли не во всех текстах юридической сферы. В качестве довода к авторитету часто используется прием цитирования [Москвин, 2004, с. 33], что уже позволяет говорить о взаимодействии между этим психологическим аргументом и фигурами интертекста, а цитирование авторитетного источника повышает значимость слов оратора, который берет цитату на вооружение «в поддержку своей точки зрения» [Bazerman, 2004, с. 83–96]. Как мы упоминали, главный авторитет и ценностный ориентир в

юридическом дискурсе – сам закон: *Должны последовать предусмотренные законом санкции. В соответствии со ст.7 Гражданского кодекса России — это обязанность опубликовать опровержение и компенсировать опороченному человеку моральный вред.* [Резник, http://proknadzor.ru/analit/show_a.php].

В зависимости от того, чей авторитет использует оратор, в аргументации можно выделить формы аргумента к авторитету: *довод к общественному мнению, аргумент к аудитории, обращение к авторитету противника, апелляция к собственному авторитету и др.* [Москвин, 2004, с. 34]. А.А. Ивин, однако, рассматривает аргумент к аудитории не как форму обращения к авторитету, а как самостоятельный вид аргументации и определяет его как попытку «опереться на мнения, чувства и настроения слушателей, вместо того чтобы обосновать тезис объективными доводами» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 42]. Традиция использования аргументации к авторитету в юридическом дискурсе продолжается уже не одно десятилетие: *Наш уголовный закон, товарищи судьи, будучи выражением социалистического гуманизма, требует от вас учета всех смягчающих обстоятельств* [Дервиз, 2007, с. 350]. В этом отрывке речи авторитетом является закон, т.е. абстрактное понятие, которое при помощи олицетворения воспринимается аудиторией как нечто одушевленное. Формула воздействия представлена следующим образом: *аргумент к авторитету + олицетворение*. Оратор акцентирует внимание на данном аргументе, используя прием адресации, т.е. «указание в речи лица, к которому она обращена» [Ивакина, 2007, с. 136].

Анамнезис (апомнемонесис) – «цитирование авторитетного источника по памяти» [Хазагеров, 2009, с. 89] – всегда ставит оратора в сильную коммуникативную позицию. Если юрист использует в качестве пре-текста законы и нормативно-правовые акты, то при устном цитировании их по памяти он подчеркивает свою компетентность, свой высокий профессиональный уровень. Таким образом, цитата может выполнять функцию **повышения авторитета оратора перед аудиторией**: *«Мне вообще не нравится американская система назначения наказания. Потому что я видел на сайте вопрос: сколько Мейдофф получил бы в России. По*

памяти цитирую *Уголовный кодекс, за все, все он получил бы 15 лет*» [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text>].

2. Официальные документы и материалы судебного дела. К ним можно отнести судебные речи, протоколы допросов свидетелей, решения и приговоры суда и т.д. Материалы судебного дела, в том числе и решение суда, в рамках юридического дискурса не являются аксиомой, именно поэтому цитата, опирающаяся на данный свод текстов, нередко сопровождается авторской оценкой. Оценка может выражаться терминологической лексикой: *«В обвинительном заключении сухим канцелярским слогом написано: "Преступление совершено из корыстных побуждений". Я думаю, что это слишком примитивно. Даже если бы мы имели дело с отпетым человеком, которого прирожденная жестокость или преступная среда, отрицание всех нравственных начал превратили в одинокого волка, рыщущего среди людей в поисках поживы, то и для него убийство из корысти своих родителей, было бы из ряда вон выходящим злодейством* [Ария, 2010, с. 98].

В данном примере мы видим, что цитата, обрамленная оценочной лексикой (*сухим канцелярским слогом; слишком примитивно*) позволяет оратору выразить свое отношение к обвинительному заключению. Обвинительное заключение в данной ситуации выступает как оппонент оратора (адвоката); цитата из обвинительного заключения – как тезис оппонента. Комбинация «цитата + оценочная лексика» подготавливает аудиторию к **опровержению тезиса**, которое, в конечном счете, строится на экспрессивно-стилистических средствах языка: эпитеты (*отпетый*), развернутая метафора (*одинокий волк, рыщущий среди людей в поисках поживы*).

Для текстов юридического дискурса в процессе опровержения цитаты (тезиса) оппонента типично использование экспрессивно-стилистических средств языка, которые формируют **основу психологической аргументации**. Одним из самых частотных является аргумент к жалости, как правило, усиленный дескрипцией, ср.:

Доведение до самоубийства! Вдумайтесь в страшный смысл этого тяжкого обвинения, товарищи судьи! Что должно было скрываться за этой краткой, но достаточно выразительной юридической формулировкой? Какие отношения? Какие люди?

Горькая картина должна была бы развернуться перед вами, не картина смерти, так красноречиво здесь обрисованная обвинителем, а изображение предшествующих этой смерти страданий, унижений, боли, безысходности. Вы должны были бы здесь увидеть сильного, сурового, нет, не сурового, а жестокого, своевольного человека и мысленно представить себе его слабую, глубоко несчастную, мятущуюся жертву [Падва, <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html>].

Оратор намеренно рисует нам эмоциональную картину, страдания жертвы (а не преступника), потому что жертвой оказалась возлюбленная подозреваемого. Юрист взывает к человеческим качествам суда, заставляет их представить себя на месте «якобы преступника» и понять всю абсурдность обвинения. В структуре **опровержения тезиса, построения и усиления психологического аргумента** к жалости мы наблюдаем использование дескрипции, в частности нагнетание эпитетов (*страшный смысл, тяжкое обвинение, горькая картина*), риторических вопросительных конструкций, метафоры (*картина смерти*), фигур контраста (*краткая, но выразительная; сильного, сурового, жестокого – слабую, несчастную, мятущуюся*). Цитата выступает здесь как **заведомо неверный тезис**. Если выразиться образно, то цитата является «жертвой», которая дается на «растерзание» доводам оратора. Ее назначение - появиться перед аудиторией, чтобы эта самая аудитория впоследствии усомнилась в правдивости и правоте смысловой составляющей тезиса оппонента.

Отмеченные выше фигуры речи и тропы в комбинации с цитатой придают юридическому тексту **эмоциональность**, текст становится динамичным. Элементы логического обоснования (тезисы в форме «цитат», доводы оратора) тесно переплетаются с элокутивными средствами.

Пожалуйста, получите позитив: «Все действия подсудимых и неустановленных соучастников явным и недеусмысленным образом выражали рели-

гиозную ненависть и вражду, что выразилось в поведении, противоречащем общественным нормам поведения в православном храме. Действия подсудимых глубоко оскорбили и унизили чувства и религиозные ориентиры потерпевших» (с. 34). Суд творит откровенный произвол, попирает принцип правовой определенности. Получается, одни и те же действия можно квалифицировать и по Административному и по Уголовному кодексам. Безосновательно. Как вздумается следователю и судье или применительно к властному заказу. <...> И все же: как-то очень неконкретно о ненависти и вражде. У кого, к кому? Ответ дает следующий пассаж из приговора: «Суд приходит к убеждению, что действия Толоконниковой Н.А., Самуцевич Е.С., Алехиной М.В. и неустановленных лиц унижают и оскорбляют чувства значительной группы граждан в данном случае по признаку отношения к религии, возбуждают у них ненависть и вражду, тем самым нарушают конституционные основы государства». Перечитал несколько раз, подергал себя за ухо. Вон оно как! Сразу не догадался. <...> Когда слушал трансляцию в интернете, не поверил своим ушам. Когда читал, отказывался верить своим глазам. Считал, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Сказать, что суд грубо нарушил закон — значит ничего не сказать [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/comments/54157.html>].

Данный пример состоит из нагнетания комбинаций цитат и экспрессивно-стилистических средств: антифразис (*получите позитив*); эмоционально окрашенная лексика (*произвол, пассаж*); риторические вопросительные конструкции (*У кого? К кому?*); металепсис, гипербола (*подергал себя за ухо; значит ничего не сказать*); лексико-синтаксический параллелизм – гипозевксис (*Когда слушал трансляцию в интернете, не поверил своим ушам. Когда читал, отказывался верить своим глазам.*); риторические восклицания (*Вон оно как!*) и т.д. Если убрать из текста все экспрессивно-стилистические фигуры, исключить эмоциональную лексику, то в анализируемом фрагменте останутся только две цитаты из судебного решения. Поэтому мы можем говорить о неразделимом синтезе фигур интертекста (цитат) и экспрессивно-стилистических средств языка, без которого фраг-

мент текста лишился бы убедительной силы. Стоит отметить, что традиционно использование тропов и фигур ассоциируется с художественной речью, где они используются в целях эстетических. Вместе с тем, используя тропы и фигуры наряду с аргументами, оратор усиливает воздействие на слушателя, увеличивает убедительную силу своей речи, «находит еще один путь к сознанию» слушателя; оратор, который не просто говорит, а говорит эмоционально, с большим успехом «имеет право рассчитывать на успех, чем его незэмоциональный коллега» [Хазаргеров, Лобанов, 2004, с. 212]

Опираясь на материалы судебного дела, цитаты могут функционировать **в комбинации с другими цитатами**. Сопоставление нескольких приемов цитирования также может выполнять **функцию опровержения тезиса**: *Одно из основополагающих конституционных прав гражданина, закрепленное в части первой статьи 49 Конституции РФ, гласит, что вина гражданина в совершении преступления может быть установлена лишь приговором суда. Аналогичное положение содержит пункт 28 части 1 статьи 5 УПК, согласно которому решение о виновности подсудимого и назначение ему наказания (либо освобождение от такового) принимается только в приговоре. Несмотря на эти требования закона, суд, вынужденный в итоге все же принять решение о прекращении дела по этому эпизоду, вынес определение, в котором вопреки указанному закону признал Ходорковского виновным в совершении преступления. Таким образом, надругавшись над законностью, суд потрафил обвинению, приняв судебный акт (определение суда), признающий Ходорковского и Лебедева виновными в совершении мошеннических действий и по этому эпизоду* [Падва, <http://newsland.com/news/detail/id/771920>].

В функциональной оппозиции к юридическим источникам цитатного материала находятся неюридические источники. По характеру неюридического текста-донора можно выделить следующие разновидности цитат.

1. **Библейские цитаты**. Несмотря на то, что суд и вероисповедание в нашем государстве отделены друг от друга, на ментальном уровне обращение к Священному Писанию может выполнять **роль аргумента к традиции или к ав-**

торитету: *Процитированный текст носит вполне определенный характер. Он омерзителен. Первое право человека, закрепленное во всех международно-правовых актах, — это право на жизнь. Первая нравственная заповедь, объединяющая все мировые религии — «Не убий». В пяти фразах, составляющих цитату, восхваляется убийство, прославляется геноцид* [Резник, http://proknadzor.ru/analit/show_a.php].

2. **Художественные цитаты**, пре-текст которых основан на произведениях словесного творчества: *Он любил, и думаю, что это была не просто страсть, которую нужно утолить. Это была любовь, когда знаешь, что не просто спать, а дышать и жить дальше можно только рядом с этой женщиной и только для нее. В показаниях Раскина есть одна характерная фраза: "Мне все время хотелось быть там, где Тамара". Это очень точно сказано. Сравните эту фразу с фразой Бальзака, большого знатока человеческих душ: "Мы любим женщин за счастье жить рядом с ними". И вот он совершенно точно знал, что жить дальше сможет только для нее, что рядом с ней он будет счастлив, а вдали несчастлив. И так на всю жизнь* [Ария, 2010, с. 101]. Цитата О. Бальзака в данном случае выполняет задачу **усиления тезиса**, выступая в роли **психологического аргумента** к авторитету.

Нельзя не отметить наличие в некоторых цитатах, которые вплетают в ткань повествования отрывок художественного текста, **эстетической функции**.

3. **Публичные цитаты**, которые опираются на неюридические тексты политиков, культурных деятелей, лидеров общественного мнения и проч.: *По этому пути пошел в свое время губернатор Краснодарского края Александр Ткачев, когда закрывал двадцать два детских дома. Он собрал педагогов, которые не работают по специальности, и сказал: «Уважаемые дамы и господа, вас родина, государство учило. Вы готовые воспитатели и детские психологи. Пожалуйста, давайте, я буду вам платить как приемным родителям, а вы будете детей забирать»* [Астахов, <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf>]. *Президент Владимир Путин в свое время отметил: Павел Алексеевич, вас боятся региональные власти. Я бы так сказал: у нас сила достаточно мягкая, но*

справедливая, потому что никто не будет оспаривать, что мы действуем в лучших интересах ребенка [Там же]. В последнем случае мы также видим реализацию аргумента к авторитету.

Б. Горизонтальный/ вертикальный источник. Если визуально представить текст в виде горизонтальной линии с вектором слева направо, интертекстуальность может формироваться в конкретной точке текста, опираясь на «левую часть» данного текста – на уже использованные в тексте фразы, описанные ранее события и т.д. «Левая часть» текста будет являться горизонтальным источником цитаты. Если опора интертекстуальной связи приходится на другой текст, «внешний по отношению к воспринимаемому» [Москвин, 2011, с. 13], то такой источник будет называться вертикальным.

Обращение к горизонтальному источнику цитаты позволяет оратору **ставить акцент** на ключевом во фрагменте текста тезисе, лишней раз подчеркнуть важный в своей речи момент при автоцитировании: *Вы спрашиваете про международное право. Я уже несколько раз в эфире говорил «Не люблю я международное право». Не люблю, потому что это право без санкций, это первое. И второе, оно абсолютно лоскутно и противоречиво* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1271174-echo/#element-text>]. В данном примере обратим внимание функцию повтора начальной фразы цитаты («*Не люблю я...*»), и в следующем предложении: «*Не люблю, потому что...*»). Данный прием представляет собой **анафору** – «наиболее мажорную фигуру» [Хазагеров, 2002, с. 98], начальный «повтор слова или фразы» [Волков, 2003, с. 315], который служит в данном случае усилению эмоционального воздействия текста и выполняет акцентирующую функцию. Очевидно, что в данном эпизоде нет возможности разграничить риторический повтор (анафору) и фигуру интертекста (цитату) относительно друг друга, так как фигура интертекста является основной для построения риторического приема.

В аспекте горизонтального/вертикального источника интертекстуальности цитата может выступать опорой и для других фигур интертекста: *У меня есть такое выражение: эффект бритья. Когда ты утром бреешься, а девушка,*

женщина наводит макияж, ты вынужден смотреться в зеркало. И зеркало ты не можешь обмануть по поводу того, что ты вчера сделал, сказал, и как ты себя хорошо вел. Мне кажется, что для человека очень важно в мужском варианте по утрам бриться, глаза, не отводя от зеркала. Так вот я боюсь, что многим комментаторам, допускаю мысль, что после окончания второго процесса ЮКОСа, будет очень трудно бриться [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text>].

Мы видим, что оратор вводит автоцитату «эффект бритья» (она тут же приобретает и метафорическое значение). После этого он объясняет свою позицию, понимание этого выражения для самого себя. И в конце фразы отсылает нас к своему же горизонтальному предтексту – к метафоре «эффект бритья». Буквально выражение «многим будет трудно бриться» в данном контексте разворачивается в значение «многим будет стыдно за то, что они делают», выполняя **эвфемистическую** и **декоративную** функции на основе интертекстуальных связей. Функциональные возможности интертекста раскрываются здесь не только через цитату (*У меня есть такое выражение: эффект бритья*), но и через внутритекстовую аллюзию (*многим комментаторам, допускаю мысль, что после окончания второго процесса ЮКОСа, будет очень трудно бриться*). Цитата опирается на вертикальный, внешний по отношению к данному фрагменту текст-донор; аллюзия опирается на цитату, которая является в этом случае горизонтальным текстом-донором для формирования текстовой аллюзии. В стилистике для именованя аналогичных явлений применяется термин «аналепсис», который подразумевает «апелляцию к ранее описанным в тексте событиям» [Томашевский, 1983, с. 262], что с позиции интертекстуальности совпадает с опорой текстовой аллюзий на горизонтальный пре-текст.

В. Авторский / заимствованный источник.

Цитата в юридическом дискурсе нередко опирается не только на заимствованные по отношению к оратору тексты, но и на собственный текст. Цитирование самого себя, **автоцитата** помогает оратору выразить свою позицию, прокомментировать предмет или явление. Более того, выражение своей мысли в форме ци-

тирования придает больший вес слову, выглядит более объективно и убедительно, чем простое авторское высказывание: *Меня сильно звали в политику: я умею складно говорить, и голос у меня такой зычный. Но я все время говорю: адвокат, если ты профессионал, ты не можешь открыто политизироваться* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. Губернатор Самарской области Николай Меркушкин недавно докладывал: *местная компания «Тольятти-Азот» выплачивает по 120 тысяч рублей в год каждому, кто берет ребенка. Хорошая добавка. Это как раз подтверждение моих слов: общественная активность дала толчок к решению проблемы сиротства, в том числе и бизнесу. Ведь среди предпринимателей много ответственных людей* [Астахов, <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf>].

Г. Иностраный/русскоязычный источник.

Цитатам, которые опираются в рамках юридического дискурса на тексты родного языка, противопоставляются цитаты с источником на иностранном языке. Стоит отметить, что современные юристы достаточно часто цитируют иностранные источники не дословно, а вводят уже адаптированный для аудитории перевод: *Еще древним римским юристам было известно изречение, которое стало принципом уголовно-процессуального права: «Нет преступления, без указания на то в Законе. И нет наказания без указания на то в Законе». В каком же преступлении милицейское следствие (а уровень его проф. пригодности давно вызывает дискуссии) а следом за ним и прокуратура обвиняют находящихся на скамье подсудимых Астафьеву и Скрипкину* [Свирин, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20335&start=0>]. *Вот, я призываю людей думать. Вот, почему эта история на Украине происходит? Почему? Почему всё, начиная с 2004 года? Почему это происходит? Кому это выгодно? Древнеримские юристы – вы знаете – «Кому это выгодно?» Вот, анализируйте, кому это выгодно? Это украинцам то, что происходит, это выгодно?* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1271174-echo/#element-text>].

Во втором примере оратор употребляет перевод известного латинского выражения «Cui prodest? Cui bono?», авторство которого принадлежит античному юристу Кассиану Лонгину Равиллу. Этот юрист рекомендовал судьям в любом судебном деле искать, кому может быть выгодно данное преступление. Такой путь мышления должен привести к виновному. При помощи цитаты г-н М. Ю. Барщевский также предлагает аудитории включить подобную логику. Нельзя не отметить, что фразу «кому это выгодно» юрист повторяет несколько раз подряд, явно акцентируя на ней внимание слушателей. Все эти повторы связаны между собой интертекстуальными отношениями (с позиции горизонтального интертекста), тогда как каждый из этих повторов отсылает нас и к первоисточнику – латинскому выражению (с позиции вертикального интертекста). Цитата выполняет функцию акцентирования и функцию формирования интертекстуального смысла. При этом сам оратор подчеркивает свою эрудированность включением в текст цитаты иностранного источника. Отметим, что оратор не называет конкретного автора источника цитаты. Тем не менее, с нашей точки зрения подобные примеры можно отнести к числу цитат, так как сохраняется условие атрибуции (ссылка на источник: древнеримские юристы) соблюдается.

В рамках юридического дискурса можно наблюдать примеры адаптированной для русскоязычной аудитории цитаты, но с вкраплением в нее иностранных слов первоисточника (т. е. элементы макаронической речи). Слова и фразы, которые сохраняют иностранное звучание в русском контексте, в современных условиях глобализации становятся понятны для аудитории: *В итоге, они поняли и приняли нашу позицию. Сьюзен Джейкобс очень хорошо сказала: "О'кей, вы вправе сами отвечать за свои решения, а время проверит их верность". И мы договорились, что с этого момента никаких больше детских списков нет и не будет* [Официальный сайт П. Астахова, <http://www.rfdeti.ru/files/smi-7759-rg-12-08-2014.pdf>]. Английское «о'кей», понятное современному носителю русского языка, воспроизводит звучание иностранной речи, тем самым не в ущерб ясности, служит звуковой выразительности речи.

Д. Достоверный/сомнительный источник.

К случаям сомнительного источника цитаты в юридическом дискурсе можно отнести невозможность определить достоверность текста-источника цитации: *Если мне память не изменяет, то, по-моему, в законе о защите прав потребителей там есть по поводу самолетов. Задержка свыше 3 часов – 3% в час за каждый час* [Барщевский, Журавлева, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text>]. Оратор снимает с себя долю ответственности за достоверность цитаты словами «если я не ошибаюсь», «если не изменяет память». В случае, если ошибка нарочитая, то ответственность разделяется между автором слов и слушателем, который поверил, хотя его и предупредили о возможной неточности. Вышеуказанный пример цитаты легко проверить и отнести к случаям цитаты с достоверным источником. Пункт 5. ст. 28. Закона РФ «О защите прав потребителей» действительно предусматривает оплату неустойки в размере «3% за каждый час». Но не всегда сомнительные цитаты можно проверить по источнику, в частности, когда он не конкретизируется: *Очень была интересная у меня встреча с одним из руководителей Верховного суда США. Не буду его называть, чтобы не подставлять человека. Он просто давно хотел со мной встретиться и в этот мой приезд попросил встречу такую провести. Он мне говорил: "Да, я тоже очень озабочен, такая ситуация сложилась с детьми... Мы стараемся помогать, понимаем ваши проблемы... Вы имеете полное право и все основания решать проблемы своих сирот так, как считаете нужным..." А потом рассказал: "У меня девочка выросла в семье. Так вот, она вообще приехала в США без визы, без всего. Правда, не из России, а из Украины. Мы ее так и растили, даже удочерить ее не могли, - нелегалка. Но я ее вырастил, сейчас она уже взрослая, получила образование, американское гражданство, работает..." Представляете? Для него, одного из первых лиц в иерархии Верховного суда, - тоже нормально, что появился такой ребенок без документов...* [Официальный сайт П. Астахова, <http://www.rfdeti.ru/files/smi-7759-rg-12-08-2014.pdf>].

Оратор использует формулу (*Не буду его называть, чтобы не подставлять человека*), которая может формировать **аргумент к незнанию**. Аргумент к незна-

нию – «ссылка на неосведомленность оппонента в споре в вопросах, относящихся к предмету спора; упоминание таких фактов или положений, которых никто из споривших не знает и не в состоянии проверить» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 42] , на первый взгляд, недопустим в судебной сфере. Ведь «суд с участием обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, их представителей непосредственно исследует доказательства, собранные в стадии предварительного следствия и представленные суду участниками судебного разбирательства или собранные самим судом» [Баранов, Марфицин, <http://slovari.yandex.ru/dict/buppdic>]. Однако в рамках юридического дискурса, а не в зале суда, мы видим, что данный аргумент теоретически допустим. Так, в примере, приведенном выше, оратор заявляет, что не может назвать источник цитаты из морально-этических соображений. Тем самым, проверить истинность высказывания источника цитаты практически невозможно. Статус цитаты, которая опирается на сомнительный источник, остается спорным. Нельзя назвать цитатой в полной мере и те интертекстуальные феномены, которые являются цитированием по своей форме, но искажают текст-донор: *Это комментарий №1, чтобы было понятно, на чьей стороне мои симпатии. Комментарий №2. Дело все в том, что контекст в суде не учитывается, к сожалению. И эту фразу, вот, насколько я помню, она звучала приблизительно так: что статья Минкина, теракт и что-то еще (там третье было) – это все произрастает на одной почве. Значит, намек был, как я понимаю, на то, что это все звенья одной цепи. А объяснения, которые мог представить бы Грызлов и, наверное, представил их в суде, звучали бы таким образом* [Барщевский, Журавлева, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text>]. Мы снова видим элементы, которые могут в зависимости от интенции оратора обеспечивать нарочитое искажение источника цитирования: **страхующая связка** (насколько я помню; приблизительно); **неполное воспроизведение цитаты** (что-то еще, там третье было). Доказать, что это не забывчивость говорящего, а намеренное искажение цитаты, риторическая уловка, практически невозможно. Оратор и с позиции языка, и с позиции права остается «чист» перед аудиторией, он ведь преду-

предил ее в возможной неточности. Таким образом, окончание цитаты на полуслове, вынесение ее из контекста (контекстомия), дающего объективное мнение о смысле фрагмента источника, должно служить сигналом для аудитории обратить на эту цитату внимание: насколько она объективна? Не пытается ли оратор прибегнуть к запрещенному приему, исказить источник цитирования в свою пользу? *С этой целью для формирования у суда мнения следователь в повествовательной форме изложил рассказ (а по-другому я его назвать не могу) о том, “что в г. Кирове в 90-х годах были организованы преступные группировки, которые занимались массовой преступной деятельностью, вымогательством денег и имущества. Между группировками возникали конфликты” ну и т. д. Язык данного изложения был бы хорош для художественного романа, но никак не для обвинительного заключения, в котором должны содержаться факты и доказательства*

[Спирин,

<http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=15139&start=0>]. Понять, что скрывается за авторским «и т. д.» в первоисточнике (в обвинительном заключении), достаточно сложно. А ведь именно тексту-донору, оратор дает нелестную оценку «хорош для художественного романа», а не для «заключения».

Что касается объема цитирования в юридическом дискурсе, то наше исследование показало, что данная фигура интертекста может быть предельно сжатой, составляя всего одно-два слова: *Прервав беременность, живя в это время в доме матери и некоторое время не встречаясь с Вадимом, написав в техникум жалобу на "аморальное" поведение Каулина, работая и имея самостоятельный заработок, Алимова сама не пожелала порвать с человеком, о "непорядочности" которого она писала в жалобе* [Падва, <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html>]. О том, что перед нами цитата говорит соблюдение основных ее критериев (дословность, указание источника, тенденция к отсутствию вторичного смысла), несмотря на то, что такая форма для цитаты не является характерной. Более того, интерес представляет семантический перенос слов-цитат «аморальное», «непорядочности», от текста-источника, где они подразумевались в прямом значении, в текст-реципиент адвоката, где можно уловить тонкую иронию (жаловалась на не-

порядочность, но порвать с ним почему-то не желала) и придание цитатам уже контекстуального значения, обратного переносному. Адвокат как бы заставляет нас задуматься над искренностью приводимых слов-цитат, используя фигуру двусмысленной речи, «когда мы говорим противоположное тому, что думаем» – антифразис [Лами, 2002, с. 127]. Границы цитаты совпадают с границами антифразиса, выполняя оценочную функцию. В устных текстах маркировка таких цитат усиливается благодаря интонации, в письменных юридических текстах – за счет кавычек.

Проведенный нами анализ цитат в текстах юридического дискурса позволяют говорить о следующем. Наиболее частотны в юридическом дискурсе цитаты, опирающиеся на юридический источник. В этом случае цитация становится средством убеждения, помогает оратору разъяснять и аргументировать свою позицию через главный ценностный компонент юридического дискурса – законность. Закон олицетворяется и становится авторитетом, ссылка на который безоговорочно воспринимается в сфере юриспруденции. Юрист, который цитирует данный свод текстов, в частности, по памяти, находится в сильной речевой позиции. Цитирование «аксиом» правовой сферы подчеркивает компетентность оратора-юриста. Опираясь в цитации на материалы суда и официальные документы, оратор в большинстве случаев дает им оценку. Цитата в этом случае нередко играет роль тезиса оппонента (по отношению к оратору). Тезис оппонента опровергается как при помощи других фигур интертекста (логическая составляющая аргументации), так и при помощи комбинаций экспрессивно-стилистических средств и психологических аргументов (эмоциональная, психологическая составляющая аргументации).

Неюридические источники цитаты (Священное Писание, литература, публичные выступления) усиливают позиции тезиса оратора, украшают текст, выполняя эстетическую функцию.

Цитата в ряде случаев неотделима от конкретных риторических приемов (в случае с различными видами повторов, развернутыми метафорами, психологическими аргументами). Автоцитаты позволяют выразить авторское отношение к

предмету разговора или спора; акцентировать на том или ином фрагменте текста. Цитаты иностранных источников формируют интертекстуальный смысл, отсылая нас к тексту-донору, служат звуковой выразительности речи.

Таким образом, мы можем утверждать, что в рамках юридического дискурса цитаты полифункциональны. Они вступают в структурно-функциональную связь с экспрессивно-стилистическими средствами языка, что позволяет говорить о конвергенции интертекстуальных и элокутивных средств. Последние обрамляют и украшают цитату, увеличивают ее функциональную силу. Интертекстуальность в речи оратора-юриста переплетается с логикой текста, цитаты синтезируются с собственными доводами оратора и контраргументами стороны оппонента. Все это говорит о том, что цитата в юридическом дискурсе выступает в качестве инструмента убеждения и доказательства. При этом в изучении цитаты необходимо учитывать достоверность источника текста-донора. Статус цитаты, которая опирается на сомнительный источник или искажается в конечном тексте, остается спорным.

2.3. Аппликация: опыт функционального анализа фигуры

Аппликация как фигура интертекста представляет собой дословное воспроизведение текста-донора в тексте-реципиенте без указания автора: *Вот-вот, но так это же издевательство просто! Он бы и без всякой сделки получил бы меру наказания не выше той, которую ему дали. Есть закон, а есть правоприменение. Законы святы, но исполнители — лихие супостаты* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. Первоисточник: *Добров: Ах! Добрый господин, ей-ей! законы святы, / Но исполнители - лихие супостаты* (В. В. Капнист, «Ябеда»).

При изучении аппликации необходимо четко понимать ее отличие от «родственной» фигуры интертекста – цитаты, которая трактуется как фигура интертекста, представляющая собой «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Москвин, 2011, с. 78]. Отсутствие указания

на источник или на автора – главный критерий, по которому различаются эти две фигуры интертекста. Другие критерии аппликации (дословность, текстовая природа первоисточника, объем фигуры интертекста) остаются аналогичными цитате. Стоит отметить, что по этой причине функциональные возможности двух фигур интертекста в рамках юридического дискурса во многом совпадают. Однако нельзя ставить между цитатой и аппликацией знак тождества, так как отсутствие указания ссылки на источник в случае с аппликацией рассчитано на то, что аудитория самостоятельно вспомнит текст-донор, интертекст здесь рассчитан на компетентного адресата и позволяет умолчать о том, о чем оратор не говорит из эвфемистических соображений. В примере выше отрицательные коннотации аппликация передает через связь с первоисточником, формально не называя его (комедия В. В. Капниста «Ябеда» была направлена против произвола чиновников и даже запрещена императором Павлом I). Фраза про «исполнителей» цитируется как «иронический комментарий несовершенства самих законов, так и тех, кто обязан их исполнять или следить за их исполнением» [Серов, 2005, с. 266].

Как показал анализ текстов современного юридического дискурса, аппликация не является столь частотным приемом, как цитата, однако находит применение в текстах современных представителей правовой сферы. Нередко примеры аппликации восходят к Священному писанию: *Дело Гусинского — абсолютно придуманное дело. Его нельзя было ни на секунду задерживать, потому что он действительно был орденоносец, а к этому времени вышла амнистия. Тут и искать ничего не надо было. Я могу вам сказать: «во многом знании — многие печали»* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. Первоисточник: ***Во многом знании — многие печали.*** *И умножая познания, мы умножаем скорбь* (Экклезиаст, сын Давида, царя в Иерусалиме, Ветхий Завет). Автор употребляет речевую формулу, которая характерна для автоцитаты: «Я могу вам сказать», тем самым принимая позицию, выраженную в библейском изречении. Компетентный слушатель, способный распознать источник аппликации, воспринимает дополнительный смысл, заложенный автором в фигуре интертекста. Тот же адресат, который не распознает интертекстуальной связи, просто примет аппликацию за авто-

цитату. В этом случае функциональная основа интертекста теряет часть своей силы.

Библейские аппликации имеют, как показал анализ юридических текстов, широкое распространение в рассматриваемом дискурсе. Наблюдается тенденция использования библейских аппликаций в декоративной, художественной функции. Фрагменты текста-донора становятся крылатыми выражениями, связь с текстом-донором теряется, что не исключает, однако, вторичного смысла – дублирование таких элементов можно сравнить с фразеологическими единицами: *Ну, я уже сказал, что **имеющий уши да услышит*** [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/832195-echo/#element-text>]; *Кстати, уж коли об этом зашла речь, хочу еще раз напомнить радиослушателям, потому что **нет пророка в своем отечестве**, но своих героев помнить надо, что тогда из Норд-Оста кто выводил живых людей до начала исторической операции, – Рошаль, Кобзон...* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/840800-echo/#element-text>]. Последний пример позволяет проследить переход модификации текста первоисточника и появление на его основе крылатого выражения. В оригинале фраза звучит следующим образом: *Иисус же - сказал им: **не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем*** (Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 57). Впоследствии она модифицируется, не меняя, впрочем, своего смысла, и закрепляется в литературном дискурсе: *<...> вдруг страстно полюбил непонятную Любовь Сергеевну, и только допускал, что в его тетке есть тоже хорошие качества. Видно, справедливо изречение: **«Нет пророка в отечестве своем»*** (Л. Толстой. Юность). Укрепившись в данном виде это изречение можно наблюдать в периодике: *Проводятся ли выставки его работ, выпускаются ли, как за рубежом, красочные альбомы, буклеты? В ответ лишь остается привести грустное изречение: **«Нет пророка в своем отечестве»**. Существовавшее до недавнего времени враждебное отношение к эмиграции не способствовало объективной оценке того, что уже давно по достоинству оценено на Западе* («Литературная газета», № 37 от 13.09.89). Венцом интертекстуального перехода первоисточника через модификацию в статус крылатого выра-

жения: *Предполагается, что все истинно мудрое, правильное и т. п. может родиться не здесь, а где-то в прекрасном далеке.* [Серов, 2005, с. 515–516]. Это говорит о том, что интертекст, в частности фигура аппликации, может служить источником формирования крылатых выражений и фразеологических единиц. Однако вернемся к примеру из юридического дискурса. Является ли интертекстуальный фрагмент (нет пророка в своем отечестве) аппликацией? Из-за модификации (изменение порядка слов, замена части слов из текста-донора синонимами) нарушается критерий дословности по отношению к первоисточнику из Евангелия, что не позволяет нам говорить об аппликации в этом случае. Вместе с тем аппликация соблюдает все критерии этой фигуры интертекста по отношению к модифицированному фрагменту, который мы видим, например, в произведении Л. Толстова. Таким образом, диахронический процесс формирования крылатого выражения может искажать интертекстуальную связь между текстом-источником и текстом-донором в аспекте формы выражения, но сохраняет ассоциативную связь с текстом-донором, а также смысл, идею текста-донора в конечном тексте. Ведь именно через смысл, который мы читаем из Евангелия, раскрывается смысл крылатого выражения в у Л. Толстова; этот же смысл мы расшифровываем в примере из текста юридического дискурса и видим в энциклопедическом словаре. Статус подобных аппликаций остается спорным и требует отдельного внимания в каждом конкретном случае: *«Нет, ну вот чиновник Барщевский. У нас в гостях чиновник Барщевский» – «Конечно. В сегодняшнем лексиконе это явный негатив» – «И как вы несете этот крест?» – «Спокойно. Хулу и похвалу»* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/809017-echo/#element-text>]. Первоисточник: *«Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца»* (А. С. Пушкин «Памятник») => искажение, приобретающее массовый характер и формирующееся в крылатое выражение: *«Хулу и похвалу приемли равнодушно...»* (заголовок статьи в Литературной газете, № 5 (6105) 7 – 13 февраля 2007 г.).

Аппликация может выполнять **оценочную функцию**, если адресат распознает источник и сумеет сопоставить контекстуальный и интертекстуальный смыслы: *Его вызывают в суд, он дает показания, и вроде как исследуются его до-*

казательства. Но *«оставь надежду всяк сюда входящий»*. Какие бы доказательства ни приводила сторона защиты в оправдание подсудимого, это во внимание не принимается. Это опять наследие советских времен, когда по выделенному делу осуждали [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. Кроме оценочной функции в примере выше мы также видим **эвфемистическую** функцию. Юристу удастся дать отрицательную характеристику в отношении суда, но характеристика эта не явная, завуалированная интертекстуальной связью с «донором». Тем самым сохраняется дискурсивное требование уважения к суду.

Так же «тактично», косвенно могут работать аппликации из литературных источников. Автор как бы перекладывает оценочную функцию на текст-донор, показывает типичность ситуации. Аппликация выполняет одновременно **и оценочную, и эвфемистическую, и декоративную функции**: *Почему себя судьи так ведут по политическим делам? А как? Судьи, между прочим, не монстры. Судья понимает, что его нагнули. Он не как тот чеченский судья. Он понимает. «Был Галилея не глупее, он знал, что вертится Земля, но у него была семья». Они знают, что за приговоры они выносят. Вы понимаете, что творится в душе у судьи, когда он понимает, что он творит неправосудие?!* [Там же]. Первоисточник: *Ученый, сверстник Галилея, / Был Галилея не глупее. / Он знал, что вертится земля, / Но у него была семья* (Е. А. Евтушенко «Карьера»). Здесь в очередной раз проявляется главное функциональное отличие цитаты от аппликации. Аппликация, в большей степени, чем цитата, требует от нас знания текста-донора. Все, что необходимо для аргументации и обоснования своей позиции, цитата «забирает» с собой из текста-донора в текст-реципиент. В случае с аппликацией мы должны сами обратить свою память к тексту-донору, чтобы до конца оценить смысловую подачу оратора.

Так, стихотворение о двух политических «зеках», один из которых якобы «копал» под родину, заставляет нас провести параллели между делом, которое комментирует юрист, и политическими делами времен репрессий в СССР. Стоит добавить, что А. Галич это стихотворение посвятил Варламу Шаламову, который тоже направлялся в лагеря как политзаключенный. Таким образом, всего под од-

ной фразой, аппликацией из текста-донора скрывается дополнительный смысл, межтекстовые ассоциации, которые реализуются только при знании источника. Аппликация позволяет сказать то, о чем оратор вслух не хочется говорить: *Задача же изначально была поставлена другая — вместо реально существующей административки создать уголовку. Песня уж больно дерзкая <...> А в Административном кодексе наказание всего-то штраф в 10 минимальных размеров оплаты труда, или 15 суток ареста. Не годится. Требуется посадка — не на сутки, на годы.* **«Чтобы знали все, что закаяно...»** [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/comments/54157.html>]. Первоисточник: И жену его, и сына его, / И старуху-мать, чтоб молчала, блядь! / **Чтобы знали все, что закаяно** / Нашу родину сподниза копать! (А. Галич «Все не вовремя»).

Аппликация в рамках юридического дискурса – превосходное средство для умелого оратора разбить позиции оппонента, синтезировать интертекст и сатиру, буквально въедаясь в слабые места речи противника: *В моих обращениях шла речь о том, что вина П.К. Малышкина в инкриминированных ему преступления вообще не доказана (единственное, что «подтверждает» его вину – это опознания по «выражению лица» и по «месту расположения губ», которые у него, как и у всех других людей находятся между носом и подбородком)* [Костанов, 2007, с. 191]. В процессе диалога аппликация также является инструментом для опровержения тезиса оппонента. Обычно из текста собеседника «вырывается» фрагмент и помещается в собственный контекст, представляя собой фигуру аппликации: *Когда речь идет о признании нарушения чьих-то прав, то мы говорим не только о денежной компенсации. Мы же говорим о том, что как-то механизм надо отыграть назад, да? **Надо перестать нарушать права*** – *«Нет, **перестать нарушать права**» - это общая фраза <...>* [Барщевский, Воробьева, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/705284-echo/#element-text>]. Отметим, что в письменных текстах юридического дискурса участник диалога имеет инструмент маркировки аппликации в виде графического обозначения интертекстуальности (кавычки, выделение жирным шрифтом и т. д.), что позволяет увидеть следы

«другого текста», но не сближает аппликацию с цитатой, так как сам источник не называется.

Аппликация, как и цитата, вырванная из контекста, имеет потенциал для формирования запрещенного в честном риторическом поединке приема: *Да, я очень бы хотел, чтобы у него получилось. Тем обиднее мне, когда он говорит глупости. Потому что... Понимаете, что значит предложение «ограничить голоса правящей партии»? Это означает: «Вы там, население, выбирайте, как хотите, но мы примем закон, по которому ваш выбор – это для нас информация»* [Барщевский, Воробьева, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/806968-echo/#element-text>]. Жирным шрифтом мы выделили аппликацию, которая отсылает нас к тексту-донору – словам одного из участников диалога. Вслед за аппликацией оратор использует психологический аргумент к вере, достаточно своевольно интерпретируя текст-донор в соответствии с той коммуникативной линией поведения, которая выгодна оратору. Психологический аргумент здесь строится только за счет формулы «*текст-донор*» → означает, что → собственная *интерпретация*. Никаких логических средств убеждения в данном отрывке мы не наблюдаем. Вырванные из контекста фигуры интертекста позволяют манипулировать сознанием и убеждениями адресата, так как в таких риторических инструментах «может не быть правды, но всегда есть правдоподобие» [Клушина, 2010].

Как и в случае с цитатой мы наблюдаем аппликации, восходящие к античным текстам: *Значит, Сократ мне друг, но истина дороже. Значит, я хорошо отношусь к Рашиду Гумаровичу, не скрываю этого и буду к нему хорошо относиться, даже если он перестанет быть министром – то есть я не по должности к нему отношусь хорошо, а по-человечески. Но в данном случае **истина дороже**. Вот эта инициатива Рашида Гумаровича не была реализована.* [Барщевский, Воробьева, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/705284-echo/#element-text>]. Аппликация в данном примере выполняет **декоративную и пояснительную функции**, а также служит основой для риторической фигуры расположения «параллелизм», реализуемой через горизонтальный интертекст: *Сократ мне друг, но истина дороже = Я хорошо отношусь к Рашиду Гумаровичу, но истина дороже.*

Близка к понятию аппликации такая разновидность интертекста, как плагиат. Схема формирования двух этих явлений однородна, но главное отличие – в интенции адресата. Если оратор хочет выдать текст-донор за свой оригинальный текст, пытается замаскировать чужие мысли под свои, то речь идет о плагиате. Если же адресат использует аппликацию в риторических целях, то речь идет об аппликации. Плагиат расценивается как «подлинное посягательство на литературную собственность, как своего рода мошенничество, ибо оно не только ставит под сомнение честность плагиатора, но и нарушает правила нормальной циркуляции текстов» [Пьеге-Гро, 2008, с. 89].

Подводя итог, отметим, что аппликация в текстах юридического дискурса имеет формальные признаки цитаты, отличаясь от последней только отсутствием ссылки на источник. Отсутствие ссылки на текст-донор рассчитано на прецедентную компетентность адресанта. Такой подход делает аппликацию **инструментом для реализации коммуникативных задач эвфемистического характера**. Наиболее широко представлены в юридических текстах аппликации, опирающиеся на **библейские, литературные и античные** тексты. Основные функции данных фигур интертекста в этих случаях: **декоративная, оценочная, эвфемистическая, пояснительная**. Аппликация является также инструментом спора в юридическом дискурсе (**аргументативная** функция), при этом формируя как логические, так и психологические аргументы. В аспекте диахронии аппликация служит источником формирования крылатых выражений и фразеологических единиц.

2.4 Аллюзия: игра интертекстуальных и контекстуальных смыслов

Аллюзия «представляет собой свернутую, часто однословную выдержку из пре-текста, используемую без ссылки на автора» [Москвин, 2011, с. 111]. Такая аллюзия трактуется как «способ одновременной активизации двух текстов» [Ben-Porat, 1976, с. 107), «вид интертекстуальности» [Pasco, 2002, с. 5]. В зависимости от текста-источника текстовые аллюзии делятся на мифологические, литературные, библейские и др. Приведем пример аллюзии, которая опирается на фразу из

известного кинофильма: *Если бы дело ЮКОСа было единственный повод, чтобы было обидно за державу, наверное, я был бы очень счастливый человек* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text>]. Первоисточник восходит к словам Верещагина из кинофильма «Белое солнце пустыни»: *Я мзду не беру. Мне за державу обидно!* [Кожевников, 2004, с. 358].

Сложность структуры и формирования текстовой аллюзии приводит к тому, что научная литература дает нам многообразие трактовок аллюзии, акцентирующих свое внимание на различных ее качествах. Так, под аллюзией подразумевается заимствование «определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация» [Фатеева, 2006, с. 125]; фигура интертекста, которая «не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию» [Гальперин, 1981, с. 110]. В результате мы приходим к тому, что аллюзию и «другие виды подразумевания» [Арнольд, 1990, с. 103–104] разграничить достаточно сложно, а в ряде случаев под аллюзией понимают практически любой интертекстуально обогащенный фрагмент текста-реципиента: «текст-получатель можно назвать аллюзией, текстом-реципиентом, гипертекстом» [Баранов, 2009, с. 181]. Между тем с последней позицией столь широкого понимания аллюзии мы не можем согласиться, в частности:

– под гипертекстом, в первую очередь, понимается, совокупность текстов, объединенных интертекстуальной связью (Ш. Гривель, В. П. Москвин, Т. Нельсон), в то время как аллюзия – фигура интертекста, результат взаимодействия двух текстов, которая распознается как фрагмент текста-реципиента.

– под текстом-реципиентом понимается текст, который содержит в себе след (неизмененный, как в случае цитаты и аппликации, или трансформированный, как в случае аллюзии) текста-донора. Аллюзия – фигура интертекста, проявление феномена интертекстуальности, т.е. след текста-донора в тексте-реципиенте. Поэтому ставить знак тождества между аллюзией и текстом-реципиентом нельзя.

На наш взгляд, различение аллюзии и других фигур интертекста необходимо и сводится к следующим критериям, которые видятся нам как наиболее важные:

- **Объем:** текстовая аллюзия, скорее, сводится к одному-двум словам или короткой фразе, тогда как аппликация и цитата, как правило, имеют более высокий уровень распространенности.

- **Точность воспроизведения текстового источника:** текстовая аллюзия модифицируется в риторических целях (наблюдаются смена порядка слов, грамматических характеристик), в то время, как аппликация и цитата остается дословным воспроизведением чужой речи.

— отметим также, что **формирование вторичного смысла** за счет интертекстуального взаимодействия с текстом-источником, более характерно для аллюзии, нежели для аппликации. Аллюзия дает «возможность не только претекстуального, но и контекстуального, т. е. прямого, поверхностного осмысления» [Москвин, 2011, с. 112]. Такое понимание аллюзии, в первую очередь, проводит границу «от традиционной максимально широкой трактовки аллюзии как упоминания чего-либо и от более узкого понимания аллюзии как косвенной отсылки [Lennon, 2004, с. 298]. В узком понимании текстовая аллюзия, как правило, формирует два смысла.

1. Горизонтальный смысл, связанный с «поверхностным контекстом» [Schaar, 1978, с. 382] текста-реципиента. Вкрапленная в ткань повествования аллюзия отражается и в его смысле. Для понимания представим, что именно этот смысл, прямой, контекстный и воспринимается тем читателем, который не знаком с текстом-донором. В некоторых случаях данное явление трактуется как «референтная ситуация, выраженная в поверхностной структуре текста» [Христенко, 1992, с. 39–43].

2. Вертикальный, дополнительный – это тот смысл, который приходит к данному текст из текста-донора благодаря тому, что компетентный адресат распознает аллюзию и может прочитать текст на уровне подтекста. Это качество аллюзии также трактуется как «подразумеваемая ситуация, содержащаяся в совокуп-

ности общих фоновых знаний адресанта и адресата» [Христенко, 1992, с. 39–43], что приводит к возникновению понятия «аллюзивной компетенции» [Hebel, 1991: 143].

Понятие аллюзии остается спорным и размытым не только из-за аналогий с другими фигурами интертекста и нечетким разделением этих понятий в научной литературе, но из-за неразграничения текстовой и нетекстовой аллюзии (эпитропа). Нетекстовые аллюзии – достаточно распространенное явление в рамках юридического дискурса. Следует разграничивать текстовую аллюзию, опирающуюся на конкретизированный текст-источник, и нетекстовую аллюзию, которая в рамках юридического дискурса получает опору на:

1. Знание стереотипов и реалий массового сознания: *Потому что помните, парочку лет назад запретили иностранцам с ближнего зарубежья торговать на рынке. Я живу в одном из подмосковных городочков, не по Рублевскому шоссе на всякий случай для доброжелателей сообщаю. И не по Новой Риге. Обычная деревенька. Поселок дачный.* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text>]. Ключ к пониманию: на Рублевском шоссе живут самые обеспеченные и влиятельные люди.

2. Знание общественно-политической ситуации: *Никогда ни с кем никогда не пересекался. И я даже у него спросил: ну как вы себя ощущаете белой вороной. Он так удивился: почему белой вороной. – Потому что вы москвич, никакого отношения к Питеру не имеете. Дослужились до генерал-полковника, директора Федеральной службы. Он как-то тоже растерялся, говорит: как-то так получилось, - сказал он с извинением в голосе* [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/628137-echo/#element-text>]. Ключ к пониманию: в последнее десятилетие в России ключевые посты занимают члены, так называемой питерской команды, из родного города первых лиц государства В.В. Путина, Д.А. Медведева и др. *«Разгоняет это, вот, мероприятие человек со значком «Единой России». То есть он разгоняет его, получается, от имени «Единой России». Получается, да? Вот. То есть получается такая хорошая, медве-*

жся, извините за, так сказать, невольные аллюзии, медвежья услуга» [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/705284-echo/#element-text>]. Ключ к пониманию: изображение медведя на эмблеме партии «Единая Россия».

3. Знание национально-культурной ситуации: *Ближайшему полицейскому сообщаете: вот, я видел детей, которые побираются или попрошаек с детьми. Конечно, есть принадлежность к определенным национальным группам, у которых в крови эта романтика бродяжничества, кочевой образ жизни. Но в основном-то это не так – речь идет об использовании детей, их эксплуатации. А это запрещено* [Астахов, <http://www.interfax-russia.ru/exclusives.asp?id=455136>]. Ключ к пониманию: намек на цыганский этнос.

4. Знание исторических фактов: *А с другой стороны, право нации на самоопределение. Это как это? Как это может быть? Ты за белых или за красных, да?* [Барщевский, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1271174-echo/#element-text>]. Ключ к пониманию: события гражданской войны.

5. Знание юридических реалий и процессов: *Теперь пытаются досматривать адвокатские досье, изымать из них все бумаги, все документы, которые имеются у адвоката. Известный случай с адвокатом Артюховой – это вопиющее нарушение всех конституционных и международных норм. Все это делается при попустительстве Минюста, прокуратуры и Верховного Суда* [Костанов, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=380&idnew=13755&start=0>]. Ключ к пониманию: досмотр адвоката М. Ходорковского после встречи со своим подзащитным в СИЗО.

Эпитроп встречается в юридическом дискурсе достаточно часто. По форме, функциям и схеме активизации он дублирует текстовую аллюзию: есть принимающий текст, есть донор (но не текст, а событие), есть взаимосвязь между донором и основным текстом, смысл и подтекст которого раскрывается через знание источника. Однако фигурой интертекста будет являться только текстовая аллюзия, потому что интертекстуальная связь возможна между текстом и текстом, но не между текстом и событием. В случае эпитропа невозможно: определить степень модифицированности аллюзии по отношению к донору; определить границы ал-

люзии в основном тексте; в спорном случае нельзя дать лингвистической или морально-этической оценки, так как текст-донор реализуется в конкретном лингвистическом выражении, а донор-факт, донор-знание может трактоваться неоднозначно. Так, мы предполагаем, что в выражении «*в крови эта романтика бродяжничества, кочевой образ жизни*» речь идет о цыганах. Однако доказать это, обратившись к тексту-донору, не можем. Если такое доказательство и возможно, то оно будет выходить за пределы лингвистической науки.

Но даже в случаях текстовой аллюзии могут возникать трудности с поиском текста-источника. Обратимся к следующему примеру:

*По довольно значительной категории дел должны выноситься оправдательные приговоры не по той причине, что суд убежден в невиновности подсудимого, а потому что суд убежден в недоказанности его вины. Изначальная обвинительная установка суда приводит к тому, что **наш суд не ведает сомнений**. Когда работает презумпция невиновности? Когда недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности. Вот почему у нас сейчас в Конституции презумпция невиновности, сомнения в обстоятельствах дела должны оцениваться в пользу обвиняемого* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>].

Основной маркер интертекстуальности здесь – выделяющаяся стилистически, устаревшая форма глагола «не ведают». Первая интертекстуальная ассоциация возникает с библейским выражением, в Евангелии от Луки (гл. 23, ст. 34) приводятся слова распятого Иисуса о своих мучителях: «Отче! отпусти им, **не ведают, что творят...**». Если обратиться к другим возможным текстам-донорам, то мы находим выражение древнекитайского философа Конфуция: «Ужасен человек, **не ведающий сомнений**». Этот текст менее известен, чем строки из Евангелия, однако ближе по своей форме к реципиенту. Но и на этом варианты текста-донора не заканчиваются. У французского писателя и философа Шарля Монтескье мы находим следующие строки: «Во времена невежества люди **не ведают сомнений**, даже когда творят величайшее зло».

Все три возможных текста-источника потенциально активизируют двойной смысл аллюзии, добавляя контексту интертекстуальный подтекст: такой суд можно только простить; такой суд ужасен; такой суд творит зло и есть во времена невежества. Мы не исключаем вероятности, что эрудированный человек может знать все эти опорные тексты, тогда **аллюзия является амбивалентной**, имеет несколько доноров, сходных между собой в смысловом отношении. Однако утверждать что-либо без комментария оратора невозможно в рамках нерадикального понимания интертекстуальности.

Еще одним интересным проявлением аллюзии видятся те случаи, когда аллюзия опирается не на фрагмент текста, а на заголовок литературного произведения. *Да и какой из меня писатель? Я однажды написал рассказик в духе чеховского «Ваньки Жукова», отдал моему другу Володе Гельману, он прочитал и говорит: «Ну что тебе сказать? Чехов писал лучше»* [Выжутович, <http://www.rg.ru/2011/11/18/padva.html>]. Имитативное расположение заимствованного фрагмента текста, проявление интертекстуального смысла через обращение к внешнему тексту позволяет нам говорить об особенной форме текстовой аллюзии, когда каждый «лексический элемент – это верхушка айсберга, вся семантическая система которого сжата в одном слове» [Riffaterre, 1980, с. 627]. Чтобы понять сказанное оратором, необходимо обратиться через форму выражения аллюзии в конечном тексте-реципиенте (заголовок текста-донора) к тексту-донору, пусть это и есть целое художественное произведение. В некоторой степени мы видим в этой аллюзии и модификацию: А.П. Чехов «Ванька» => чеховский «Ванька Жуков». Нельзя не отметить **компрессивную функцию** подобных текстовых аллюзий. В примере с аллюзией оратору достаточно только упомянуть название текста, чтобы аудитория смогла декодировать интертекстуальный смысл и раскрыть идею адресанта в полной мере: *«Ну я откровенно могу сказать: в НТВ немножко увлеклись, «Крошку Цахеса» помните, да?»* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>].

В рамках юридического дискурса текстом-донором, к которому отсылает нас текстовая аллюзия, может быть не только произведение литературы, но и

юридический документ, закон, который имеет распространенный заголовок: *Общество стало другим, государство стало другим. Россияне стали больше рожать, меньше бросать, соцслужбы стали меньше отбирать детей и больше устраивать в семьи. Понятно, что сработали и меры, принятые президентом. В частности, указ номер 1688. Он революционный, потому что это первый серьезный указ, направленный на поддержку приемных семей, детей-сирот. Это скорее не мера массовой материальной поддержки, это мера больше системного характера и политической воли, которая показала: мы поставили задачу и будем ее решать* [Астахов, <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf>]. Первоисточник: *Указ Президента Российской Федерации от 23 декабря 2012 года № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.* Благодаря текстовой аллюзии «агенту» юридического дискурса нет необходимости доводить **до компетентной аудитории** содержание целого указа, более того – нет необходимости в контексте разговора даже озвучивать полное его название.

В контексте разговора о компрессивной функции фигур интертекста, мы предлагаем различать три явления, которые в коммуникативной практике взаимопроникают друг друга, получая реализацию посредством фигур интертекста, но не тождественны в аспекте функциональности:

1. Оптимизация *выбора коммуникативных инструментов* дискурса, когда из ряда коммуникативных инструментов проводится «адекватный (с учетом особенностей дискурсивной ситуации) выбор средств, обеспечивающих достижение поставленной цели «кратчайшим путем» [Куликова, 2011, с. 2]. Подразумевается, что эффективность коммуникативного процесса обеспечивается в таком случае привлечением лингвистических средств, обеспечивающих «максимально быстрое и эффективное достижение результата (понимание, воздействие) при минимальных затратах когнитивных усилий реципиентом» [Там же, с. 3].

2. Оптимизация *языковой структуры* текста – сокращение текстового объема, например, при использовании текстовой аллюзии или фигуры интертекста-пересказа, что способствует **краткости речи**. Благодаря отсутствию нагроможде-

ний юридических терминов, сложных для восприятия цитат законов текст выглядит более структурированным, воспринимается легче: **закон Димы Яковлева** (*Федеральный Закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»*), **акт Магнитского** (*Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012*) и др.

3. Оптимизация смысловой структуры текста, когда агент дискурса «адаптирует» текст для клиента дискурса, т. е. происходит вторичная категоризация объективной действительности [Ионова, 2006, с. 69–76], что способствует **ясности речи**.

Отдельно мы выделяем текстовые аллюзии, которые появляются в рамках горизонтального контекста. В этом случае можно выделить фрагмент горизонтального предтекста, где закладывается основа для последующей текстовой аллюзии: *В номере одиннадцатом журнала «Наш современник» за 1990 г. опубликована критическая статья заместителя главного редактора Александра Казинцева «Я борюсь с пустотой»* [Резник, http://proknadzor.ru/analit/show_a.php]. Далее по тексту мы видим реализацию текстовой аллюзии, где фигура интертекста опирается на «левую» часть текста: *Автор начинает свою борьбу с приведения довольно обширной выдержки из книги Германа Брановера «Возвращение»* [Там же]. В данном примере аллюзия:

1. Совпадает с границей создаваемой на базе интертекста метафоры, выполняющей **декоративную функцию**.

2. Имея в структуре фрагмента-источника и фрагмента-реципиента одинаковую лексику (борьба, пустота), аллюзия становится инструментом локальной связности (когезии). Факт аллюзии в данном случае доказывается наличием дополнительной функции (создание иронического эффекта) и появления вторичного смысла (название статьи получает буквальный смысл в принимающем фрагменте).

Не следует уходить в сторону радикального интертекста, настаивая на аналогии *между* «**борьбы** автора с пустотой» и «сражением с ветряными мельница-

ми» у Сервантеса. Но нельзя отметить, что ораторский перенос слова «борьба» от смысла, содержащегося в тексте-доноре (= *стремиться уничтожить, искоренить; о чувствах, стремлениях: вступать в противоречие, в столкновение* [Ожегов, Шведова, 2007, с. 57]), в буквальный смысл «начал борьбу» (классическая борьба, основанная на действиях рук и туловища [Там же]) придает горизонтальной аллюзии коннотацию высмеивания автора текста-донора. Подобная буквализация чаще всего служит украшению речи, желанию расположить публику к себе со стороны оратора. Так, например, обыгрывается название передачи «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы», где известный юрист М. Барщевский дает правовую оценку тем или иным событиям: *Уж коли вам так интересно знать мое особое мнение по такому животрепещущему вопросу, первое, с моей точки зрения в рамках моих знаний ГПК судья Тверского судья поступила совершенно правильно.* [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/628137-echo/#element-text>]. Принцип игры с подменой переносного смысла на буквальный или наоборот в рамках горизонтального является источником формирования развернутых метафор: *Своим студентам я говорил, что каждый человек должен заниматься сельхозработами – сеять разумное, доброе, вечное. И сейчас, уверен, ростки когда-нибудь обязательно взойдут!* [Костанов, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=380&idnew=13755&start=0>]. Первоисточник: *Сейте разумное, доброе, вечное* (Н. Некрасов «Сеятелям»), – позволяет формировать автору собственные тропы, оставаясь в плоскости метафорического поля, заданного первоисточником (сейте, заниматься сельхозработами, ростки взойдут). *И были известны вам такие прекрасные произведения, показанные по телевидению, где, как, вот, многие говорят, вроде все правда, но как-то ощущение гадкое. У Юрия Михайловича тоже сложилось гадкое ощущение и он подал сразу прямо, вот, серию, что называется, против всех. Подал сразу серию исков* [Барщевский, Журавлева, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text>]. В рамках одного фрагмента текста оратор играет на употреблении различных смыслов одного и того же слова «серия», употребляя его и в значении «часть сериала» и в

значении «множество, совокупность». В этом фрагменте мы видим наряду с интертекстом сравнение (гадкое ощущение, которое сложилось у Лужкова – гадкое ощущение, которое остается от телевизионных сериалов); антифразис (прекрасные произведения); эффект обманутого ожидания, основанный на игре смыслов в рамках горизонтального интертекста (формальные границы фигуры интертекста совпадают с каламбуром, игре на многозначности слова). Отметим, что метафоричность глагола «сеять» не теряется при интертекстуальном переходе в текст-реципиент.

Два последних примера мы относим к текстовой аллюзии, при этом стоит отметить, что граница между аллюзией и аппликацией здесь очень тонкая, так как модификация конечного текста очень незначительна (**сейте** разумное, доброе, вечное => **сеять** разумное, доброе, вечное; **ощущение гадкое** / серию => **гадкое ощущение** / серию **исков**). В пользу аллюзии говорит, во-первых, широкая распространенность словесного репрезентанта фигур интертекста в данных примерах, что характерно для аллюзии. Во-вторых, аппликация рождает новый смысл для текста-реципиента, который дублирует смысл фрагмента текста-донора и для понимания может требовать знания всего текста-донора. Аллюзия же формирует сразу несколько смыслов для текста-реципиента: дублирующий смысл фрагмента текста-донора или всего текста-донора, а также новый контекстуальный, который появляется на базе интертекстуально введенного фрагмента. Схема переноса плана содержания из текста-донора в текст-реципиент, соотношение внутренней формы с планом содержания интертекстуальных единиц, игра на двуплановости интертекстуальных единиц в случае с аллюзией выстраивается в более сложную и запутанную схему, чем в примерах с аппликацией.

В рамках юридического дискурса мы можем выделить такую разновидность аллюзии, как ономастическая аллюзия, при которой «устанавливается непосредственная ссылка на претекст благодаря использованию имен собственных» [Hulen, 2005, с. 53]. По аналогии с аллюзией, тождественной заголовку текста-донора, ономастическая аллюзия «играет важную роль в формировании структуры текста и порождении значимых смыслов» [Горнакова, 2010, с. 3]. В ряде слу-

чаев данную фигуру интертекста называют «текстовой антономасией» [Москвин, 2011, с. 117]. При этом межтекстовое взаимодействие мы можем наблюдать только в тех случаях, когда имя собственное, послужившее основой для переноса на имя нарицательное, лежит в основе литературного персонажа или героя мифологии. Ономастическая аллюзия встречается в рамках юридического дискурса редко, выполняя ограниченный набор функций. Основным источником – художественная литература, тексты Священного Писания: *Нет, то, что ты принимаешь людей, это ладно, а вот когда не ты принимаешь людей, а вот эти выпускники вузов, знаешь, я не верю, извини, я - Фома Неверующий. Я считаю, что дешево - хорошо не бывает. Бесплатная юридическая помощь, оказываемая вот такими юридическими клиниками* [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/lex/828016-echo>] В аспекте взаимодействия с тропами ономастическая аллюзия чаще всего дублирует границы метонимии.

Таким образом, следует заключить, что каждый случай использования аллюзии требует тщательного анализа. Различение аллюзии и других фигур интертекста сводится, на наш взгляд, следующим критериям:

– **Критерий объема:** текстовая аллюзия, как правило, выражена в тексте несколькими словами, тогда как аппликация и цитата, как правило, имеют более высокий уровень распространенности.

– **Критерий точности воспроизведения текстового источника:** текстовая аллюзия модифицируется в риторических целях (наблюдаются смена порядка слов, грамматических характеристик), в то время, как аппликация и цитата остается дословным воспроизведением чужой речи.

– **Критерий появления дополнительного смысла** в тексте-реципиенте, что более характерно для аллюзии, нежели для аппликации или цитаты.

Текстовая аллюзия используется адресантом в аргументации, при опоре на выразительную интертекстуальность, реализуя декоративную функцию данной фигуры интертекста. При этом мы можем наблюдать аллюзию, которая опирается на несколько текстов-источников, т. е. является амбивалентной. Это объясняется

особенностями формирования и функционирования аллюзии как фигуры интертекста.

В рамках юридического дискурса текстовая аллюзия может опираться на заголовок текста-источника, выполняя компрессивную функцию. В этом случае оратору достаточно только упомянуть название текстисточника, чтобы аудитория смогла декодировать интертекстуальный смысл и раскрыть идею адресанта в полной мере. Также мы можем выделить такую разновидность аллюзии, как ономастическая аллюзия, выполняющая номинативную функцию фигур интертекста. Однако данный вид аллюзии не является частотным в рамках юридического дискурса.

2.5. Парафраз и интертекст-пересказ: варианты формальных и смысловых заимствований

Термин *парафраз* имеет множество определений, которые зачастую существенно отличаются друг от друга. Изначально парафразом обозначался процесс переложения прозаического произведения в поэтическое [Квятковский, 1998, 227-228]. В современной науке парафраз определяется как «пересказ своими словами литературного произведения» [там же], троп, состоящий «в замене обычного слова <...> описательным выражением» [Ахманова, 1969, с. 312], результат «моделирования вторичного высказывания на основе частичного преобразования смысла опорного (первичного) высказывания» [Теучеж, 2008: 6]. При этом некоторые ученые парафраз отождествляют с перифразом.

Между тем в интертекстуальной терминологической системе парафраз входит в число фигур интертекста и «состоит в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин, 2011, 165]. Отметим, что основой интертекстуальной связи для формирования парафразы могут выступать афоризмы, сентенции, пословицы, крылатые выражения, которые, по мнению некоторых ученых, считаются «минимальными законченными текстами» [Арутюнова, 1981, с. 365]

Парафраз понимается нами как фигура интертекста, которая сохраняет межтекстовую ассоциацию с синтаксической, грамматической и ритмической формами устойчивого выражения из опорного текста с частичной заменой лексики и/или смысла текста-донора. М. Л. Гаспаров справедливо отмечает, что «интертекстуальный анализ до сих пор остается скорее искусством, чем наукой» [Гаспаров, 2002, с. 3]. В этой связи во избежание терминологического разнобоя объясним, каковы, на наш взгляд, отличия парафразы:

- **от текстовой аллюзии.** В отличие от аллюзии парафраз не имеет обязательной смысловой связи с текстом-донором, соответственно, для парафразы наряду с контекстуальным, основным смыслом, не характерно возникновение вторичного, вертикального, основанного на реализации интертекстуальных связей.

- **от текстовой аппликации.** В отличие от текстовой аппликации парафраз не сохраняет лексический состав и синтаксическую структуру фрагмента текста-донора. Определение парафразы дает нам предполагать о наличии ассоциативной связи с текстом-донором, но не тождественность по форме выражения в части лексики, ритмической организации или синтаксиса.

Парафраз в рамках юридического текста выполняет **декоративную и информативную функции**, украшая текст интертекстуально обогащенными единицами и привнося в него новую информацию. Использование парафразы делает речь более интересной, поэтичной. Однако в процессе спора, убеждения, доказательства, эвфемизации такая фигура интертекста, как парафраз, практически не используется в рамках юридического дискурса. Как и при анализе большинства фигур интертекста, мы можем выделить основные категории источников для построения парафразы:

1. Устойчивые выражения, не относящиеся к юридической сфере: *Конечно, нельзя забывать и того, что нервы этой, и без того неуравновешенной девушки были в тот период напряжены до предела. Жизнь в доме матери была нелегка. Родные попрекали Галину внебрачной связью, ее осуждали открыто и за глаза многие... "худая слава бегом бежит"... свадьба снова откладывалась*

[Падва, <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html>]. Первоисточник: *Добрая слава лежит, а худая бежит* (Русская народная поговорка).

2. Фрагменты литературного текста: *Ее восстановил только Верховный суд. Вот вам иллюстрация того, кого мы имеем в судебных креслах, в судебных мантиях. Для того чтобы Данилкину вынести оправдательный приговор Ходорковскому, ему надо быть героем. Но плох тот народ, который нуждается в героях* [Резник, <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>]. Первоисточник: *Нет! Несчастлива та страна, которая нуждается в героях* (Б. Брехт, «Жизнь Галилея»).

Как мы уже отметили, парафраз строится на изменении лексики или синтаксиса устойчивого выражения. В рамках юридического дискурса целесообразно выявить те способы построения парафразы, которые представляются наиболее интересными с позиции риторики.

1. На основе фразеологического сочетания: *Соблазн был велик, а деньги были так нужны... А слову печатному, слову, звучащему с телеэкрана, мы так привыкли верить. А вокруг кое-кто уже успел и обогатиться. И, главное, деньги были так нужны и – никаких надежд заработать их быстро и много... И более искушенные в жизни люди попались на эту удочку, да что там удочку – в эти сети* [Костанов, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5458&start=0>].

Фразеологическим сочетанием называется разновидность фразеологической единицы, которая не обладает «полной семантической слитностью», а от свободного сочетания отличается только тем, что ее «опорное слово употребляется в не-свободном, фразеологически связанном значении» [Ахманова, 1969, с. 504]. Данная разновидность фразеологической единицы допускает синонимическую подстановку, когда один из элементов остается постоянным, а другой – может заменяться. Парафраз в нашем примере формируется именно за счет соединения постоянной части сочетания с вариативными. Постоянной выступает основа предложения «люди попались», а далее чередуются вариативные части фразеологического сочетания, которые «служат подходящим орудием для объяснения разных

жизненных ситуаций» [Крикманн, 1984: 153]: *на удочку, в эти сети*. Неразрывно с данным интертекстуальным феноменом выступает градация (нагнетание смысла от «удочки» до «сетей»), а форма парафраза (общий знаменатель и два распространенных от него варианта) аналогична форме зевгмы. Парафраз выполняет в данном случае **декоративную и иллюстративную функции**.

2. На усечении устойчивого выражения в интертекстуально обогащенном тексте. Отметим, что в этом случае парафраз будет попадать под определение «фрактаты» – «парафразированной коммемораты» [Москвин, 2007, с. 803]. Парафраз, который строится на принципе усечения исходного устойчивого выражения без изменения лексики или синтаксиса, имеет свои особенности: *Знаете, я очень люблю ходить в храмы любых конфессий, как бы они там ни назывались, потому что мне кажется, что это часть культуры, это очень интересно. Но я стараюсь соблюдать правила, которые приняты у людей, для которых это молельный дом, опять-таки как бы его ни называть, да? В той мере, в какой я знаю эти правила, я их соблюдаю. Не потому, что перед богом боюсь, так сказать, бога боюсь прогневать, а потому что я прихожу в их дом. Ну, в чужой монастырь со своим уставом, да? Но я прихожу в их дом. Либо не ходи, либо соблюдай их правила* [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/860797-echo/#element-text>]. Появляется новый смысл для текста-реципиента (в чужом доме следует подчиняться заведенным там правилам и порядкам), который строится на основе **фразеологического значения фрагмента текста-донора**. Это отличает парафраз от аллюзии, в которой мы отмечали актуализацию смысла текста-донора и (или) появление нового, контекстуального смысла на основе формы выражения фрагмента текста-донора, помещенного в текст-реципиент. Парафраз, сформированный на основе усечения исходного устойчивого выражения, выполняет **компрессионную функцию** (сокращает исходный текст), **функцию разъяснения** (относит нас к морали устойчивого выражения) и, что важно, **функцию поддержания внимания аудитории**. Оратор как бы просит аудитории включиться в беседу, вспомнить источник интертекста: *Попались и Катя Климова с мужем. Они одолжили у друзей восемь миллионов рублей и внесли их во «Властилину» под обеща-*

ния получить через два месяца ровно вдвое больше. Но **бесплатный сыр бывает известно где**. И ловушка захлопнулась – им не хватило всего нескольких дней; увы, «Чара» лопнула раньше, чем Климовы успели получить свою сверхприбыль [Костанов,

<http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5458&start=0>].

Чаще всего подобный интертекстуальный прием совпадает с границами еще одного фигуры – риторического вопроса, который также является средством поддержания интереса аудитории: *Вот эта предвыборная кампания – она 4 марта не то, что закончилась, ее в шкаф убрали и забыли. Все, что произнесено (слово не воробей, да?), все это уже в обществе. И я имею в виду не только статьи Путина, но и высказывания оппозиции* [Барщевский, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/860797-echo/#element-text>].

Возможности парафраза для создания эффекта иронии, сатиры, критики совпадают с аллюзией: *Но спрашивается, зачем тогда эта армия следователей и прокурорских надзирателей? При таком подходе к делу достаточно и постового милиционера: задержал, отвел в суд – вот и все «следствие»*. Все в этом деле сегодня держится **на «двух китах»** (даже «китов» у них нехватка): на нашептываниях милиции, которая, как водится, **«располагает оперативными данными»**, и на стремлении прокуроров и следователей как-нибудь оправдать необоснованный арест и длительное содержание Малышкина под стражей [Костанов, 2007, с. 191]. Первое, что отметим – это «соседство» парафраза и текстовой аппликации, что лишний раз подтверждает наш тезис об интертекстуальности как о свойстве текста юридического дискурса. Сам парафраз строится на замене лексики и выполняет декоративную роль, однако он же служит основой для построения сатирического эффекта (даже «китов» у них нехватка).

«Если бы его не перекидывали с камеры в камеру, из изолятора в изолятор... понимаете, у нас в советские времена была такая шутка. Первое – случайность, второе – совпадение, третий раз – КГБ. Значит, когда человека перекидывают из камеры в камеру вопреки всякому здравому смыслу и стандарту, который там принят, переводят из изолятора в изолятор совершенно немоти-

вированно, непонятно почему. И при этом одновременно он не получает медицинскую помощь, то возникает вопрос – это случайность, это совпадение или это делается нарочно?» – **«Или это КГБ»**. – **«Или это КГБ, да. Вот. ФСБ по-прошу не обижаться. Они здесь явно не при чём. Значит, вот это расследование третьего дела – оно на самом деле установит истину по первому делу»** [Барщевский]. Первоисточник: Первый раз – случайность, второй – совпадение, третий – закономерность [Кузмич, <http://litbook.net/book/53766/zhguchij-glagol-slovar-narodnoj-frazeologii/page-1>]. Парафраз в данном примере создает эффект обманутого ожидания (лексика меняется в самом финале интертекстуально насыщенной фразы) и служит основой для антифразиса: **это КГБ, ФСБ тут явно не при чем**, хотя это два разных наименования одной реалии – службы, отвечающей за обеспечение государственной безопасности. Отметим, что практическое применение парафразы как инструмента иронии, сатиры и критики встречается редко. Парафраз в юридическом тексте чаще поучает, приводит мораль или украшает речь, нежели служит против дискурсивного оппонента.

Таким образом, мы опираемся на узкое понимание парафразы, представленное выше. Широкое понимание парафразы, как пересказа текста-источника своими словами, имеет свои особенности. Беседа, содержание дела или решение суда – тексты-доноры – в рамках юридического дискурса передаются участниками коммуникации в форме пересказа. Как следствие, происходит сильная модификация лексики, синтаксиса, объема исходного фрагмента, что не позволяет ставить знак равенства между данным феноменом и какими-то из рассмотренным нами фигур интертекста, при этом этот «новый» текст возникает на основе конкретного текста-донора. Такие интертекстуальные явления мы выделяем в отдельную фигуру интертекста, именуемую «интертекст-пересказ» [Фатеева, 2006, с. 143], который Н. А. Фатеева относит к эксплицитным высказываниям о претексте.

Главная цель фигуры интертекст-пересказа – оптимизация и структурирование текста. Интертекст-пересказ, в первую очередь, работает на то, чтобы текст был предельно понятен и ясен аудитории. В рамках юридического дискурса интертекст-пересказ опирается, главным образом, на:

1. Материалы судебного дела: *Защита представила выписки из классического труда Гофмана, не потерявшего в интересующей нас части своей ценности по сей день (по разъяснению эксперта суду). Гофман многочисленными примерами из практики иллюстрирует свой тезис о необходимости чрезвычайно осторожной оценки степени сознательности действий роженицы. Он ссылается на то, что процесс родов влечет не только физическое, но и огромное психическое потрясение, при котором зачастую нельзя требовать от женщины разумной оценки окружающего и разумных поступков [Ария, 2010, с. 61].* Интертекст-пересказ в данном примере освобождает автора от дословного цитирования, выполняя компрессивную функцию. К компрессивной функции интертекст-пересказа может добавляться сопоставительная: *Порывистая, безудержная натура Гали нам хорошо известна. Прочтите два ее заявления в техникум. Они противоположны по смыслу, но тождественны по яростному темпераменту, по эмоциональному накалу, я бы даже сказал, по какой-то исступленности. Об этих же свойствах Галиного характера поведали вам и свидетели. По утверждению людей, хорошо ее знавших, Галя при жизни была девушкой чрезвычайно неуравновешенной, вспыльчивой, грубоватой, нервной, легко возбудимой. Об этом даже сказано и в приобщенной к делу характеристике, об этом же свидетельствовали и Савельева, и Графова, и Иванова, и Каулины - сын и мать [Падва, <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html>].* Тут же мы видим и потенциальную возможность **акцентирующей функции** при помощи интертекст-пересказа. Умелый оратор передает такие детали пре-текста, которые необходимы ему для представления девушки в глазах суда вспыльчивой, легко возбудимой. Поясним, что по материалам дела эта девушка была доведена до самоубийства своим сожителем, интересы которого представляет адвокат.

2. Законодательство и нормативно-правовые акты: *В российском Законе «О средствах массовой информации», как и в ранее действовавшем союзном Законе «О печати», содержится перечень обстоятельств, освобождающих и журналиста от ответственности за распространение порочащих измышлений. Перечень исчерпывающий, расширению не подлежащий. Наш случай ни по россий-*

скому, ни по союзному Закону в него не входит [Резник, http://proknadzor.ru/analit/show_a.php]. В соответствии с НК РФ под документально подтвержденными расходами понимаются затраты, подтвержденные документами, и оформленными в соответствии с законодательством России. А документы как мы видим, как раз оформлены в соответствии с законодательством России. Об этом, кстати говорит и специалист Остапчук Д.П., допрошенный в качестве специалиста по данному уголовному делу. Он поясняет, что если организация фактически расходы не производила, то они и не могут быть приняты к учету. Для этого не надо быть специалистом, чтобы понять, что если услуги не оказывались, то они и не оплачиваются [Свирин, <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20335&start=0>].

В рамках изучения интертекста-пересказа стоит отмечать такую его разновидность, как передача в тексте свершившегося ранее диалога: *Идем мы в одном городе по центральной площади – со мной идет вице-губернатор, мэр города, ее замы по социалке, нас так человек шесть-семь – и вдруг вот такой чумазый мальчуган подбегает прямо ко мне и говорит: «Дяденька, дяденька, дай денег! Мамки нет, папки нет, дома нет!»*

Я – раз его за руку: «Как тебя зовут?» - «Валерка!» - «А где ты сейчас-то живешь?» Тут он замялся: «А что, дядь, дай денег!» А все остальные – просто в шоке, до этого рассказывали, как все у них замечательно. Говорю: «Так где ты живешь-то сейчас? Сейчас пойдем со мной, если дома нет – устроим в детский дом». Он от меня вырывается, убегает... [Астахов, <http://www.interfax-russia.ru/exclusives.asp?id=455136>].

Подобный прием реализации интертекстуального феномена можно было бы отнести к мозаике цитат, так как диалогичность передается цитатами из текста-донора. Между тем если фрагменты прецедентного диалога не являются дословными, то такую фигуру интертекста нельзя отнести к цитате или аппликации. В силу того, что текст-источник не опирается на устойчивые выражения, то речь не идет о парафразе. Также мы не можем наблюдать характерного для аллюзии вза-

имодействия контекстуального и интертекстуального смыслов. Поэтому данный интертекстуальный феномен следует относить к интертекст-пересказу.

Таким образом, мы различаем две фигуры интертекста: парафраз в узком значении и интертекст-пересказ, который теоретики интертекстуальности нередко отождествляют с парафразом.

Парафраз в рамках юридического текста выполняет **декоративную и информативную функции**, украшая текст интертекстуально обогащенными единицами и привнося в него новую информацию. Использование парафразы делает речь более интересной, поэтичной. Однако в процессе спора, убеждения, доказательства, эвфемизации такая фигура интертекста, как парафраз, практически не используется в рамках юридического дискурса. Основные категории текстов-доноров для формирования парафразы: юридические термины, устойчивые выражения вне юридической сферы, фрагменты литературного текста. Особенного изучения требуют нестандартные способы построения парафразы – на основе фразеологического сочетания, посредством усечения устойчивого выражения и др. Парафраз, сформированный на основе усечения исходного устойчивого выражения, выполняет **компрессивную функцию** (сокращает исходный текст), **функцию разъяснения** (относит нас к морали устойчивого выражения), **функцию поддержания внимания аудитории**. Наблюдается тенденция применения парафразы как инструмента поучения, приведения морали, украшения речи. Возможности парафразы в риторической борьбе в текстах юридического дискурса проявляются редко. В этом аспекте парафраз чаще используется как основа для построения экспрессивно-стилистических средств, риторических фигур или других фигур интертекста.

Фигура интертекста-пересказа выполняет в рамках юридического дискурса компрессивную и структурирующую функции. Использование фигуры интертекста-пересказа, в первую очередь, направлено на то, чтобы текст был предельно понятен и ясен аудитории. В рамках юридического дискурса интертекст-пересказ опирается, главным образом, на материалы судебного дела, законы и нормативно-

правовые акты. Одной из частотных форм интертекст-пересказа является передача чужого диалога своими словами.

ВЫВОДЫ

Выделение фигур интертекста, на наш взгляд, наиболее логично может происходить на основании следующих критериев, формирующих алгоритм интертекстуального анализа.

1. Текстовая природа источника интертекстуальности – основной критерий, которому соответствуют все выделяемые нами фигуры интертекста.

2. Степень точности воспроизведения текстового источника:

- а) дословная передача (что характерно для цитаты и аппликации);
- б) тенденция к грамматической модификации, изменению ритмической организации и порядка слов фрагмента-донора (аллюзия);
- в) лексическая модификация с тенденцией к сохранению ритмико-синтаксической организации (парафраз);
- г) модификация лексической и синтаксической организации, тенденция к передаче плана содержания, а не плана выражения (тактика, которую можно условно назвать интертекст-пересказом).

3. Наличие указания на текст-источник:

- а) обязательное наличие отсылки (при цитате);
- б) факультативность отсылки (при интертексте-пересказе, при аллюзии) либо обозначение текста-источника без строгой его конкретизации (аллюзия, цитата): *как сказал один из моих оппонентов...*; *в одном из произведений А.П. Чехова есть такая цитата...* и т. п.;
- в) отсутствие отсылки (при аппликации, парафразе).

Появление вторичного смысла в тексте-реципиенте. Данный критерий варьируется применительно к различным фигурам интертекста:

- а) при цитировании: появляется новый смысл в тексте-реципиенте, полностью дублирующий фрагмент плана содержания текста-донора;
- б) при аппликации: появляется новый смысл в тексте-реципиенте, дублирующий фрагмент плана содержания текста-донора и (или) выходящий за рамки

этого фрагмента к плану содержания всего текста-донора и требующий, в отличие от цитаты, прецедентной компетентности адресата;

в) при аллюзии: взаимодействуют два смысла: а) смысл, дублирующий план содержания фрагмента текста-донора и (или) всего текста-донора; б) контекстуальный смысл, который создается на базе плана выражения фрагмента текста-донора, помещенного в план выражения текста-реципиента;

г) при парафразе: происходит реализация ассоциативной связи с фрагментом плана содержания текста-реципиента;

д) при интертексте-пересказе: появляется новый смысл текста-реципиента, дублирующий план содержания текста-донора или его фрагмента.

4. Расположение словесного репрезентанта фигуры:

а) при имитативном типе расположения (этот тип можно рассматривать как разновидность мимесиса) интертекстуальные элементы следуют в порядке, копирующем порядок элементов в тексте-доноре (цитата, аппликация, парафраз; в некоторых случаях – аллюзия);

б) при трансформативном типе расположения интертекстуальные элементы инвертированы, «разбиваются» контекстуальными, т. е. «разбросаны» по фрагменту текста-реципиента (интертекст-пересказ; большинство случаев аллюзии).

В ходе исследования выявлена тесная взаимосвязь фигур интертекста и других экспрессивно-стилистических средств (в частности, тропов и фигур речи). Так, в случае сопоставления тропов и фигур интертекста мы видим, что для осмысления текста в полной мере адресату приходится «выходить» за его формальные границы, обращаясь либо к метаязыку, либо к прецедентному тексту.

Фигуры интертекста мы относим к фигурам экспрессивной деривации, которая обеспечивает богатство речи. Вместе с тем, фигуры интертекста, в частности в рамках юридического дискурса, не монофункциональны. Данный факт дает нам основание предположить, что фигуры интертекста могут соотноситься с различными качествами речи. Так, например, цитата в большинстве случаев служит точности и логичности речи, фигура интертекста-пересказа – краткости речи, аппликация и аллюзия – уместности и богатству речи и т. д. Данный факт имеет

значение при определении функциональной возможности фигур интертекста во взаимодействии с иными экспрессивно-стилистическими средствами языка и подтверждается рядом тезисов.

1. Переносный смысл и двуплановость большинства тропов перекликается с возможностью появления вторичного смысла фигуры интертекста, который рождается при реализации интертекстуальных отношений с текстом-донором.

2. Такие фигуры речи, как различные виды повторов и синтаксический параллелизм, в ряде случаев структурно совпадают с феноменом горизонтального интертекста. По сути, принцип формирования риторического повтора аналогичен принципу формирования фигур горизонтального интертекста, когда один и тот же фрагмент дублируется из «левой» части текста в «правую», что совпадает с определением кольцевого повтора.

3. Факультативный перевод элементов опорного текста в конечный текст при формировании фигуры интертекста-пересказа соответствует принципу построения эллипсиса.

4. Фигура контраста может формироваться через соотнесение элементов из нескольких прецедентных текстов.

Перечень точек взаимодействия фигур интертекста с другими экспрессивно-стилистическими средствами (в частности, тропами и фигурами речи) на структурном и функциональном уровнях не является исчерпывающим. Значение конвергенции фигур интертекста, тропов и фигур речи необходимо учитывать при определении функциональных возможностей феномена интертекстуальности.

Проведенный нами анализ цитат в текстах юридического дискурса позволяют говорить о следующем. Наиболее частотны в юридическом дискурсе цитаты, опирающиеся на юридический источник. В этом случае цитация становится средством убеждения, помогает оратору разъяснять и аргументировать свою позицию через главный ценностный компонент юридического дискурса – законность. Закон олицетворяется и становится авторитетом, ссылка на который безоговорочно воспринимается в сфере юриспруденции. Юрист, который цитирует данный свод текстов, в частности, по памяти, находится в сильной речевой пози-

ции. Цитирование «аксиом» правовой сферы подчеркивает компетентность оратора-юриста. Опираясь в цитации на материалы суда и официальные документы, оратор в большинстве случаев дает им оценку. Цитата в этом случае нередко играет роль тезиса оппонента (по отношению к оратору). Тезис оппонента опровергается как при помощи других фигур интертекста (логическая составляющая аргументации), так и при помощи комбинаций экспрессивно-стилистических средств и психологических аргументов (эмоциональная, психологическая составляющая аргументации).

Неюридические источники цитаты (Священное Писание, литература, публичные выступления) усиливают позиции тезиса оратора, украшают текст, выполняя декоративную функцию.

Цитата в ряде случаев неотделима от конкретных риторических приемов (в случае с различными видами повторов, развернутыми метафорами, психологическими аргументами). Автоцитаты позволяют выразить авторское отношение к предмету разговора или спора; акцентировать на том или ином фрагменте текста. Цитаты иностранных источников формируют интертекстуальный смысл, отсылая нас к тексту-донору, служат звуковой выразительности речи.

Таким образом, мы можем утверждать, что в рамках юридического дискурса цитаты полифункциональны. Они вступают в структурно-функциональную связь с экспрессивно-стилистическими средствами языка, что позволяет говорить о конвергенции интертекстуальных и элокутивных средств. Последние обрамляют и украшают цитату, увеличивают ее функциональную силу. Интертекстуальность в речи оратора-юриста переплетается с логикой текста, цитаты синтезируются с собственными доводами оратора и контраргументами стороны оппонента. Все это говорит о том, что цитата в юридическом дискурсе выступает в качестве инструмента убеждения и доказательства. При этом в изучении цитаты необходимо учитывать достоверность источника текста-донора. Статус цитаты, которая опирается на сомнительный источник или искажается в конечном тексте, остается спорным.

Аппликация в текстах юридического дискурса имеет формальные признаки цитаты, отличаясь от последней только отсутствием ссылки на источник. Отсутствие ссылки на текст-донор рассчитано на прецедентную компетентность адресанта. Такой подход делает аппликацию инструментом для реализации коммуникативных задач эвфемистического характера. Наиболее широко представлены в юридических текстах аппликации, опирающиеся на библейские, литературные и античные тексты. Основные функции данных фигур интертекста в этих случаях: декоративная, оценочная, эвфемистическая, пояснительная. Аппликация является также инструментом спора в юридическом дискурсе (эристическая функция), при этом формируя как логические, так и запрещенные психологические аргументы. В аспекте диахронии аппликация служит источником формирования крылатых выражений и фразеологических единиц.

Текстовая аллюзия используется адресантом в аргументации, при опоре на выразительную интертекстуальность, реализуя декоративную функцию данной фигуры интертекста. При этом мы можем наблюдать аллюзию, которая опирается на несколько текстов-источников, т. е. является амбивалентной. Это объясняется особенностями формирования и функционирования аллюзии как фигуры интертекста.

В рамках юридического дискурса текстовая аллюзия может опираться на заголовки текста-источника, выполняя компрессивную функцию. В этом случае оратору достаточно только упомянуть название текстисточника, чтобы аудитория смогла декодировать интертекстуальный смысл и раскрыть идею адресанта в полной мере. Также мы можем выделить такую разновидность аллюзии, как ономастическая аллюзия, выполняющая номинативную функцию фигур интертекста. Однако данный вид аллюзии не является частотным в рамках юридического дискурса.

Парафраз в рамках юридического текста выполняет декоративную и информативную функции, украшая текст интертекстуально обогащенными единицами и привнося в него новую информацию. Использование парафраза делает речь более интересной, поэтичной. Однако в процессе спора, убеждения, доказа-

тельства, эвфемизации такая фигура интертекста, как парафраз, практически не используется в рамках юридического дискурса. Основные категории текстов-доноров для формирования парафразы: юридические термины, устойчивые выражения вне юридической сферы, фрагменты литературного текста. Особенного изучения требуют нестандартные способы построения парафразы – на основе фразеологического сочетания, посредством усечения устойчивого выражения и др. Парафраз, сформированный на основе усечения исходного устойчивого выражения, выполняет компрессивную функцию (сокращает исходный текст), функцию разъяснения (относит нас к морали устойчивого выражения), функцию поддержания внимания аудитории. Наблюдается тенденция применения парафразы как инструмента поучения, приведения морали, украшения речи. Возможности парафразы в риторической борьбе в текстах юридического дискурса проявляются редко. В этом аспекте парафраз чаще используется как основа для построения экспрессивно-стилистических средств, риторических фигур или других фигур интертекста.

Фигура интертекста-пересказа выполняет в рамках юридического дискурса компрессивную и структурирующую функции. Использование фигуры интертекста-пересказа, в первую очередь, направлено на то, чтобы текст был предельно понятен и ясен аудитории. В рамках юридического дискурса интертекст-пересказ опирается, главным образом, на материалы судебного дела, законы и нормативно-правовые акты. Одной из частотных форм интертекст-пересказа является передача чужого диалога своими словами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного нами исследования можно заключить следующее. Признаки текста, определяемые современной наукой о языке, присущи так называемому «идеальному тексту», однако в рамках юридического дискурса могут варьироваться. Как показало наше исследование, значимыми для реализации коммуникативной стратегии адресанта особенностями текста в юридическом дискурсе выступают: возможность как письменной, так и устной форм выражения; обязательность наличия средств когезии и когерентности; наличие интертекстуальных связей как функционально значимый критерий юридической текстуальности; наличие эристически интенционального и / или регулятивно интенционального речевого замысла, что ведет за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, способных наиболее эффективно разрешить определенный правовой конфликт. Факультативными критериями в связи со спецификой речевого замысла в юридическом дискурсе являются информативность, завершенность, а также согласованность формы и содержания.

Нами предложена аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе, которая может быть задана следующей схемой:

«Оппонент 1 → Коммуникативный материал → Фильтрация → Аргументация → Опора аргументации → Оппонент 2».

В случаях и логической, и психологической аргументации в юридическом дискурсе опору аргументации способны обеспечивать фигуры интертекста. Опора логической аргументации (регулярная опора) для данного типа дискурса – это, прежде всего, своды законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса; опора психологической аргументации (иррегулярная опора) – это апелляция к опыту, традиции, авторитету, которая формируется, в частности, на основании текстов неюридической принадлежности – таких, как Библия,

художественная речь, кинофильмы и т. д., и является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе.

Интертекстуальная насыщенность становится, таким образом, еще одной существенной характеристикой юридического дискурса. В соответствии с представленной аргументативной моделью коммуникации мы предлагаем различать два вида интертекстуальности в юридическом дискурсе:

1) собственно юридическую, или деловую интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и опирается на юридические тексты-источники;

2) выразительную интертекстуальность, отвечающую, главным образом, за формирование психологической аргументации, а также за выразительность и эмоциональность юридического текста, формируемые на основе текстов неюридической принадлежности. Высока при этом значимость структурно-функциональной связи фигур интертекста с другими экспрессивно-стилистическими средствами (такими, как тропы и фигуры речи), что способствует повышению убедительной силы текста.

В исследовании выявлены свойства интертекста, которые необходимо принимать во внимание при изучении феномена интертекстуальности в рамках юридического дискурса.

1. Наличие ссылки на текстуальный источник (что релевантно для деловой интертекстуальности), без которой нельзя соотнести текст-реципиент с текстом-донором, а значит, невозможно объективное и обоснованное ведение дела.

2. Наличие у фигур интертекста определенной функциональной нагрузки, что говорит о сознательном и целенаправленном использовании феномена интертекста адресантом в рамках юридического дискурса.

3. Соотношение двух и более текстов. Данный критерий интертекстуальности в рамках юридического дискурса становится факультативным. Основная причина – возможность формирования интертекстуальных связей в юридическом дискурсе не только между двумя разными текстами, но и между фрагментами одного текста.

В результате проведенного нами исследования выявлены 17 функций фигур интертекста в юридическом дискурсе, 4 из которых можно рассматривать как самостоятельные подвиды аргументативной функции. Обобщающая картина функций интертекста в юридическом дискурсе выглядит следующим образом.

Выполнение **информативной функции** в той или иной степени свойственно всем фигурам интертекста и заключается в передаче значимой для адресата информации. В чистом виде, без синтеза с другими функциями, реализация информативной функции фигур интертекста не наблюдается.

Референционная (англ. *reference* ‘сноска, ссылка’) функция интертекста заключается в отсылке адресата к содержанию текста-донора.

Функция усиления собственной коммуникативной позиции и, в частности, собственного авторитета выражается в двух случаях. Первый представляет собой употребление фигуры анамнесиса, т. е. цитирование ситуативно значимого текста-донора по памяти (при цитировании по памяти адресант подчеркивает свою риторическую и профессиональную компетентность). Вторым вариантом реализации функции повышения собственного авторитета – прием автоцитирования. Выражение адресантом собственной мысли в форме цитирования придает больший вес слову, выглядит более объективно и убедительно, чем простое авторское высказывание.

Номинативную функцию интертекста выполняют аллюзии. В первую очередь, речь идет об ономастической аллюзии (или текстовой антономасии), которая заимствует имена собственные, в частности, из художественных текстов-доноров и текстов Священного Писания. Что касается взаимодействия с тропами, то ономастическая аллюзия нередко бывает метафорична.

Пояснительная функция заключается в разъяснении, истолковании адресантом своей позиции посредством фигур интертекста. Чаще всего функцию пояснения выполняют цитаты из правового источника, которые сопровождают ход рассуждений оратора.

Структурирующая и компрессивная функции фигур интертекста проявляются в сокращении объема текста-реципиента и выстраивания текста за счет

использования информативно емких тактик: текстовой аллюзии, фигуры интертекста-пересказа или парафраза. Все эти фигуры интертекста позволят исключить избыточную или необязательную информацию, создающую «помехи» для восприятия, благодаря чему текст в конечном итоге принимает оптимальную форму для восприятия адресатом.

Функция звуковой выразительности интертекста понимается нами как передача особенностей звучания текста-донора, в частности, в случаях, когда адресант прибегает к тактике так называемого иноязычного цитирования. Зачастую данная функция неотделима от обозначенной выше функции усиления собственной коммуникативной позиции.

Декоративная функция представлена всеми фигурами интертекста, за исключением интертекст-пересказа, и представляет собой использование возможностей интертекстуального феномена для создания языковой игры, уход от нейтральной формы выражения текста, что обеспечивает ее красоту и делает текст более интересным для аудитории. Необходимо отметить, что чем интереснее объект для наблюдателя, тем дольше он сможет концентрировать на нем свое внимание. Поэтому не являющаяся стандартной, интересная, красивая подача информации неразрывно связана с еще одной функцией фигур интертекста – **функцией поддержания внимания аудитории**. Кроме выразительной силы, которая обеспечивается в тексте риторическим использованием фигур интертекста, внимание аудитории может удерживаться привлечением адресата к процессу размышления над идеей текста. Такое вовлечение реализуется через недоговоренность, не до конца раскрытое содержание текста, что достигается в результате применения фигур интертекста.

Акцентирующая функция интертекста реализуется через обращение к горизонтальному источнику интертекста, что позволяет оратору делать акцент на ключевом для данного фрагмента текста тезисе, лишняя раз подчеркнуть важный для своей речи момент. Очевидно, что в таких случаях затруднительно разграничить риторические повторы (анафора, эпифора, кольцо и др.) и фигуры интертекста (цитаты, аппликации) относительно друг друга, так как в данном случае фе-

номен интертекстуальности лежит в основе построения более или менее дистантного риторического повтора.

Оценочная функция фигур интертекста может получать реализацию:

1. В случаях, когда выдержка из текста-источника выступает объектом оценки.

2. В случае, когда фрагмент текста-источника становится средством оценки. Если оценка имплицитна, т. е. раскрывается только через обращение к содержанию текста-источника, то мы имеем основания говорить о конвергенции референционной, оценочной и **эвфемистической функций** фигур интертекста.

Аргументативная функция – ключевая для фигур интертекста в аспекте аргументативной модели коммуникации в юридическом дискурсе. В зависимости от механизма построения аргумента и результата, который это построение предполагает, мы можем подразделить аргументативную функцию фигур интертекста на два типа частных функций: **построение психологических аргументов** и **формирование логической аргументации**. К первому типу функций мы относим построение несколько психологических аргументов, которые занимают прочные позиции в арсенале средств убеждения оратором-юристом: аргумент к традиции, аргумент к авторитету, аргумент к жалости и аргумент к вере.

Наиболее простой инструмент построения логической аргументации за счет фигур интертекста в юридическом тексте – **приведение логического довода**. В рамках юридического дискурса информация, заимствованная из законов и нормативно-правовых актов, воспринимается как аксиома. Поэтому цитата, опирающаяся на данный свод текстов, становится эффективным средством убеждения.

Опираясь на материалы судебного дела, цитаты могут взаимодействовать в комбинациях с другими цитатами. Сопоставление цитат из нескольких источников может выполнять **функцию опровергающего цитирования**, когда цитата оппонента опровергается цитатами из других источников: цитата № 1 оппонента ≠ цитата № 2 оппонента; цитата оппонента ≠ цитирование закона; цитата оппонента ≠ цитирование материалов судебного дела и проч.

Одной из наиболее действенных аргументативно релевантных функций фигур интертекста является **создание иронического эффекта**. Основные инструменты в этом случае – текстовые аппликации и текстовые аллюзии. Данная функция представлена двумя тактиками:

1. Иронический эффект строится на основе текста-источника, автором которого выступает коммуникативный оппонент.

2. Интертекст опирается на текст-источник, авторство которого не принадлежит коммуникативному оппоненту. Ирония в этом случае призвана расположить к себе аудиторию, заставить её встать на одну позицию с оратором.

Использование фигур интертекста (вне зависимости от их функций) в рамках аргументативной модели коммуникации в юридическом дискурсе направлено на то, чтобы *повлиять на убеждения адресата*, заставить его принять точку зрения адресанта, а значит, действовать в соответствии с его интересами. Между тем не все функции фигур интертекста в одинаковой степени способствуют убедительности юридического текста. Здесь может быть выстроена следующая градуальная схема. Так, *информативная* функция фигур интертекста, «работая» на передачу новой информации, в меньшей степени направлена на убеждение адресата, чем *акцентирующая* функция, которая не просто передает информацию, но ставит акцент на ее ключевой, по мнению адресанта, части, улучшая восприятие текста. В свою очередь, *акцентирующая* функция фигур интертекста в меньшей степени способствует убеждению адресата, нежели функция *формирования психологической аргументации*, которая затрагивает чувства и эмоции аудитории. Наконец, *формирование психологической аргументации* за счет фигур интертекста обладает меньшей убедительной силой (в рамках юридического дискурса), нежели *построение логической аргументации* на основании фигур интертекста.

Как показало исследование, фигуры интертекста в рамках юридического дискурса не монофункциональны. Более того, в одном и том же случае фигуры интертекста служат реализации, как правило, нескольких функций одновременно: информативной и акцентирующей; оценочной и эвфемистической; эвфемистической и референционной и т. д.

В контексте сказанного выше мы можем утверждать существование интертекстуально интенциональных дискурсов, каковым, по нашим наблюдениям, является дискурс юридический. Данный тезис выстраивается нами по аналогии с существованием интертекстуально интенциональными жанрами (такими, как центаон и хрия).

В работе выявлены *тенденции* соотнесения фигур интертекста с их функциями в текстах юридического дискурса. Между тем нельзя утверждать, что список функций фигур интертекста в современном юридическом дискурсе является закрытым и не может дополниться иными функциями и механизмами их реализаций. Данное направление, а также анализ диахронической картины феномена интертекста в юридическом дискурсе представляют собой **перспективы** для дальнейших научных исследований в этой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аннушкин, В.И. Риторика. Вводный курс: учебное пособие / В.И. Аннушкин. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
2. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики: Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978. – С. 15–167.
3. Ария, С.Л. Жизнь адвоката / С.Л. Ария. Издание 3-е, дополненное и исправленное. – М.: Американская ассоциация юристов, 2010. – 490 с.
4. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике Текст. / И.В. Арнольд: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1991. – 140 с.
5. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
7. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт Текст. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 40. – 1981.– № 4. – С. 356–357.
9. Асмус, В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении / В. Ф. Асмус. – М., 1954. – 87 с.
10. Бабайлова, А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку / А.Э. Бабайлова. – Изд. Саратовского университета, 1987. – 151 с.
11. Баранов, К.С. Интертекстуальность в рекламном дискурсе / К.С. Баранов // Вестник МГЛУ. – 2009. – Выпуск 559. – С. 180–188.
12. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. – М.: Поэтика, 1994. – С. 413–423.
13. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин – Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Москва, 1963.

14. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249–299.
15. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
16. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусства, 1986. – 445 с.
17. Беленький, Г.И. Приобщение к искусству слова Текст. / Г.И. Беленький. – М.: Просвещение, 1990. – 192 с.
18. Бенвенист, Э. Общая Лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1974. – 446 с.
19. Бобровская, Г.В. Фигуры интертекста в публицистике: газетный текст vs текст-источник, экспрессия vs стандарт / Г.В. Бобровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 66–69.
20. Борисова, Л.А. Композиция и языковые особенности статута как поджанра в англоязычном юридическом дискурсе: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Борисова Лидия Александровна. – Воронеж, 2010. – 24 с.
21. Бочарникова, Е.А. Границы объективации интертекстуальности и интердискурсивности в научном экономическом тексте / Е.А. Бочарникова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2010. – № 2 (12). – С. 90–95.
22. Бурдые, П. Власть права: основы социологии юридического поля / П. Бурдые // Социальное пространство: поля и практики. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 75–128.
23. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
24. Васяев, А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: моногр. / А.А. Васяев. – Москва: Изд-во Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
25. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Риторика для юристов: учебное пособие / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 576 с.

26. Владимирова, Н.Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении / Н.Г. Владимирова // Литературоведение на пороге XXI века. – М.: Рус. яз., 1998. – С. 182–188.
27. Воборжил, Л. Лексические и другие средства когезии текста: на материале русского договора [Электронный ресурс] // Л. Воборжил. – 1998. – Режим доступа: <http://www.msistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf> (дата обращения: 10.11.2012).
28. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
29. Волков, А.А. Основы риторики / А.А. Волков. – М.: Академический проект, 2003. – 304 с.
30. Гальперин, П.Я. Текст как объект лингвистического исследования / П.Я. Гальперин; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1981. – 140 с.
31. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования Текст. / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
32. Гаспаров, М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст / М.Л. Гаспаров // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 61. – 2002. – № 4. С. 3–9.
33. Голев, Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 39–57.
34. Голев, Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка / Н.Д. Голев // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. – Екатеринбург, 2000. – С. 338–348.
35. Голев, Н.Д. Юрислингвистика: на стыке языка и права / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов. – 1999. – С. 4–11.

36. Горнакова, Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: Опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Горнакова Лариса Юрьевна. – Иваново, 2010. – 24 с.
37. Граудина, Л.К., Кочеткова, Г.И. Русская риторика / Л.К. Граудина, Г.И. Кочеткова. – М.: Центрполиграф, 2001. – 670 с.
38. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М.: Норма, 2003. – 160 с.
39. Губер А. А, Тропы // Большая советская энциклопедия. Т. 55. М., 1947. – С. 35.
40. Гулова, Е.К. Формирование приемов аргументативного воздействия / Е.К. Гулова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3. – С. 80–82.
41. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод Текст. / Г.В. Денисова. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
42. Длин, И., Шварц, О. Российский суд присяжных ожидает решения своей судьбы / И. Длин, О. Шварц // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 2 (39). – С. 48–54.
43. Драгунова, Р.Г. Подходы к определению интертекстуальности и интертекста, скрытая цитата как форма межтекстовых связей / Р.Г. Драгунова // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1990. – Вып. 361. – С. 55–63.
44. Дронова, Е.М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения / Е.М. Дронова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2004. – Вып. 3. – С. 92–96.
45. Дубровская, Т.В. Законодательные тексты как источник интертекстуальности в публичных речах судей / Т.В. Дубровская // Вестник ТГУ. – 2009. – № 3 (71). – С. 171–187.
46. Зарецкая, Е.Н. Деловое общение: учебник: в 2 т. / Е.Н. Зарецкая – М.: Дело, 2004.
47. Зарецкая, Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая – М.: Дело, 2002. – 480 с.

48. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М., 1982. – 368 с.
49. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – 455 с.
50. Ивин, А.А. Риторика: искусство убеждать. Учебное пособие / А.А. Ивин. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 304 с.
51. Ивлев, Ю.В. Логика для юристов / Ю.В. Ивлев. – М., 2001 – 264 с
52. Ильин, И.П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты / И.П. Ильин // Проблемы современной стилистики: Сб. науч.-аналит. ст. / АН СССР. – М., 1989. – С. 186–207.
53. Ионова, С.В. О двух моделях построения вторичных текстов / С.В. Ионова // Вестник Вол-гогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 69–76.
54. Казарин, Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов / Ю.В. Казарин. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 432 с.
55. Калашников, Э.В. К проблеме гипертекста / Э.В. Калашников // Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности: Вест. ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2004. – № 2. – С. 218–222.
56. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация Текст. / О.Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.
57. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик // Сайт Тверского государственного университета. – 2006. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 06.06.2013).
58. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
59. Квятковский, А.П. Антономасия [Электронный ресурс] / А.П. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-0442.htm> (дата обращения 01.03.2015).

60. Квятковский, А.П. Парафраз // Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Дрофа. –1998. – С. 227–228.
61. Кибрик, А.А. Функционализм / А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секина // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров. – М., 1997. – С. 276–239.
62. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А.Е. Кибрик. – М.: Издательство Московского университета, 1992. – 336 с.
63. Клушина, Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ / Н.И. Клушина // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Г. Я. Солганик. — Москва, 2000. — С. 94–106.
64. Клюев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учебное пособие для вузов / Е.В. Клюев. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 272 с.
65. Ключевые ориентиры для разработки и реализации образовательных программ в предметной области «Юриспруденция» [Текст]: учебно-методический комплекс / А. И. Горылев (и др.). – Бильбао: Университет Деусто, 2013. – 110 с.
66. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993 – 224 с.
67. Козинец, С.Б. Словообразовательная метафора в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Козинец Сергей Борисович. – М.: 2009. – 404 с.
68. Козинец, С.Б. Соотношение метафорического и метонимического значений в производном слове / С.Б. Козинец // Русский язык в школе. – 2009.– № 4. – С.91–93.
69. Козицкая, Е.А. Автоцитация и интертекстуальность (два стихотворения Б. Окуджавы) / Е.А. Козицкая // Литературный текст. Проблемы и методы исследования: Сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т. – 1998 – Вып. 4. – С. 120–126.
70. Козырева, П.М. Правовое сознание и доверие [Электронный ресурс] / П.М. Козырева // Перепечатка с сайта Института социологии РАН. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozireva_4_08.pdf (дата обращения: 09.01.2015).

71. Колокольцева, Т.Н. Практикум по стилистике русского языка: учебное пособие / Т.Н. Колокольцева – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – 187 с.
72. Коновалова, М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Коновалова Мария Владимировна. – Челябинск, 2008 (а). – 26 с.
73. Коновалова, М.В. Типы когерентности в юридическом дискурсе / М.В. Коновалова // Вестник Челябинского университета. Сер. Филология и искусствоведение. – № 21(122). – 2008. – С. 83–86.
74. Костанов, Ю. А. Слово и «дело». Судебные речи / Ю.А. Костанов. – М.: Verte, 2007. – 352 с.
75. Костомаров, В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 297–302.
76. Котюрова, М.П. Связность речи (как текстовая категория) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука. – 2003. – С. 376–381.
77. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 240 с.
78. Кочесоков, З.Х. Правовое сознание и его национальные особенности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кочесоков Заурбек Хамидбиевич. – Ростов-на-Дону, 1999. – 21 с.
79. Крикманн, А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / А.А. Крикманн // Паремиологические исследования: сб. ст. М.: Наука. – 1984. – С. 149–179.
80. Кристева, Ю. Разрушение поэтики / Ю. Кристева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1994. – № 5. – С. 44–62.
81. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : доклады VII междунар. конф. – М., 1999. – С. 186–197.

82. Кудрявцева, А.А. Имя собственное как объект метафоризации / А.А. Кудрявцева // Вестник Волгогр.гос.ун-та. Сер. 2. Языкозн. – 2010. –№ 1 (11). – С. 55–59.
83. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
84. Куликова, О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук:10.02.04 / Куликова Ольга Викторовна. – М., 2011. – 59 с.
85. Куртин, Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Ж.-Ж. Куртин // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 2002. – С. 95–104.
86. Кыркунова, Л.Г. Современные судебно-следственные документы в аспекте интертекстуальности / Л.Г. Кыркунова // Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 3. – С. 23–27.
87. Лами, Б. Риторика, или Искусство речи / Б. Лами. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 328 с.
88. Лебедева, Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) / Н.Б. Лебедева // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000. – С. 49–64.
89. Львов, М.Р. Риторика. Культура речи / М.Р. Львов. – М.: Academia, 2003. – 272 с.
90. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. –280 с.
91. Малеина, М.Н. Право на имя / М.Н. Малеина // Государство и право. – 1998. – №5. – С. 99–103.
92. Мандель, Б. Р. Теория литературы: ответы на экзаменационные вопросы. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений (бакалавриат,

магистратура) в помощь к подготовке к экзаменам / Б.Р. Мандель. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 650 с.

93. Марцинкевич, Н.Э. Заглавие как предтекст в системе поэтики А.А. Блока Текст. / Н.Э. Марцинкевич // Русский язык и литература. – 2003. – № 10. – С. 56–63.

94. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика Текст.: учеб. пособие / В.А. Маслова. 2-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.

95. Масловская, Е.В. Суд присяжных в современной России: юридический дискурс и социологический анализ / Е.В. Масловская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 4. – С. 244–248.

96. Милевская, Т.В. Связность как категория дискурса и текста.(когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф.дис. ... д-ра филол. наук:10.02.19 / Т.В. Милевская. – Ростов н/Д, 2001. – 44 с.

97. Мирошниченко, Д.А. Интерпретация права как проблема юридической практики / Д.А. Мирошниченко // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 2. – С. 85–93.

98. Михайловская, Н.Г., Одинцов, В.В. Искусство судебного оратора / Н.Г. Михайловская, В.В. Одинцов. – Москва, 1981. – 176 с.

99. Москвин, В.П. Аргументативная риторика: учебно-методическое пособие / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 77 с.

100. Москвин, В.П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. / В.П. Москвин. – М.: URSS, 2011. – 164 с.

101. Москвин, В.П. Понятие текста и критерии текстуальности / В.П. Москвин // Русская речь: Научно-популярный журнал. – 2012. – № 6. – С. 37–48.

102. Москвин, В.П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения / В.П. Москвин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 (а). – 216 с.

103. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы: предислов. / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 8. – М., 1978. – С. 5–39.
104. Николина, Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
105. Общая риторика [Группа μ] / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. / под общ. ред. А.К. Авеличева. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.
106. Палашевская, И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход / И.В. Палашевская // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «История и филология». – 2012. – Вып. 2. – С. 146–151.
107. Палашевская, И.В. Социокультурное отношение к агентам юридического дискурса / И.В. Палашевская // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. – 2010. – С. 241–247.
108. Первухина, С.В. Виды адаптации текста / С.В. Первухина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика, том 11. – 2014. – № 1. – С. 97–100.
109. Петров, О.В. Риторика: учебное пособие / О.В. Петров. – М.: Проспект, 2004. – 424 с.
110. Петрякова, А.Г. Культура речи / А.Г. Петрова. – М.: Изд-во Флинта, изд-во Наука, 1997. – 256 с.
111. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс; пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриевой. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
112. Поварнин, С. Спор: О теории и практике спора / С. Поварнин // Вопр. философии. 1990. № 3. – С. 60–133.
113. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
114. Рекош, К.Х. Влияние толкования на правовой дискурс / К.Х. Рекош // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – С. 209–216.
115. Рождественский, Ю.В. Теория риторики: учебное пособие / Ю.В. Рождественский. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 512 с.

116. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
117. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – М.: Юрид. лит., 1988. – 384 с.
118. Снина, А.И. Функционально-прагматические типы перифраз в англоязычной публицистике / А.И. Снина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2012. – № 1 (15). – С. 211–214.
119. Скоробогатов, А.В. Концепт «Право» в российском юридическом дискурсе / А.В. Скоробогатов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 233–240.
120. Скребнев, Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификации / Ю.М. Скребнев // Проблемы экспрессивной стилистики: сборник под ред. Т.Г. Хазагера. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – С. 60–65.
121. Смирнов, В.Н., Усманов, Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала / В.Н. Смирнов, Р.Р. Усманов. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1999. – 360 с.
122. Смирнов, И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 190 с.
123. Смоленский, М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации / М.Б. Смоленский. 4-е изд-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 249 с.
124. Солодуб, Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю.П. Солодуб // Филол. науки. – 2000. – № 2. – С. 51–57.
125. Спиридовский, О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии / О.В. Спиридовский // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 161–169.
126. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип, Причинности / Ю.С. Степанов // Языки наука конца XX в. – М., 1995. – С. 38–39.
127. Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – М.: Академия, 2003. – 272 с.

128. Стешов, А.В. Методика риторической разработки замысла публичной речи / А.В. Стешов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. № 2 (19).
129. Ступникова, Л.В. Обучение профессионально ориентированному дискурсу в правовой сфере в условиях межкультурного взаимодействия (английский язык, неязыковой вуз). Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Ступникова Лада Владимировна. – Москва, 2010. – 24 с.
130. Тарасова, И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие / И.П. Тарасова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 70–82.
131. Теучеж, З.Г. Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Теучеж Замира Гидовна. – Майкоп, 2008. — 24 с.
132. Томашевский, Б.В. Стилистика / Б.В. Томашевский. 2-е изд., испр. и доп. — Л., 1983. – 288 с.
133. Туранин, В.Ю. Три причины трудности понимания текста закона / В.Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 2–4.
134. Устинова, К.А. Институциональные признаки судебного дискурса / К.А. Устинова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – 2011. – № 33 (248). – С. 125–127.
135. Ушаков, А.А. Право, язык, кибернетика / А.А. Ушаков // Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 34–41.
136. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
137. Хазагерев, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагерев. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
138. Хазагерев, Г.Г., Корнилова, Е.Е. Риторика для делового человека / Г.Г. Хазагерев, Е.Е. Корнилова. – М.: Флинта, 2003. – 136 с.
139. Хазагерев, Г.Г., Лобанов, И.Б. Риторика / Г.Г. Хазагерев, И.Б. Лобанов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 384 с.

140. Храмцова, Н.Г. Комплексный дискурсивный анализ правового дискурса / Н.Г. Храмцова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 59–62.
141. Христенко, И.С. К истории термина «аллюзия» / И.С. Христенко // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. – 1992. – № 6. – С. 39–43.
142. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.
143. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: Традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – 2002. – С. 230–232.
144. Чернявская, В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации Текст. / В.Е. Чернявская. – СПб.: СПбГУЭФ, 1999. – 209 с.
145. Чувакин, А.А. Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень / А.А. Чувакин // Текст: варианты интерпретаций. – Бийск, 1999. – С. 3–10.
146. Шаховский, В.И. Интертекстуальный минимум как средство успешной коммуникации / В.И. Шаховский // Языковая личность: система, нормы, стиль: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 120–121.
147. Шварцкопф, Б.С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией / Б.С. Шварцкопф // Sign. Language. Culture. – Mouton, 1970.
148. Шевырдяева, Л.Н. Язык современного американского судебного дискурса: на материале решений Верховного суда США: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шевырдяева Лилия Николаевна. – М., 2009. – 26 с.
149. Шилихина, К.М. Интертекст как средство создания иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 3. – С. 152–157.
150. Шуйская, Ю.В. Аргументация в судебной риторике / Ю.В. Шуйская. – М.: «Добросвет», 2008. – 356 с.
151. Bazerman Ch. Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts / Ch. Bazerman // What Writing Does and How It Does It: An Introduction to Analyzing Texts

and Textual Practices / ed. by Charles Bazerman, Paul A. Prior. — Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. — P. 83—96.

152. Beaugrande R.-A., Dressler W. Introduction to text linguistics . – London & New-York, 1981. – 288 p.

153. Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusion // A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Language. Vol. 1. 1976.

154. Culler J. The Pursuit of Signs: semiotics, literature, deconstruction. – Cornell Univ. Press, 2002. – 242 p.

155. Ducrot O., Todorov Tz. Encyclopedic Dictionary of the Sciences of

156. Duff P.A. Intertextuality and Hybrid Discourses: the Infusion of Pop Culture in Educational Discourse // Linguistics and Education. – 2004. – № 14. – P. 231–276.

157. Genette G. Palimpsests: literature in the second degree. Univ. of Nebraska Press, 1997.

158. Grivel Ch. Les universaux du texte // Littérature. – Vol. 30. – 1978.

159. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. – London, 1976. – 374 p.

160. Hylan S. Allusion and meaning in John 6. –

Berlin: Walter de Gruyter, 2005. – 237 p.

Kristeva J. Recherches pour une sémanalyse. – Paris, 1969. – 384 p.

161. Language. – Transl. C. Porter. John Hopkins Univ. Press, 1979.

162. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society / The Communication of ideas / Ed. L. Bryson. – New York, 1948.

163. Lennon P. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study / P. Lennon. – New York: Mouton de Gruyter, 2004. – 298 p.

164. Lindbeck G. A. The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Post-liberal Age. – Luisville, 1984.

165. Morgan J., Sellner M. Discourse and Linguistic Theory // Theoretical Issues in Reading Comprehension / Eds. R. Spiro, B. Bruce & W. Brewer. – New Jersey, 1980.

166. Pasco, A. H. Allusion: a literary graft. – Rookwood Press, 2002.

167. Pasternack C.B. The textuality of Old English poetry. – Cambridge Univ. Press, 1995. – 240 p.
168. Riffaterre M. La Trace de l'inter texte // LaPensee. 1980. – № 215.
169. Sager, S. Intertextualität und die Interaktivität von Hypertexten // Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität / Josef Klein/ Ulla Fix (Hrsg.). – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1997.
170. Schaar C. Linear sequence, spatial structure, complex sign, and vertical context system // Poetics. Vol. 7. – Amsterdam, 1978. – № 4.
171. Scollon, R. Intercultural communication: A discourse approach / R. Scollon, S. W. Scollon. – Blackwell Publishers, 2001. – 187 p.
172. Shannon C., Weaver W. The mathematical theory of communication. – The Univ. of Illinois Press, 1964.
173. Sherry R. A Treatise of Schemes and Tropes. – Gainesville, 1961.
174. Wimsatt W.K., Beardsley M. The Verbal Icon. – Univ. Press of Kentucky, 1954. – 320 p.
175. Cuddon J.A., Preston C. A dictionary of literary terms & literary theory. Ed. 4. – Oxford, 1998. – 1024 p.
176. Brown G., Yule G. Discourse analysis. – Cambridge Univ. Press, 1983. – 302 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2-ое стереотип. М., «Сов. Энциклопедия», 1969. — 608 с.
2. Баранов, А.М., Марфицин, П.Г. Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов [Электронный ресурс] // Правовые технологии, 2001. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/burppdic> (дата обращения: 10.09.2013).
3. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.

4. Ивин, А.А., Никифоров, А.Л. Словарь по логике – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
5. Кожевников, А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. – СПб.: Нева, 2004. – 831 с.
6. Кузмич, В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии [Электронный ресурс] // Литбук: бесплатная электронная библиотека, 2000. – Режим доступа: <http://litbook.net/book/53766/zhguchij-glagol-slovar-narodnoj-frazeologii/page-1/> (дата обращения: 01.04.2015).
7. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940 с.
8. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944 с.
9. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей. – 2-е изд. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
10. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Ария, С.Л. Дело Саморуковой (Убийство новорожденного ребенка) // С.Л. Ария. Жизнь адвоката. Издание 3-е, дополненное и исправленное. – М.: Американская ассоциация юристов, 2010. – С. 59–62.
2. Ария, С.Л. Жалоба в порядке надзора по делу Кольшницына В.Н. (убийство) // С.Л. Ария. Жизнь адвоката. Издание 3-е, дополненное и исправленное. – М.: Американская ассоциация юристов, 2010. – С. 160–166.
3. Ария, С.Л. Речь по делу Раскина В.Б. [Электронный ресурс] / С.Л. Ария // Сайт Адвокатской палаты Воронежской области. – Режим доступа: <http://www.advpalata.vrn.ru/orator3.html> (дата обращения: 15.01.2014).

4. Астахов, П. Дети шпионов [Электронный ресурс]/ П. Астахов // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/pavel_astahov/1485062-echo (дата обращения: 06.01.2015).
5. Астахов, П. Мы не должны отчитываться ни перед ЕСПЧ, ни перед Госдепом [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». – Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/exclusives.asp?id=455136> (дата обращения: 12.03.2014).
6. Астахов, П. О своей стихотворной речи в защиту Поупа [Электронный ресурс] // NEWSru.com: В России. – 2000. – Режим доступа: http://www.newsru.com/arch/russia/01dec2000/interview_print.html (дата обращения: 12.12.2013).
7. Астахов, П. Уполномочен помогать детям [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. – Режим доступа: <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).
8. Барщевский, М. Dura Lex (стенограмма эфира от 19.11.2011) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/lex/828016-echo> (дата обращения: 20.09.2013).
9. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма от 04.03.2014) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1271174-echo/#element-text__ (дата обращения: 15.02.2014).
10. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма от 14.07.2009) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text> (дата обращения: 01.02.2015).
11. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма эфира от 06.09.2011) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/809017-echo/#element-text> (дата обращения 01.12.2014).

12. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма эфира от 20.10.2009) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/628137-echo/#element-text> (дата обращения 01.12.2014).

13. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма эфира от 21.02.2012) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/860797-echo/#element-text> (дата обращения 01.12.2014).

14. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма эфира от 22.11.2011) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/832195-echo/#element-text> (дата обращения 01.12.2014).

15. Барщевский, М. Особое мнение (стенограмма эфира от от 20.12.2011) [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/840800-echo/#element-text> (дата обращения 01.12.2014).

16. Барщевский, М., Воробьева, И. Особое мнение (стенограмма от 24.08.2010) [Электронный ресурс] / М. Барщевский, И. Воробьева // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/705284-echo/#element-text> (дата обращения: 30.12.12).

17. Барщевский, М., Воробьева, И. Особое мнение (стенограмма от 30.08.2011) [Электронный ресурс] / М. Барщевский, И. Воробьева // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/806968-echo/#element-text> (дата обращения: 30.12.12).

18. Барщевский, М., Журавлева, О. Особое мнение (стенограмма от 14.09.2010) [Электронный ресурс] / М. Барщевский, О. Журавлева // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа:

<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text> (дата обращения: 30.12.12)

19. Ватман, Д.П. Наследник пая // Ватман Д.П. Судебные речи. – М.: Статут, 2006. – С. 18–25.

20. Выжутович, В. Защищайте, сударь: Адвокат Генрих Падва не делит своих клиентов на знаменитых и незнаменитых [Электронный ресурс] / В. Выжутович // Интернет-портал «Российской газеты». – 2011. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/18/padva.html> (дата обращения: 01.10.2014).

21. Генри Резник: Наш суд не ведает сомнений [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Новая Газета». – 2004. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html> (дата обращения: 14.12.2013).

22. Дервиз О.В., Речь в защиту Васильевой // Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. – М.: Юристъ, 2007. – С. 346–351.

23. Зачем Астахов ездит в Америку (Интервью Павла Астахова «Российской газете» от 12.08.2013) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. – Режим доступа: <http://www.rfdeti.ru/files/smi-7759-rg-12-08-2014.pdf> (дата обращения: 15.02.2014)

24. Кан, Н.П. Речь в защиту Далмацкого // Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. – М.: Юристъ, 2007. – С. 351–362.

25. Карманов, Ф.А. Осторожно: провокация (речь адвоката в сокращении) [Электронный ресурс] / Ф.А. Карманов // Журнал «Домашний адвокат». – 2016. – Режим доступа: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5457&start=0> (дата обращения: 15.05.2014).

26. Киселев, Я.С. Речь в защиту Бердникова // Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. – М.: Юристъ, 2007. – С. 362–376.

27. Костанов, Ю. А. «Опознание» по выражению лица // Ю.А. Костанов. Слово и «дело». Судебные речи. – М.: Verte, 2007. – С. 187–208.
28. Костанов, Ю. А. Адвокатская речь по делу Мирзоянова // Ю.А. Костанов. Слово и «дело». Судебные речи. – М.: Verte, 2007. – С. 117–129.
29. Костанов, Ю. А. Дело о краже сарматских фаларов // Ю.А. Костанов. Слово и «дело». Судебные речи. – М.: Verte, 2007. – С. 45–63.
30. Костанов, Ю. А. Обвинительная речь по делу «Фантомасов» // Ю.А. Костанов. Слово и «дело». Судебные речи. – М.: Verte, 2007. – С. 63–109.
31. Костанов, Ю.А. Дело о жертве финансовых пирамид (Из книги «Речи судебные и не только») [Электронный ресурс] // Домашний адвокат, Москва, 2011. – Режим доступа: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5458&start=0> (дата обращения: 20.04.2014).
32. Костанов, Ю.А. Суд на суд, а не рассуд [Электронный ресурс] // Домашний адвокат, Москва, 2011. – Режим доступа: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=380&idnew=13755&start=0> (дата обращения: 20.04.2014).
33. Крохмалюк, А. Адвокат Семен Ария: «Отношусь к себе с юмором» [Электронный ресурс] // Газета «Бизнес-Адвокат», № 7, 2005. – Режим доступа: <http://www.bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=370&idnew=16035&start=0> (дата обращения: 15.05.2014).
34. Падва, Г. Адвокат Генрих Падва о Михаиле Ходорковском [Электронный ресурс] // Newsland. Информационно-дискуссионный портал. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/771920> (дата обращения: 01.06.2015).
35. Падва, Г. Красноярский край: Речь Генриха Падвы в защиту подсудимого Анатолия Быкова (часть 1) [Электронный ресурс] / Г. Падва // Сайт ИА «Regnum». – 2003. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/accidents/128262.html> (дата обращения: 01.09.2013).

36. Падва, Г. Первый арест Платона Лебедева признан незаконным [Электронный ресурс] / Г. Падва // Сноб-медиа. – Режим доступа: <https://snob.ru/fp/entry/10908> (дата обращения: 20.08.2014).
37. Падва, Г.П. Речь в защиту Каулина [Электронный ресурс] // Сайт Адвокатской палаты Воронежской области. – Режим доступа: <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html> (дата обращения: 01.09.2014).
38. Приказ Росприроднадзора от 29.06.2011 № 471 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и по результатам контрольно-надзорной деятельности» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «BestPravo». – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/ea-dokumenty/w9v/index.htm> (дата обращения: 01.01.2014).
39. Резник, Г. Апофигей неправосудности (от 29.08.2012) [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Новая Газета». – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/comments/54157.html> (дата обращения: 15.12.2013).
40. Резник, Г. Биография нашему рыжему [Электронный ресурс] / Г. Резник // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – 2012. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/reznik_h/913340-echo (дата обращения: 01.09.2013).
41. Резник, Г. Вперед в светлое прошлое [Электронный ресурс] / Г. Резник // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – 2012. – Режим доступа: <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=907731> (дата обращения: 01.09.2013).
42. Резник, Г. Приглашение на казнь [Электронный ресурс] / Г. Резник // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – 2012. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/reznik_h/875048-echo (дата обращения: 01.09.2013).
43. Резник, Г. Речь адвоката Г.М. Резника по делу журнала «Наш современник» (01.04.2003 г.) // Интернет-журнал «Закон. Журнал для прокуроров и следователей». – Режим доступа: http://proknadzor.ru/analit/show_a.php (дата обращения: 01.01.2014).
44. Свирин, Ю.А. Дело налогоплательщика [Электронный ресурс] // Домашний адвокат, Москва, 2011. – Режим доступа:

<http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20335&start=0> (дата обращения: 20.04.2014).

45. Свирин, Ю.А. Речь адвоката Свирина «Дело об убийстве на сексуальной почве» [Электронный ресурс] // Домашний адвокат, Москва, 2011. – Режим доступа:

<http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20334&start=0> (дата обращения: 20.04.2014).

46. Свирин, Ю.А. Речь адвоката Свирина Ю.А. по делу Гирша В.Р. [Электронный ресурс] // Домашний адвокат, Москва, 2011. – Режим доступа: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=15139&start=0> (дата обращения: 20.04.2014).

47. Смирнов, В.Н. Жалоба адвоката В.Н. Смирнова // В.Н. Смирнов, Р.Р. Усманов. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1999. – С. 354–356.

48. Уголовный кодекс Российской Федерации (от 13.06.1996 N 63-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699 (дата обращения: 30.12.2015).